Урал-Батыр

Annotation

«Урал-батыр» — самое крупное и древнейшее эпическое произведение башкирского фольклора, дошедшее до нас из глубины веков. Оно занимает достойное место среди великих памятников литературного наследия народов мира.

- «Урал-батыр»
  -
  -
  - УРАЛ-БАТЫР
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - УРАЛ-БАТЫР
    -
    - Как Шульген нарушил запрет отца
    - Как Янбике и Янбирде вернулись домой
    - Как Янбирде обнаружил, что из ракушек кто-то пил и что из этого вышло
    - Что сказали звери и птицы, когда собрались на зов Янбирде
    - Как была поймана белая лебедь
    - Урал и Шульген встречают старца и бросают жребий
    - Как Урал-батыр пришел в страну падишаха Катила
    - Как Урал-батыр встретил дочь падишаха Катила
    - Как Урал-батыр встретил Заркума

- Как Урал-батыр и Заркум прибыли в змеиное царство
- Как Урал-батыр вошел во дворец тайн
- Шульген встречает прекрасного юношу
- Как Шульген добрался до счастливой страны
- Как Шульген встретил Заркума
- Как Шульген и Заркум прибыли в царство падишаха Азраки
- Как Шульген вошел во дворец падишаха дивов Азраки
- Как Азрака говорил с Шульгеном и Заркумом
- Как Шульген и Заркум встретились с Хумай
- Как Хумай встретила Урал-батыра
- Как Урал-батыр нашел невиданную птицу
- Как Урал-батыр узнал, что его хозяйка и есть Хумай
- Как встретились Урал-батыр и Шульген
- Как Урал-батыр и Шульген состязались на майдане
- Как Шульген вновь обрел жену
- Как Урал-батыр отдал свой посох Шульгену и что из этого вышло
- Заркум и Шульген снова у падишаха дивов
- Как началась война с дивами
- Как пришел конец падишаху дивов Азраке
- Урал-батыр встречает своих сыновей
- Что рассказали Урал-батыру его сыновья
- Как был повержен Кахкаха
- Битва с Шульгеном
- Как судили Шульгена
- Как Урал-батыр встретил бессмертного
- Шульген снова берется за злые дела
- Как появились на Урале лебеди
- Как на Урале появились реки

«Урал-батыр»

ThankYou.ru: «Урал-батыр»

Спасибо, что вы выбрали сайт ThankYou.ru для загрузки лицензионного контента. Спасибо, что вы используете наш способ поддержки людей, которые вас вдохновляют. Не забывайте: чем чаще вы нажимаете кнопку «Благодарю», тем больше прекрасных произведений появляется на свет!

УРАЛ-БАТЫР

Перевод Шафикова Г. Г.

Глава 1

О том, как жили старик Янбирде и старуха Янбика; о том, как старший их сын Шульген не сдержал наказа отца, не внял словам матери; как дочь царя Самрау по имени Хумай оказалась у них в плену.

В древнюю пору, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Куда никто не ступал ногой
(И на целом свете никто
Не знал, не ведал о суше той),
С четырех сторон обступала
Это место морская вода.
С незапамятных пор проживала
Там семейная чета:
Старик по имени Янбирде
С Янбикою, старухой своей.
Куда б они не желали пойти,
Не было преград на их пути.
Как на земле оказались той,
Где мать, отец их, где край родной,
Говорят, они сами забыли.
Так иль нет, в стороне морской
Жизни семя они заронили.
Двое детей родились у них,
Двое сыновей удалых.
Шульгеном старшего нарекли,
Уралом младшего нарекли.
Так и жили они вчетвером,
Не видя людей, в местечке глухом.
Своего не имели скота,
Не обзаводились добром,
Даже не вешали котла
Над полыхающим костром;
Не знали, что такое болезни,
Смерть была им неизвестна;

Полагали: для всех на свете
Сами они являются смертью.
На охоту коней не седлали,
Лука и стрел еще не знали,
Приручили и держали
Льва-арслана, чтоб их возил,
Сокола, чтобы пернатых бил,
Пиявку, чтоб кровь животных сосала,
Щуку, чтоб рыбу для них хватала.
С древности тот обычай дошел
И навеки с ними остался,
Янбирде ли его завел:
Когда зверь-самец попадался,
Старики его убивали,
Голову его поедали,
Шульгену же и Уралу,
А также льву-арслану,
Соколу и прожорливой щуке
Остальное поесть бросали.
Когда ж самку зверя они убивали,
Для пищи лишь сердце ее вырезали.
Ну а черных пиявок болотных
В травоядных вонзали животных,
Чтобы из выцеженной крови
Себе напиток изготовить.
Малолетним детям своим,
Что охотой не промышляли,
Пить кровь, есть голову или сердце
Строго-настрого запрещали.
Росли сыновья день за днем,
Крепли и телом, и умом.
Вот и двенадцать Шульгену стало,
Десять уже было Уралу.
— Сяду на льва, — молвил один.
— Сокола пущу, — сказал другой.
Оба брата — Шульген и Урал —
Приставали к отцу.

И сказал Янбирде, потеряв покой:
— Оба для нас вы родные дети.
Радость единственная на свете.
Ваши зубы еще не сменились,
Ваши мускулы не укрепились,
Рано в руки сукмар вам брать,
Рано сокола в высь запускать,
Не вышел час вам на льва садиться.
Ешьте то, что я вам уделю,
Делайте то, что я вам велю;
Чтобы ездить верхом научиться,
И оленя вам хватит пока.
На залетную стаю птиц
Можете кобчика запустить;
Если жажда охватит вас,
Можете воды ключевой испить.
Но кровь, что в раковины налита.
Пусть не коснется вашего рта.
Так по нескольку раз подряд
Наставлял он их, говорят.
Запрещая им вновь и вновь
Цедить из раковины кровь.
И вот в один из погожих дней
Старик со старухой своей
На охоту пошли вдвоем,
Оставив жилище на сыновей.
Немало времени миновало,
Как старики на охоту ушли,
И два брата — Шульген с Уралом —
Разговор о еде повели.
Шульген раздумывать долго не стал.
Хоть о запрете отцовском он знал:
С тою раковиной не шутить,
Ни за что из нее не пить,
Все ж уговаривать брата стал,
Всячески его подстрекал:
«Если б охота на зверей

В душу не вливала бы радость.
Если пить кровь для взрослых людей
Не представляло какую-то сладость,
Мать и отец без сна и покоя.
Дома оставив нас с тобою,
На охоте бы не бродили.
Так зря не будем время терять.
Раковину поскорей откроем.
Выпьем по капельке, чтобы узнать
Крови вкус — что это такое». Урал:
«Пусть та кровь и очень сладка,
Я не сделаю и глотка,
Пока не вырасту я егетом,
Пока не узнаю причину запрета,
Пока не пройду по белому свету
И не уверюсь, что на свете
Больше нет и в помине Смерти,
Сукмаром никого не ударю.
Никакой не убью я твари,
Высосанной пиявкою крови
Пить не стану я — вот мое слово!»

Шульген:

«О том, что Смерть не сильнее людей,
Что до нас не добраться ей,
Что не найти ей нас никогда,
Повторял вам отец всегда.
„Мы сами Смерть для твари любой“,—
Не устает отец говорить.
Что же случилось вдруг с тобой.
Что боишься крови испить?»

Урал:

«В расторопности, быстроте,
В силе, росте иль красоте,
В осторожности и терпенье,
В чуткости каждого движенья
Днем ли, ночью ли — каждый час —
Лев, сохатый или барс.
Дикий медведь или зверь любой —
Неужели слабее нас?
Лапы, копыта ль о камни бьют.
Шерсть ли свою о колючки рвут, —
Все же не стонут и не хромают,
В зной одежду свою не снимают,
В стужу шубу не надевают.
Если на добычу метнутся,
То не сукмаром уж замахнутся;
На охоте не знают хлопот,
Каждый собственной силой живет;
Оружие их — только зубы да когтя,
Каждый сноровкой берет своей.
Тот удачлив из них, кто сильней,
Тот добычлив, кто половчей.
Если же ноги им затянуть.
Нож занести, чтоб в гордо воткнуть, —
Звери, живущее в этих местах,
Что наводят всеобщий страх,—
Лев ли это, иль барс лесной,
Словом, хищник сильный и злой, —
Не заплачет ли сам тотчас,
В смятенье и ужасе глядя на нас?
Иль не видят они в человеке
Врага, что зовется Смертью-злодейкой?
Коль друг на друга их натравить.
Щуку на плотву напустить.
На суслика — хорька,
На зайца — лису,
Не возвысится ли, как Смерть,
Над слабым — более сильный зверь?

Скажи, не мы ли здесь вчетвером
В глазах животных и птиц — злодеи?
Не мы ли гибель повсюду сеем,
Страх на всех наводя кругом?
Не мы ли тех, кто Смерти боится,—
Рыбу, что в глубь озер стремятся,
В зарослях поющую птицу —
Ловим и головы отрезаем.
Сердце вспарываем и съедаем,
Тварью ничтожною их считаем?
Не мы ли это вчетвером,
Обычай гибельный насаждая,
Здесь посеяли смерть кругом?
Если когти в сукмар превратив,
В хищного сокола дух обратив.
Звери эти в гневе большом,
Когда-нибудь в порыве одном
Задумают захватить наш дом, —
Смерть, что лютой злобой полна.
Смерть, что нашим глазам не видна,
Пред нашими не взойдет ли глазами.
Не расправится ли и с нами?»
Услыхав такие слова,
Шульген задумался было сперва,
Но решил он все же потом
Вновь упорствовать на своем.
Кровь отпил, и, боясь расплаты.
Задумал Уралу закрыть он рот:
И заставил поклясться брата,
Что отцу тот не донесет.
С богатой добычей вернулись домой
Старик со старухою, говорят.
По обычаю, всей семьей
Распотрошили дичь, говорят.
И пред обильною едой
Уселись, довольные собой.
И, призадумавшись, сказал

Долго хранивший молчанье Урал:
«Отец, вот эту самую дичь,
Хоть от тебя скрывалась она,
Хоть бежала, страха полна,
Ты сумел на охоте настичь,
В горло нож ей сумел вонзить;
Не случится ль и с нами такое —
Существо не найдется ль живое.
Чтобы в схватке нас победить?»

Янбирде:

«Тем, кому суждено умереть,
Мы несем неизбежную смерть.
Куда б от нас они не сбегали —
В горную высь иль лесные дали, —
Беглецов все равно мы найдем,
Горло им перережем ножом.
Нету здесь существа такого,
Кто б человека мог победить живого,
Над головой нож занести.
Не было Смерти от века здесь,
Чтоб нам смертельный удар нанести.
Там, где некогда мы родились.
Где предки свою коротали жизнь,
Смерть еще могла обитать —
Там, в расцвете жизни своей
Множество умирало людей.
Див однажды туда пришел.
Видно, был на людей он зол —
Убивал их и пожирал;
И покрыла всю землю вода,
Суша скрылась под ней навсегда.
В живых оставшиеся тогда
Разбрелись по земле кто куда.
Не осталось для Смерти дела.

Решив, что всех она одолела,
Не подумав о тех, видать,
Кто успел от нее сбежать;
От ее неусыпной стражи
И мы сбежали с матерью вашей.
Край наш пуст был. Нога человека
Не ступала сюда от веха.
Потому-то в этих местах
Не одолевал нас пред Смертью страх.
Было мало здесь дичи, зверья
В дни, когда мы в эти края
Забрели. В озерцах и топи
Проступали размытые тропы».

Урал:

«Отец, если за Смертью пойти,
Можно ли будет ее найти?
Если ж удастся настичь, скажи,
Можно ли голову ей размозжить?»

Янбирде:

«Смерть коварна.
Она ни разу
Открыто не являлась людскому глазу.
Невидимкой та тварь живет —
Никто не знает, когда нападет.
Есть тут только одна возможность:
В царстве дивов, на дальней земле,
Протекает живой родник.
Выпьет кто из него — и вмиг
Обессмертит себя, говорят,
Смерть отступится, говорят».

Поведав такое о Смерти и насытившись едой, старик вытащил раковину, чтобы испить крови. Увидев, что содержимое раковины убавилось, Янбирде стал допытываться у сыновей, кто из них выпил кровь. Шульген стал изворачиваться: мол, никто к той крови не прикасался. Старик Янбирде взял палку и начал поочередно колотить своих сыновей. Из жалости к брату продолжал молчать и Урал, а Шульген, не выдержав, признался отцу в своей вине. Когда старик опять начал бить Шульгена, Урал схватил руку отца и сказал ему такие слова:

«Отец, одумайся, посмотри
На палку ту, что в руке твоей,
По ней глазами пробеги:
Была молода она средь ветвей.
Нынче остругана она,
Вся побита, повреждена,
В палку голую превращена,
С треском сломится — лишь согни.
Ты на палку, отец, взгляни:
Пока ту ветвь не срубил ты в бору,
Росла она, шелестя на ветру,
Трепетала юной листвой
На стволе вербы молодой.
Птичья стая, пчелиный рой
На ту ветку дружно садились;
Птицы звонко на ней веселились,
Гнезда вили на ней весной.
Может, избранной ветка была,
Жизнь беззаботную вела;
Как младенец» что грудь сосет,
Через корни ствола она
Влагу вбирала из речного дна.
Ты от корней ее отодрал,
Все листочки ее оборвал;
Стала палкой теперь она.
Стала, как сокол, что птицу сбивает,
Стала, как щука, что рыб пожирает,

Стала пиявкой, что кровь сосет,
Стала собакой, что кость грызет, —
Не такою ли стала она,
Не насильницей стала ль она?
И со лба отеревши пот,
Не приготовился ль ты теперь
В доме своем, где заперта дверь,
Увидеть ту, что Смертью зовется.
Про которую ты сказал,
Мол, увидеть уж не придется?
Не потому ли, скажи, на сына
Ты замахнулся этой дубиной?
Иль на себе мы должны опять
Силу Смерти злой испытать?
Если сегодня брата убьешь,
Завтра в меня вонзишь свой нож,
Если останешься одиноким.
Сделаешься стариком глубоким,
В три погибели станешь сгибаться,
На льва не в силах будешь забраться,
В лесу охотиться, дичью питаться,
На зверя сокола запускать.
Корм охотничьим птицам давать, —
И твой лев, и собака твоя
Не помрут ли от голода тут,
Тоской глаза их не затекут?
Отчаявшийся от голода лев,
Впав на привязи в страшный гнев,
Не сорвется ль, остервенев,
Самого не сомнет ли тебя,
Не разорвет ли тебя на куски,
Не откинет ли прочь от себя?
Не увидишь ли облик свой
В Смерти, представшей перед тобой
В миг последний гибельный свой?

Услышав такие слова, старик Янбирде перестал бить Шульгена. «Смерть может явиться и невидимкой; наверное, это она и пришла, вот меня и искушает. Не может быть, чтобы никто не видел своими глазами Смерть. Надо расспросить зверей и птиц», — подумал он и созвал лесное население. Обращаясь к собравшимся зверям и птицам, Урал сказал так:

«Злодейку, по прозванию Смерть,
Мы всегда узнавать должны.
Обычай сильных слабого есть —
Мы отвергнуть навек должны.
Если друг друга переберем,
По имени каждого назовем,
То каждый укажет на тех, кто здесь
Кровь не пьет и мясо не ест,
Кто слез не проливает ничьих,
Одни из них кормят себя корнями.
Другие — листьями и стеблями.
Так и живут, никому не вредят,
Только детишек своих плодят,
А те попадают в хищную пасть —
Знает об этом каждый из нас.
Смерть совсем не чужда таким:
Пьющие кровь, рвущие мясо —
Врагами навек останутся им.
Обычаи хищные прекратим:
Тогда одинокой останется Смерть —
Вместе смерти ее предадим!»
Но словам воспротивились тем
Хищники, и с ними Шульген,
Начался между ними спор,
Неразбериха, шум и раздор.

Ворон:

«Я нисколечко не боюсь
Встретить Смерть — от нее не таюсь.
Только с тем, чтобы Смерть убить,
Никогда не соглашусь.
Хоть я стар, но от этого дела —
Пусть наперекор всем, но уклонюсь,
И потому говорю вам смело:
Если сильные на слабых
Вдруг охотиться перестанут,
Иль всякого, кто рожден на свет,
Отныне обходить будет Смерть;
Если осенью в строгие сроки
Не выпадут заморозки, а деревья,
Изменив законам природы,
Не сбросят листву на зимнее время,—
Есть ли прок в том живым на земле?
Коль зайцу подобно каждый зверек
Б год дважды иль трижды станет плодиться,
И, объедая все по ночам.
Зелени после себя не оставит,
Что останется прочим зверям —
В поисках пищи бродить по полям?
Если целые стаи пернатых —
Уток, гусей и журавлей —
Водную гладь собою покроют,
Будут в светлой воде плескаться;
Если, решив, что текут впустую,
Реки вдруг течь перестанут:
Мол, зачем размывать берега?
Если, сочтя, что порядок такой
Есть незыблемый мира обычай,
Птицы не будут давать нам покой;
Если, примеру следуя птичьему,
Бить родники перестанут свободно,
Если протухнут земные воды,
Что мы станем делать тогда?
Откуда пища живым и вода?

Бывало, рискуя головой,
Понапрасну вступал я в бой;
Хоть голод к нужду испытал,
Терпел лишения и страдал,
Все же; если в три дня хоть раз
Не поклюю у падали глаз,
Если чью-то кровь не попью,
Мяса кусочек хотя б не вкушу,
Жизнь не жизнь мне на этом сеете,
Уволить меня потому прошу
От поисков и наказания Смерти».

Сорока:

«Тварь, которая Смерти боится,
Будет встречи с ней избегать.
Если надобно ей плодиться,
Станет укромное место искать».
И с сорочьими теми словами
Все — и тигр, и леопард,
Лев могучий, волк и барсук,
И зубастая, жадная щука —
Согласились, говорят.
Ведь птицы, что сюда по весне летят,—
Гуси, утки, журавли,
Дрофы, рябчики, тетерева —
Только и мечтают о том,
Чтобы птенцов выводить, и потом
Научить их вольно летать.
Но пред этим надо искать
Гнезда по чащобам лесным,
Жира набираться самим.
Лишь косули и с ними олени,
Да еще бурощекий заяц,
На длинные ноги свои уповая,
Безответными оставались.

Еще воробей, дрозд и скворец,
Трясогузка, ворона и галка,
Поживившиеся червячками,
Словно подавившись словами,
В стороне ото всех отмолчались.
Сказала кукушка: «Я гнезд не имею,
Я детишек своих не лелею.
Пусть тот, кто в детях души не чает,
Кто их холит и величает,
Как захочет, так и живет,
Норы роет и гнезда вьет».
Каждый по-своему рассуждал,
По-своему думал-гадал,
Так, к единству и не придя,
Немного времени погодя,
Разошлись они, говорят.
Сник после этого старик,
Выходить на охоту один
Стал бояться, и вовсе отвык.
Как-то четверо — всей семьей —
На охоту ранней порой
Вместе отправились они.
Много дичи набив лесной,
Воротились к лачуге своей.
Средь добычи — птиц и зверей —
Была лебедушка… И когда
Вдруг нависла над ней беда:
Чтобы на мясо ее искромсать,
Стал старик оттачивать нож,
Пробрала лебедушку дрожь,
Стала просить она, умолять:
«Летела я, чтобы мир посмотреть;
Не земное создание я,
У меня есть страна своя,
Не бездомная я сирота.
Когда на земле не было никого,
Никто не касался ногами ее,

Нельзя было друга себе найти,
Подругу на жизненном пути,
Мой отец — повелитель птиц —
Всюду пару искал себе,
Но не было такой на земле.
Чтобы равную отыскать,
Ринулся отец к небесам,
Встретил Солнце с Луною там,
Всей душою их полюбил.
Родилось у него двое детей.
Ни я с сестрою сводной своей,
Ни отец наш болезней не знали,
Смерти власть мы не признавали.
Отец мой поныне властвует там.
Я с мольбой обращаюсь к вам:
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края.
Если ж сладите меня, все равно
Стать мне пищею не суждено —
Лягу внутри у вас камнем я.
Водою из Живого ручья
В детстве тело мое омыла
Солнце-Кояш — матерь моя,
Светом бессмертья меня озарила.
Отпустите же вы меня.
Мой отец под землею даже
Меня отыщет и вас накажет.
Дочь я царя, чье имя Самрау,
А зовут меня Хумай;
Если волосы разовью,
Лучами златыми всю землю залью.
Утром я тороплю зарю,
Ночью свет я луне дарю.
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края,
Путь к Живому роднику

Указать я вам смогу».

Услышав такие слова, Янбирде и Янбика стали держать совет с детьми. Шульген был за то, чтобы съесть птицу. Урал — за то, чтобы ее отпустить. Из-за этого они затеяли между собой ссору. Урал забрал птицу, чтобы она не досталась Шульгену, отнес ее в сторону. «Но печалься! Вот поем сейчас малость и сам отнесу тебя к матери и отцу», — сказал он ей и подсел к своим родителям.

Когда все принялись за еду, птица взмахнула здоровым крылом — и выпали из него три пера; когда она смочила их кровью из сломанного крыла, явились три лебедя и унесли ее с собой. Старики Янбирде и Янбика очень сожалели о том, что не смогли узнать, где находится Живой родник.

Старик тут же велел Шульгену и Уралу отправляться вслед за ними, отыскать Живой родник. Если на пути встретится Смерть, отрубить ей голову и возвратиться домой. Посадив двух сыновей на двух львов, проводил он их в путь.

Глава 2

О том, как прославился Урал, разгромив и уничтожив царя Катила, и даровал людям свободу.

Урал со старшим братом вдвоем,
Считая дни, месяцы, годы,
Где через черный бурелом,
Где через горы, а где бродом —
Двигались вместе одним путем;
Ехали так, и в один из дней
Там, где проворный бежит ручей,
Повстречали они старика
С белой бородой до земли.
Посох большой тот держал в руках.
Братья к старику подошли,
Почтительно поздоровались с ним.
Приветствием ответил он им.
Куда и откуда идут они,
Старец расспрашивать стал у них,
Обо всем — куда, почему —
Рассказали братья ему.
Впал в задумчивость тот. Потом
По бороде провел рукой
И, указав на распутье дорог,
Разговор повел такой:
«Перед вами лежат два пути:
Налево пойдете — вас впереди
Смех, веселье беспечное ждут.
Там, забот и вражды не зная,
В полном согласии живут:
Волки и овцы на вольных лугах,
Лисицы и куры в густых лесах,
Птицу Самрау всем сердцем чтут,
Не едят мясо, кровь не пьют —
Смерти дорогу не дают.

Вот такая там есть страна.
На добро отвечать добром —
Обычай в краю благодатном том.
А направо пойдешь — вдоль дороги всей
Только слезы и плач людей.
Жестокости и скорби полна
Та горемычная сторона.
Царь коварный Катил в ней правит,
Кровь живую пьет у людей.
Всюду увидишь там груды костей —
Вот что ждет, коль пойдешь направо».
И рассказ такой услыхав,
Обычаи здешние разузнав,
Двое братьев — Шульген и Урал —
Жребий бросили меж собой,
Каждый участи лучшей желал.
И жребий братьям выпал такой:
Младшему — налево идти,
Старшему — направо идти.
Каждый сам сделал выбор свой.
Но Шульген не согласен был: —
Про старшинство ты мое забыл!
Знай же: налево я пойду, —
Стал настаивать он на своем.
И правым Урал пошел путем.
Шульген отправился левым путем.
Правой Урал поехал дорогой.
Была она и трудной, и долгой;
Много рек он переходил.
Много гор он перевалил,
Покуда не добрался до склона
Горы, поднявшейся до небосвода.
Там старуху он повстречал:
Рубцами и шрамами испещрена,
Кровью запекшейся обагрена
У старухи была спина;
Кожа висела на ней клоками,

Словно изодранная волками;
Чернели ее обнаженные ноги.
Как у кур, ворошащих мусор;
Точно трава, что стужей убита,
Желтизной ее щеки покрыты;
Как у коры, что лишилась сока,
Мясо на бедрах ее иссохло.
Точно наросты на дереве старом,
Выступали буграми суставы.
Рядом со старухой Урал
Красивую девушку увидал.
На солнце сильно она загорела,
Волны волос укрывали тело;
Словно выточена из ствола
Ясеня, была стройна.
Страха иль стесненья полна,
Пряталась за старухой она.
Как у насытившейся дичью птицы,
Грудь ее выпуклою была.
Глаза были дивно хороши,
Как озеро, блещущее сквозь камыши.
Вся она нежна и чиста,
Тонок, как у пчелы, ее стан.
К ним-то и подошел Урал.
«Вы не пугайтесь меня, — сказал,—
Издалека я сюда пришел.
Был мой путь и крут, и тяжел;
Когда покидал я родительский дом,
Был еще я совсем юнцом;
Знайте: людей я не обижаю,
Их жилища не разрушаю.
Смерть-злодейку хочу отыскать,
Хочу я смерти ее предать.
Подойдите поближе ко мне.
Расскажите о вашей стране.
Тогда приблизились мать и дичь,
Не в силах волнении превозмочь».

К небу старуха глаза возвела
И такой разговор повела:
«Вижу, ждешь ты издалека
С думой, глубокою, как река.
Ах, егет, если б знал ты о том,
Куда дорога тебя привела,
Какие черные дела
Наш царь творит во дворце своем!
Тех, кто про болезни не знал.
Кто смерти собственной и не ждал —
Женщин, девушек и мужчин
(Стар иль млад, отец или сын),—
Велит вязать по рукам и ногам.
Лучших из них для дворца отбирает;
Раз в году народ собирает
К царским хоромам на майдан.
Ну, а дочка Катила-царя
Выбирает себе жениха.
Девушек царь выбирает сам.
Тех, что остаются лотом,
Приближенные падишаха
В собственный забирают дом.
Остальным — место в мире ином;
Девушки смерть находят на дне
Озера. А егеты — в огне.
В честь себя и отца своего,
В честь приближенных своих,
В честь дня рождения своего,
В честь Тэнгри раз в году
В жертву людей приносит Катил.
Десятерых я имела детей —
Мать несчастная средь матерей.
Сожгли из них у меня четверых,
Утопили в воде пятерых.
Мой старик того не стерпел,
Горе такое снести не сумел,
И, не ведая, что творят.

Не боясь, что будет убит,
В ярости позабыв о страхе.
Бросился на людей падишаха.
И несчастного в тот же день
Прямо перед глазами моими
Закопали живьем в могилу.
Осталась при мне лишь младшая дочь.
Рады бы и ее уволочь,
Оторвать от матери чадо,
Поглумиться были бы рады.
Только в лес и сбежала с ней.
И таких, как я, матерей,
Беглецов много бродят здесь —
Горемычных скрывает лес.
Добр ты, по всему, сынок,
Знаешь цену тяжких дорог,
Потому дам тебе совет;
Возвращайся скорее домой,
Уходи из земли нашей злой!»
«Через реки и через горы
Шел сюда я не дни, а годы.
Много разных дорог прошел;
Если Смерть не найду я тут,
Ту, что черной бедой зовут,
Если ей голову не размозжу,
Мир от Смерти не освобожу,
Мне Уралом не зваться вовек!» —
И, такие слова сказав,
Попрощался с ними Урал,
На льва своего вскочил, и стремглав
Во дворец, где жил царь Катил,
Лев его поскакал что есть сил.
Так проехал Урал немало,
И такое пред ним предстало:
Словно от матери одной,
Все обличил одного —
Все нагие, унылой толпой

Друг за другом люди стоят,
Каждый ни мертвый, ни живой,
Выстроились за рядом ряд.
Мужчины от женщин отделены.
Кто противится хоть слегка.
Тех прислужники тычут в бока.
Не жалеют своих кнутов —
Бьют нарушивших стройность рядов.
К ним-то и подъехал Урал.
Только взглядом успел обвести
Площадь, как в шагах тридцати
Он другую толпу увидал.
Там, проливая горючие слезы,
Под криками, полными угрозы,
Онемевшие от испуга,
Жестами объясняясь друг с другом,
Стояли, к сердцу прижав детей,
Толпы отцов и матерей.
К ним скорее Урал поспешил.
«Что происходит тут?» — спросил,
Рассказал о цели своей.
Тому, что Урал им говорил,
С жадностью внимала толпа.
Выступил старик и к Уралу
Обратился с такими словами:
«Все обличье твое, егет,
Разговор твой и гордый вид
И что едешь на льве верхом,
Яснее ясного говорит
О том, что ты из чужих краев.
В нашем царстве свой у нас царь.
Средь прислужников — свой главарь.
Люди самых разных родов
В этой толпе, нет которой конца.
Каждый год в день рожденья царя,
В честь его матери и отца,
В честь колодца, чьею водой

Ребенком омывали царя,
Он приносит в жертву людей.
Утвердился обычай сей —
У владыки есть Черный Ворон —
Он со знамени смотрит гордо.
Ворону набивают утробу
Каждый год в этот день особый.
Видишь хищных птиц? Сюда
Прилетели они неспроста.
На холме расселись они —
Знают: будет для них еда.
Когда в колодец бросят, и там
Девушки, захлебнувшись, умрут,
Извлекут их тела, по холмам
Воронам на съеденье швырнут.
Вот эти связанные егеты
Приведены изо всех родов.
Дочь царя ежегодно тут
Выбирает из них одного;
А затем царь Катил рабов
Отбирает для дворца своего.
А затем уж дворцовая знать
Жертву для Тэнгри начнет выбирать…»
Не успел старик договорить,
Гостю горе свое излить,
Как на троне золотой
Появилась царская дочка —
Четыре раба под каждым углом
Держали трон ее важно и прочно.
Ну, а следом за этим троном
Шел один из приближенных.
Вот дошли до толпы, говорят:
«Стойте прямо, держите ряд!
Или не видите — царская дочь?!
Что ваши лица темны как ночь?» —
Крикнул один из них, говорят.
Тех, кто строй людской нарушал,

Плетью хлестали, говорят.
Вот царевна сошла на майдан,
Медленно прошла по рядам,
Где средь прочих мужчин и Урал
В ожиданье немом стоял.
От ряда к ряду шла дочь царя,
Но искала избранника зря.
Наконец она подошла
Туда, где безмолвно Урал стоял,
Глаза свои на него подняла
И взгляд царевны оттаивать стал.
Яблоко в руки дала ему,
А прислужнику одному
Без промедления приказала
Во дворец проводить Урала.
Вновь неспешно села на трон —
Тут же рабами был поднят он.
Ко дворцу его понесли,
Высоко оторвав от земли.
— Дочь царя избрала любовь,
Будет жених у царевны вновь! —
Средь прислужников шум и гам,
Гул и ропот по всем рядам.
Оттеснили собравшихся прочь.
Кто-то сказал: «Ко дворцу иди,
Ждет тебя там царская дочь,
Счастье ждет тебя впереди».
Потом какой-то молодец
Взялся его проводить во дворец.
«Ты стал нашим зятем!» — льстиво кричал
И хлопал дружески по плечам.
Но Урал с ним не согласился,
К царской дочери не явился.
«Я с обычаями ее знаком.
Посмотрю, что будет потом,
Ну а там, может быть, пойду,
Если написано на роду», —

Слуге спокойно ответил Урал.
Сброд дворцовый в ответ зароптал.
К дочери царской помчались рабы,
Расшибая в усердии лбы.
Царь тоже себя не заставил ждать:
Его окружала ближайшая знать;
А четыре царских батыра
Путь пробивали властителю мира.
На дивном троне, несомом рабами,
Ехал сам владыка Катил.
Как взбешенный верблюд, он был,
Как кровожадный хищник, он был.
Кровью глаза его замутились,
Веки тяжкие отвалились,
В гневе злобен и неукротим,
Страх внушал он всем видом своим.
Хребет, как у жирного кабана,
Ноги толстые, как у слона,
С отвратительным животом,
Подобным саба-бурдюку с кумысом.
И в испуге пред ним народ
До земли свою голову гнет.
Обошел всех владыка гневный,
Отбирая в рабы молодых,
Одних — для работы повседневной,
Для жертвоприношения — других.
Обойдя весь передний ряд,
К другим он перешел, говорят.
Стал тут девушек выбирать,
К красавице одной подошел, говорят.
Прислужника к себе подозвал,
— Зубы осмотри, — произнес.
Проливая потоки слез,
Прикрывая лицо рукой,
Замерла девушка перед бедой.
Руку ее отвел Катил,
Грудь девическую схватил,

Стан и бедра ее ощупал.
По талии похлопал грубо
И сказал: «Для дворца сойдет.
Пусть других моя челядь берег.
Сколько нужно — стольких берите,
Никто на вас не будет в обиде».
Приближенным своим повелел:
«Других в честь матери моей,
В честь колодца, водою чьей
Меня омывали, принесите в жертву!»
Так промолвил он, зубы ощерив.
А тем временем дочь царя
Появилась и на Урала
Раздраженно и гневно напала:
«Выбрала я тебя, молодец, —
Почему ж не пришел во дворец?
Яблоком дала тебе знать,
Что ты должен мне мужем стать.
Слову ты моему не внял.
Перед слугами и рабами
Опозорил, в краску вогнал».
Дочери слова услыхав,
Царь Катил с трона сошел:
«Из какого ты рода, егет,
Что опозорил дочь на весь свет?»
И поспешным шагом к нему
Подошел, роняя слюну.
Подойдя, продолжал, браня:
«Эй, егет, или ты про меня,
Про то, что зовусь Катилом я,
Про то, что в этой стране моей
Я не то, чтобы только людей,
Но и птиц, насекомых, зверей,
Даже тех, кто лежит в земле, —
Всех держу под пятой своей,
Разве не ведаешь ты, злодей?
Если выбрала дочь тебя,

Что стоишь, свою жизнь губя?»
«Я еще такого царя
И обычаев таких,
Чтоб резали так людей живых,
И не видел, и не слыхал,
Хоть и много земель повидал.
Я Смерть-злодейку по свету ищу,
За всех смертных ей отомщу;
Ваших порядков я не боюсь,
Смерти коварной не страшусь;
Если Смерть нагрянет сюда,
Если с нею придет беда,
Если захочет напуститься
Не только на человека — на птицу,
Я не буду стоять в стороне —
Убить ее предназначено мне!
Вот посмотрю на обычай твой —
Смысл в нем добрый или же злой,
Мыслями своими тогда
Поделюсь откровенно с тобой».
Дерзость такую услыхав,
И узнав, что Урал тут — чужой,
Приближенные всей толпой,
Злым обласканные Катилом,
Видя, что тот для дочери милой
Чужака хочет мужем взять,
Черной завистью стали вскипать.
Гнева царь Катил не сдержал,
Так своей дочери сказал:
«Не томись-ка тут понапрасну,
Выбирая такого глупца.
Не поводи на такого и глазом,
Лучше иди в покои дворца», —
Так поучал свою дочку он.
«Тех, кто на жертву обречен,
Не заставляйте ждать, — приказал. —
Девушек утолите в воде,

Егетов сожгите в огне,
Парня этого, заковав,
Приведите потом ко мне!»
Так четырем батырам велев,
На трон взошел он, смиряя гнев.
Кинулись было царские слуги
Исполнять высочайший указ —
Девушек в воду бросить тотчас,
А мужчин в огонь покидать,
Лишь только бросились слуги на них
И стали люди рыдать и стенать,
Выступил вперед Урал
И такие слова сказал:
«Из дома я вышел, чтобы убить
Смерть, не видимую для глаз.
Чтоб от нее людей защитить.
Чтобы от кровопийцы-батши,
От людоедов-дивов сластя,
Чтобы Живой источник найти.
Мертвых его водой оживить —
Вот для этого я в пути!
Когда я вижу, что злая Смерть
На сородичей руку заносит, —
Всякий, кто имя батыра носит,
Может ли молча на это смотреть?
Злодеям батыр уступит ли путь,
Их устрашится ль когда-нибудь?
Эй, отойдите прочь, рабы!
Царь, сойди с золотой арбы!
Руки развяжите парням,
Девушек оставьте их матерям!»
Царь, услышав такие слова,
Кровью налился, багровым стал,
На батыров своих взглянул:
«Если сам себе смерти он ищет,
Точно хлеба — бродяга-нищий,
Смерти лицо покажите ему,

Пусть запомнит мою страну!» —
Царь свирепо отдал приказ.
Четыре батыра явились тотчас
Шерстью медвежьей покрыты они,
Ростом батыры дивам сродни.
Сказали: «Будешь бороться иль биться?
Выбирай, чтоб потом не казниться!»
«Подумайте-ка сначала о том,
Как бы вам не погибнуть самим!
Зверя посильнее себя
Отыщите-ка вы, друзья!» —
Так с издевкой Урал произнес.
Хохотали батыры до слез:
«Значит, батыра тебя сильней
Не было и нет на земле?»
Вместе со всеми и царь Катил
Злобным хохотом исходил.
Нужных слов он не находил,
В черной ярости проговорил:
«Крови жаждет душа его.
Приведите быка моего,
Опору и мощь моего дворца,
Пусть он примерно накажет глупца!
Вы же, батыры, не троньте его».
Услышав слова царя своего,
От страха весь народ задрожал —
Жалость у всех егет вызывал.
— Ох, пропадет, пропадет егет! —
Говорили; плача навзрыд.
А тут и дочь Катила стоит:
«О, отец, во имя любви
Без причины его не губи!
Не ты ль позволил по воле своей
Жениха выбирать себе?
Этого парня я избрала,
Нареченным его назвала.
Из-за тебя не смогла я с ним

Поговорить как с мужем своим.
Умоляю: во имя любви
Жениха моего не губи!» —
Так молила она отца.
На молящие те глаза
За слезой набегала слеза.
Но отец не стал ее слушать,
Не смягчил свою черную душу.
Исполинский явился бык,
Скреб он землю, копытами бил,
Слюну свою ядовитую лил.
Подошел к Уралу тотчас,
Не сводя с него страшных глаз,
И, слегка поведя головой.
Рык из глотки исторг громовой:
«На землю не стану тебя кидать.
Буду сушить тебя на рогах,
Пока ты не превратиться в прах
И не станешь по ветру пылью летать!»
«И я тоже тебя губить
Вовсе не собираюсь, бычок.
Чтоб на землю тебя свалить,
Тратить силы не стану, бычок.
Знай, нет существа на земле.
Кто бы был человека сильней.
Не только ты — все потомки твои
Станут отныне рабами людей».
Слыша обидные те слова,
Бык со злостию встрепенулся
И стремглав на Урала метнулся.
Чтобы вскинуть его на рога.
И сейчас же его Урал
Схватил за рога и крепко сжал;
Как тут бык не пыхтел, не старался,
Как ни бился, ни вырывался,
Освободиться сил не нашел —
По колени в землю ушел.

От жестоких потуг у быка
Из пасти черная кровь потекла.
Верхний зуб его отлетел,
Обессилел бык, ослабел.
Изнемог — устоять не сумел.
Увидав такое, Катил
И все, кто рядом с Катилом был,
В изумленье пришли, говорят,
Каждый замер, страхом объят.
Урал от слов не отрекся своих,
Быка свирепого оставил в живых:
Вывернув ему рога.
Увязшего вытащил из земли.
У быка все четыре копыта
Раздвоились тогда, говорят,
Были песком и грязью забиты.
Кровью затекли, говорят.

Урал:

«Рога, которые я согнул,
Кривыми останутся навсегда.
Пасть, из которой вылетел зуб,
С прорехой останется навсегда.
Надвое треснувшие копыта
Не зарастут — пребудут такими,
И у детей твоих копыта
Навеки останутся двойными».
— Нападайте со всех сторон! —
Катил батырам знак подает.
Те метнулись тотчас вперед:
«Если от рук наших смерть найдешь,
В какую яму твой труп забросить?
Если случится, что не умрешь,
В какую страну твое тело забросить?»
Так одни из четверых

Уралу с издевкою сказал.
Но тот не испугался их.
На великанов этих Урал
Ринулся, разгораясь огнем:
«Подходите все вчетвером!
Силу батыра, что ищет Смерти,
На себе, батыры, проверьте.
Если умру я в ваших руках,
Тела бросьте льву моему;
Коль хватит сил меня одолеть.
Закиньте к живому роднику.
Если ж в руки мои угодите,
Мотыльками в небо взлетите.
Закинуть вас куда и кому?
Когда дивов я искрошу,
Воду живую захвачу
И по пути поверну сюда.
Где, скажите, я отыщу
В муку превращенные ваши тела,
Душонки пустые, что мать вам дала?»
Слова Урала вызвали смех.
«Коль тебя хватит на нас на всех,
Если сможешь нас победить,
На спину каждого уложить.
ЕСЛИ смерть от тебя найдем,
Можешь нас бросить перед царем», —
Так с насмешкой они отвечали
И затем на Урала напали,
Насмерть схватились с ним, говорят.
Одного тут Урал схватил
И в царя швырнул что есть сил;
Остальных же троих заодно
Перед всеми растер в толокно.
Затряслась земля от того —
И царь, и вся прислуга его,
Как и четыре великана,
Пылью рассеялись над майданом.

Матери, исходившие плачем,
Отцы, что горем были охвачены,
Дети, связанные по рукам,
Все это видели, говорят.
Шум повсюду поднялся и гам.
К Уралу сбежались все, говорят.
Ко дворцу подъехал Урал,
Весь народ у дворца собрал.
Тем, кто спрятался или сбежал,
Возвращаться домой приказал.
Выбрав старшего средь остальных,
Лишь собрался покинуть их,
Как в движенье пришел круг людской,
Стали рядить все и судить.
Выступил из толпы старик,
Стал такие слова говорить;
«Егетом истинным ты оказался,
Ничьих угроз не испугался.
Сердце великое у тебя,
Сила могучая у тебя;
Нас жалеючи и любя,
Ты явился сюда, батыр!
Та, что вызвала гнев царя,
Та, что столкнула с ним тебя,
И тем самым спасла всех нас
На годы долгие — не на час —
Наша царская дочь была.
Нам счастье и волю добыла она.
Вспыхнув нежным к тебе огнем.
На спор пошла со своим отцом;
В жены ее ты возьми, егет,
Оставайся с нами, егет!»
Услыхав такие слова,
Видя, что едина молва,
Решил жениться на ней Урал.
В жены царскую дочь он взял,

Погостить тут решил, говорят.

Глава 3

О том, как Урал спас Заркума от смерти, как они вдвоем явились к отцу Заркума, царю Кахкахе; как Урал проник в потайной дворец; о том, как женился он на Гулистан.

По прошествии нескольких дней
После пышной свадьбы своей
Отправился дальше Урал, говорят,
Много вод одолел, говорят;
Проезжая дорогой крутой,
У подножья скалы одной
Он со льва сойти поспешил.
Отдохнуть на траве решил.
Вдруг услышал шипенье змеи.
Уши навостривши свои,
Тут же на ноги он вскочил
И, осматриваясь, застыл:
Неподалеку под горой
Увидел в ложбинке небольшой
Змея величины такой,
Что заслонил бы и льва собой,
Сто шагов будет змей длиной.
Этот огромного роста змей
Оленя рогатого схватил,
Гибким телом его обвил,
Так, вступив в жестокую схватку,
Боролись твари те без оглядки.
Вот вконец олень изнемог,
Устоять против змея не мог,
Фыркнул и повалился с ног;
И едва он лишился сил,
В пасть змеиную угодил.
Подбегает к нему Урал.
Змей храпит и валит хвостом
Кусты, деревья на месте том.

Увернулся Урал, изловчился.
За хвост чудовища ухватился
И затем повелел ему властно
Выпустить оленя из пасти.
Змей ни слова в ответ не сказал —
Только жертву свою жевал.
Всю ее захвативши в пасть,
Проглотить старался не раз.
Но рогами олень застрял,
Змею поперек горла встал.
Змей рога те сломать пытался,
Но хрипел лишь и задыхался,
Оземь оленя бил, но никак
Не в силах был разломать рога.
Постепенно, утратив пыл,
Змей на землю упал без сил:
Продавил бы — внутри застревает,
Выбросил бы — пасть не пускает.
И когда совсем изнемог,
Понял, что не сумеет вовек
От рогов избавиться тех.
Головою покорно склонился
И к Уралу оборотился:
«Эй, егет, я тебе пригожусь,
Лишь не дай чтоб издох я тут.
Сыном я Кахкахе прихожусь
И Заркумом меня зовут.
Если поможешь мне, я смогу
Отплатить — не останусь в долгу.
Если скажешь: будь спутником мне, —
Я с тобой пойду по стране.
Драгоценных захочешь камней —
Во дворец со мною пойдешь.
Сколько хочешь добра возьмешь.
Будешь желанным из гостей.
Первым среди дворцовых людей», —
Так сказал он Уралу с мольбой.

И ответ получил такой:
«Беднягу, что зла не чинил никогда,
Не причинившему боль никому.
Не проливавшего кровь никогда.
Ты Смерти предал — врагу моему.
Так раскрой свою тайну без лжи,
По порядку все расскажи.
Мне подарки твои не нужны.
Из страны я ушел своей,
Чтоб избавить от Смерти людей,
Тех, что оленю, может, сродни
Тем, что беззащитны они».

Заркум:

«Ай, егет мой, не обессудь,
Я открою, в чем дела суть:
Вдали отсюда, в той стороне,
В необъятной птичьей стране,
Есть царь по имени Самрау.
От Солнца дочь его рождена —
Вся красы небесной полна.
Сватался я, но за меня
Ее не отдали — мол, ты же змея!
Тогда обратился я к отцу,
Дни и ночи его молил,
„Отец, сосватай ее, — говорил, —
А не отдаст — объяви войну,
Спали дотла всю птичью страну“.
„Иди на охоту, — отец сказал,
Змеиную кожу надеть приказал,
Двенадцатирогого оленя
Схвати и съешь сегодня, — сказал.—
Если сумеешь его проглотить,
В разных обликах будешь жить;
Будешь красавцем среди людей,

Первым егетом среди парней,
В царство птичье потом пойдешь,
Одну из двух дочерей Самрау
В жены непременно возьмешь“.
Сегодня я на охоте был,
Едва оленя не проглотил,
Но видишь — на большее нету сил.
Застряли в пасти его рога —
Не проглочу я их никогда,
Погубил я себя навсегда.
Пожален ты меня, егет,
Мне в несчастии помоги,
Рога оленьи обломи;
Вместе к отцу моему пойдем,
Что захочешь, то и возьмем.
Не проси богатств у него.
Красавицу предлагать начнет —
Пусть будет сердце твое, как лед.
И кораллы, и жемчуга
Перед тобою рассыплет отец —
И ими не обольщай ты себя.
И так промолвит он наконец;
„Таких, чтоб жемчуга не любили,
Пред золотом головы не клонили,
Красавиц нежных не признавали,
На этом свете сыщешь едва ли.
Я тоже не видел, не слыхал,
А стал искать бы — не отыскал.
Нечего больше тебе мне сказать.
Ответь лишь: что за услугу твою
От меня ты хотел бы принять?“
С тем обратится к тебе отец.
Так запомни: пусть он с себя
Прежде драконову кожу смахнет,
Птичий вынув затем язык,
Переложит его в твой рот.
Отец мой станет тебя пугать,

На черный камень станет плевать
Камень расплавится от плевка
И растечется, как река.
Если же плюнет он на горы,
Те лишатся земной опоры,
Озером растекутся вокруг,
Водой затопят окрестный луг,
Не будет озеру края, конца —
Все от плевка моего отца.
Но и того не пугайся ты,
Только язык его требуй ты.
Когда ж поцелуешь его язык,
Отец смягчится мой в тот же миг
И к тебе обратится опять:
Что, мол, захочешь, то можешь забрать.
Ты ответишь: „В стране царя
На добро отвечают добром.
Разумей же, прошу о чем.
В том, что любишь, мне не откажешь,
Вещь любимую мне подаришь“.
Коль с набалдашником жемчужным
Жезл отдаст он, его возьмешь.
Станет тебе он верным оружьем:
Если в воду вдруг попадешь, —
Не утонешь, не пропадешь.
А в огонь угодишь — не сгоришь.
Невидимкой захочешь стать, —
Никто не сможет тебя разглядеть;
Если ж искать тебя станет враг,
Не отыщет уже никак».
Тайны дивов узнав, Урал
Вмиг оленьи рога обломал.
Даже глазом моргнуть не успел —
Змей егетом красивым стал.
Резкий свист тут раздался в тиши
И егетов он оглушил.
Изменился в лице Заркум,

Будто вдруг помутился ум.
— Что случилось? — спросил Урал.
Тот в ответ ничего не сказал.
Думал в страхе думу свою:
«Отец проведал тайну мою,
Все узнал, что я здесь говорил,
Что дворцовые тайны открыл.
Если егет останется жив,
Отпущу его, не проглотив,
Гневом отцовское сердце вскипит,
Мне измену едва ли простит.
А проглотить его нет уже сил.
Я бы просто его задушил,
Да хвост петлей свернуть не могу.
Если к отцу его приведу.
Если к ногам его упаду,
Может быть, отведу беду…» —
Так про себя размышлял Заркум.
Но Уралу коварных дум
Не раскрыл: сказал, мол, меня
Кличет отец, за задержку браня.
«Егет, со мною теперь пойдем,
Будешь ты моим кунаком,
Увидишь отца моего,
Жезл выпросишь у него», —
Так к Уралу он обратился.
И с Заркумом тот согласился.
«На царство змеиное посмотрю,
Двери в тайны его отворю.
Если на добро ответит злом,
Встретят враждебно в краю чужом —
Как поступить, решать буду сам я.
Егет не бросается словами,
Всегда он правым путем идет —
Пусть хоть к гибели тот приведет.
Удаль свою до конца испытаю
В том краю, где враги обитают,

Коль уж задумал Смерть убить,
Изрубить ее, испепелить», —
Так Урал сказал сам себе
И доверил свой путь судьбе.
«Буду жив — ворочусь назад,
Встретиться вновь с тобой буду рад.
А не вернусь — не очень-то жди,
На чужбине жизнь не веди,
А по пройденному пути
Ты в сторонку свою иди.
От меня передай поклон»,—
К верному льву обратился он,
В лоб его поцеловал.
И с Заркумом ушел Урал.
Вот идут они, говорят,
Много верст прошли, говорят.
Вдруг глыбой черною на пути
Туча вздыбилась впереди.
Как зарница, из многих огней
Что-то разгорается в ней.
«Что там такое? — спросил Урал, —
Гор подобных я не видал».
«Не гора это, а змей,
Верный страж дворцовых дверей», —
Так Заркум отвечал ему.
К чудищу подступились тому,
И увидел Урал тогда
У огромной железной ограды
Девятиглавого страшного гада.
Клубком свернувшись, тот змей лежал,
Покои царские оберегал.
Первым Заркум подошел к нему,
К девятиглавому горбуну.
— Ключ принеси! — приказал ему.
Свистнул тут пронзительно змей —
Казалось, рухнула груда камней.
Это четыре шестиглавых гада

Волочили ключ громадный.
И вот этот-то самый ключ
Грохотал, будто глыба с круч.
Тем ключом открыли дворец.
— Проходи сюда, молодец,
Я же отца пока извету
И сюда его приведу, —
С тем Урала он запер там
И убрался куда-то сам.
Очень скоро возле дворца
И большие, и мелюзга —
Змеев закипела толпа.
Урал прислушиваться к ним стал.
Одиннадцатиглавый змей сказал:
«Мой черед человека сожрать,
Двенадцатиголовым стать,
Ведь самым близким визирем
Падишаха я должен стать».
Девятиглавый же змей изрек:
«Нет уж! Человек этот смог
Вырвать тайну у сына царя —
Клятву дал ему царский сынок
Тайны здешние все открыть.
Должен царь его проглотить,
Иначе я его проглочу —
Всем ведь ясно: лишь мне по плечу
В голове все тайны хранить.
Но не станет царь его есть:
Раз тот спас его сына и честь,
Если царь даже съест его.
Не вырастет голова у него».
Гады исчезли после тех слов.
Змей, имеющий девять голов,
Урал-батыра сожрать был готов.
Подполз к воротам он, говорят.
Принял девичий вид, говорят,
И Урал-батыра тогда

Приворожить он решил.
Но объятия лишь раскрыл,
Как его руки Урал схватил.
Стиснул так, что из пальцев кровь
Так и брызнула, говорят.
Не вынеся боли, огнем
Спалить Урала хотел змей-юха.
Но тот за глотку его схватил,
В гневе и ярости проговорил:
«Ведь владеешь тайнами ты,
Головы отращиваешь себе;
Все царские тайны Кахкахи,
Знаю, заключены в тебе».
И, услышав такие слова,
Удивился безмерно змей:
«Я вижу, ты провидец и бог, —
Догадаться о том я не мог.
Думал я, что ты человек,
Потому и шепнул царю:
„Сын твой одному из людей,
Кто для нас лютый враг и злодей.
Все секреты твои раскрыл“.
С тем на землю упал он вмиг
И к ногам Урала приник,
Перегнулся всем телом, однако,
Что-то почуяв, уже без страха
Крикнул громко, как только мог:
„Нет, нет, ты — не бог!
От тебя человеком пахнуло,
Чутье меня не обмануло!
Сыну царя ты язык развязал,
Все секреты дворца разузнал
И сюда явился потом“, —
Взвился вверх он одним прыжком.
Пасть разинув, шипел, говорят,
В огне спалить угрожал, говорят.
Не смутило и это Урала,

Ударил он змея по голове,
И у змея из той головы
Связка ключей со звоном упала.
Из восьми же голов других
Вышло восемь батыров живых.
„Все людьми мы когда-то были,
Богатырями смелыми слыли.
Змей проклятый нас проглотил“
Голову тем себе прирастил;
Сердце змея ты распори,
Обнаружишь там ключ золотой.
Дворец секретов им отвори.
Все, что хочешь, то и бери», —
Сказали спасенные богатыри.
Сердце змея Урал раскроил,
Дворец секретов ключом отворил.
Красавицу за дверцей нашел:
Вся украшена жемчугами.
Парчой укутана и шелками.
Но только с пожелтевшим лицом…
Там же, внутри, увидел он трон,
Жезл жемчужный увидел он.
«Жезл возьми с собою в дорогу», —
Батыры ему посоветовали хором.
В это время двери дворца
Настежь белый змей распахнул.
Гнев его так и этак гнул:
«Кто сюда проникнуть посмел.
Кто мой посох забрать посмел,
Не доступный ни для кого?»
На Урала кинулся змей,
Чтоб проглотить его поскорей;
Но батыр его вдвое согнул
И на землю потом швырнул;
И такие сказал слова:
«Я, батыр, на своем пути.
Смерть-убийцу хочу найти.

А тех, кто замыслил ее спасти
Могу с лица земли я смести.
Если имя мое Урал,
Если от человека мой род.
Знай, что в этом мире я тот,
Кто рожден защищать людей.
Счастья желаю земле я всей;
Тот же, кто людям враг и злодей.
Примет смерть от руки моей.
Если царь ты, отдай приказ:
Пусть все змеи сойдутся тотчас;
Те, в которых люди сидят.
Пусть свои головы склонят —
Разрублю я их все подряд,
На волю пленников отпущу;
Всей драконам злобным и змеям,
Кто несчастье и горе сеет,
За коварство их отомщу!»
И такие слова услыхав,
Подчинился змей, говорят.
«Раз уж жезл от меня ушел,
Видно, сила твоя», — сказал.
Змеев всех созвать приказал.
Собрались тут все, говорят.
Головы, выросшие за счет людей,
Снес Урал саблей своей.
Из голов тех люди сошли,
Распахнули двери дворцов,
Всех, кто в подземелье томился,
Освободили от оков.
«А теперь ты сына найди
И сюда его приведи», —
Так Урал царю приказал.
На свободу вышел народ.
И вместе со всеми девушка та
Чистый увидела небосвод.
Все к спасителю заспешили,

Тесным кольцом его окружили:
«Помощь, что Тенгри не посылал,
Сын земной, ты нам оказал.
От злодеев и землю, и нас
Богатырской рукою спас.
Как тебя нам благодарить,
Чем, скажи, нам тебя одарять?
Назвали б — Тэнгри, да ты человек,
Как восславить тебя навек?»
«Слава и почести миге не нужны;
Лишь тот зовется батыром страны,
Чьи помыслы людям посвящены.
Ваша радость — она и моя,
Вы ж воспримите мою, как свою.
Всех людей мы здесь соберем
И устроим великий пир,
Одного из вас на пиру
Старейшиной рода изберем.
Был тут мужчина, некий Алгыр,
Что против змеев восставал,
С ними много лет воевал.
Его-то главным и сделал Урал.
У Алгыра был верный друг,
У друга дочь Гулистан была,
В рабынях у Кахкахи жила.
Все, кто у дворца собрались,
В одном решении сошлись:
Девушку вот эту самую
За спасителя выдать замуж.
Принял Урал предложенье людей.
Только со свадьбою своей
Решил немного повременить.
Задумал сперва Азраку сразить.
Прежде чем пир отпраздновать свой.
Самый почтенный к толпе людской
Обратился с речью такой:
„Во все времена для страны родной

Был свойствен великих батыров приход.
Поколенья пройдут чередой,
Новое поколенье придет.
И, хоть слава твоя пребудет,
Все же сила из рук отойдет.
Вечной останется лишь страна.
Вновь ее сила возрастет,
И отточится снова стрела.
От батыра батыр родится,
Лук возьмет по примеру отца
И с коварным врагом станет биться.
И этому не будет конца.
Поколенье таких сыновей
Всесильным будет в стране своей.
В девушке этой — отцовская кровь,
От матери — молоко и любовь.
Будет тебя достойна она —
Красавица, верная жена…“
Слова такие старик сказал.
И внял его уговорам Урал»
На Гулистан жениться решил,
Отовсюду народ собрал
И пир большой провести поспешил.

Глава 4

О том, как Шульген попался на хитрость царя дивов Азраки; как отправился в страну птиц Самрау; как Хумай заперла его в подземелье дворца.

Шульген, что направо зашагал,
Еще одного старика повстречал;
О том, что ищет в этих краях,
О том, что еще одного старика
Встретил до этого в здешних местах,—
Обо всем ему рассказал.
И в ответ обо всем откровенно,
Ничего не скрывая, старик
Тайну свою поведал Шульгену:
«Тот, кто встретился прежде вам,
Младшим братом приходится мне.
Мы родились с ним в одной стране.
Дряхл в немощен он на вид,
Весь морщинами покрыт,
Изможден — только кожа да кости,
Кое-как свое тело носит.
А теперь на меня взгляни —
Не егету ли я сродни?
Коль младшим братом его назову,
Скажешь: бредет старик наяву.
А секрет тут таков, егет;
Стар ли, млад ли, — разницы нет —
Все сородичи в нашем краю
Чтят родословную свою,
Все — как от матери одной.
Были верны мы клятве такой:
Вовек не грабить свою страну,
Кровь человечью не проливать,
Тугую не заводить мошну,
Не прятать, в землю не зарывать

Богатства страны своей родной,
Поровну все и на всех делить,
Если что-то сумел добыть,
Счастье — лишь правом своем не считать,
Обездоленных не обижать;
Не считать прокаженной ту мать,
Что девочку на свет родила,
В воду детей ее не бросать —
Такая клятва у нас была.
Брат мой клятву ту не берег:
Всех, кого пересилить мог,
Разорял или избивал,
Грабил нещадно и убивал.
Обычаи стал создавать он сам,
Смерть причислил к своим друзьям.
Чтоб легче рвать из общей казны.
Потому-то его из страны,
Где мы были на свет рождены.
Люди, поднявшись заодно,
На чужбину изгнали давно.
И теперь он, как зверь в ночи.
Жизнь скитальческую влачит,
В мире не нужный никому;
Одряхленье и смерть потому
Раньше других подкрались к нему»
Такое старик рассказал ему.
Все Шульген постарался понять,
Старика расспрашивать стал,
Как землю заветную ту отыскать
Глазами своими ее повидать.
Годы шел он, а может, и век,
Множество гор одолел и рек,
Там, где мрак его настигал,
На ночь делал Шульген привал.
Однажды, свое обнажая дно,
Схлынуло озеро. Все оно
Камышами окружено.

Лилия там огромна была —
Как дерево тиковое цвела.
Под водою — песчаное дно.
Утки, лебеди, дикие гуси
В озере плавают заодно.
Рыбы плещутся неустанно —
Щуки, окуни и сазаны.
Никто друг друга тут не боится —
Вволю плещется и резвится.
Остановился Шульген, и потом
Вырвал волос у льва рывком,
Сплел петлю тугую, и вот
Он в тальник прибрежный идет,
Чтоб удилище срезать себе.
А там в ветвях соловей поет.
А вокруг того соловья
Вяхири стройным рядком сидят.
Здесь же ястреб, грач и сова
Мирно расселись за рядом ряд.
Дальше взглядом скользнув своим,
Видят: у подножья горы
В общем кругу сошлись одном
Лисы, куры и глухари.
Остановился Шульген пред зверьем.
Вспомнил сказанное стариком:
«Должен вначале к царю я пойти,
Тайны дворцовые разузнать,
И уж потом на обратном пути
Дичи для себя настрелять»,—
Так Шульген про себя решил.
Вмиг на льва своего забрался,
Что есть мочи к царю помчался
По дороге, когда не ждал,
Он Заркума встретил случайно —
От Урала бежал тот отчаянно.
Заркум Шульгена расспрашивать стал
Когда Шульген все рассказал,

Сыном назвался тот Азраки,
Так Шульгену Заркум соврал,
Клятвенно ему обещал
Вместе поехать к Азраке,
Подучить от него дары,
И на склоне крутой горы
Из родника Живого испить,
Чтобы жизнь бесконечно длить.
Шульген Заркуму поверил во всем,
Решил пойти с ним одним путем.
Много дорог они прошли…
И вот однажды черное что-то,
Возвышаясь до небосвода.
Перед взором открылось вдали —
Гора или туча — попробуй, пойми.
Если горой назовешь — кипит.
Облаком назовешь — гремит…
Растерялся Шульген, содрогнулся,
В страхе к спутнику обернулся;
Так ответил ему Заркум:
«Тот, кто неба горбом достает, —
Просто стражник возле дворца.
Тот, кто навстречу нам идет, —
Самый главный средь дивов отца.
Остановимся тут на дороге;
Ты меня подожди немного —
Подойду я к его порогу.
Скажу, что гость пожаловал к нам,
И тогда нас проводит он сам».
С тем Шульгена оставив там,
К диву главному подскочил:
Мол, меня и дружка моего
Пусть к царю проведут, попросил.
Все сразу понял див, говорят,
Дал царю намек, говорят;
Тот велел с почетом гостей
Встретить, двух подать им коней.

Вышел див к ним большой, говорят,
И Заркума с Шульгеном тут же
Во дворец повел, говорят.
Когда ко дворцу они подошли,
Вновь с Шульгеном Заркум расстался,
Чтоб обо всем царю сообщить…
И Шульген вновь один остался.
Заркум вошел к владыке дворца.
Тут-то около Азраки
Своего он увидел отца.
Азрака вместе с Кахкахой
Про Урала тою порой
Разговор вели меж собой,
Споря в растерянности и гадая.
Как поступить с батыром не зная.
Пришли дивы-сынсы сюда,
И так промолвил старший из них:
«О, владыка! Помнишь, когда
Только родился Урал-батыр,
Дивы, что в небесах пролетали,
Один за другим на землю упали?
Когда похитить хотели дитя,
Убить хотели его, шутя,
Оно в упор взглянуло на них —
И разум у дивов смутился вмиг.
Когда ребенок хотел их поймать,
Они, не в силах страха унять,
Рухнули наземь, как горный обвал.
А ребенок на ноги встал,
Близко к нашей стране подошел,
Мыслью одной: „Воду возьму“ —
Так Живой родник напугал,
Что в нем убавилась сразу вода.
Об этом тебе мы сказали тогда.
Ты пригорюнился: вот, мол, беда,
Выход надо теперь искать,
Иль новое горе нагрянет опять;

Человека нам надо найти,
Чтоб с его помощью войти
В доверие к царю Самрау,
У него Акбузата отнять.
Азрака на это в ответ:
„Чтоб Акбузатом завладеть,
Дикий нрав его укротить,
А не удастся если — убить,
Семерых дивов я посылал,
Даже место им указал,
Где белый конь тот в небе укрыт;
Стали преследовать дивы коня —
Бежал от них он, как от огня;
Так поймать его и не смогли“
К великой досаде дивы мои
Назад не вернулись из звездных стран,
Опозоренными остались,
В небе в созвездии „Етеган“
Навеки полымем расплескались.
Решил я, чтоб горечь в душе унять.
Рыжего коня у Самрау отнять.
Самрау дочь от Луны имел —
Я и ее похитить велел.
Хоть дочь его в плену у меня,
Рыжего нет поныне коня,
До сих пор не явился к нам.
Потому говорю я вам:
Как зиме надобен белый снег,
Так нам нужен теперь человек,
Чтобы Хумай любою ценой
Смог бы приворожить собой;
Чтобы его полюбила она,
Чтоб Акбузата с алмазным мечом
Вместе с собой подарила она.
Тогда, угодив ему во всем, —
Отдай любую красотку ему,
Подарив любую страну,

Душу мы его обретем,
Урал-батыра тогда побьем.
Нам тогда от людей земных
Помех не будет никаких.
Будем делать, что захотим,
Все приберем к рукам своим!»
Так промолвил царь Азрака,
Раздувая свои бока.
Очередь Заркума настала.
Отвесил царю он земной поклон
И произнес: «Я брата Урала
С собой привел. Ждет поблизости он».
Про то, как обвел его, рассказал,
Тем одобренье царя снискал.
Шульгена провели во дворец,
Прямо к Азраке подвели.
Тот любезно принял его,
У трона усадил своего,
Заркума сыном назвал своим,
Кахкаху — другом дорогим.
И вот — нет гостя почетней Шульгена —
Яства пред ним появились мгновенно,
Богатства всюду его окружают,
Девушки танцами ублажают,
Все красавицы как на подбор —
Сердце греют и тешат взор,
Можно голову потерять!
Но даже средь таких — одна,
Как среди звезд ночных луна,
Сияет так, что слепит глаза —
Взгляд оторвать от нее нельзя.
Тонок стан ее, взор глубок;
Родинка на ее щеке
Нежно темнеет, как цветок.
Айхылу — имя девушки той.
Не видел Шульген красавиц светлей,
Страсти вспыхнувшей не сдержал —

О горячей любви своей
Заркуму сразу же рассказал.
Тот сестрою ее назвал.
Замуж за него обещал;
Так Шульгена разыгрывал он.
И, восторгом вконец упоен,
К Заркуму доверьем проникся Шульген.
Лестью взял Заркум его в плен:
Все отцу, мол, сейчас расскажу.
Верой-правдой тебе послужу.
И Азрака медлить не стал,
На высокую гору Кут-тау
Громким свистом дивов созвал.
Привести Айхылу велел,
Отвел в укромное место ее,
О том, что когда-то украли ее,
Никому говорить не велел,
Так красавице он сказал:
«Коль делать не станешь, как я приказал,
Голову оторвав, сожру,
В пламени кости твои сожгу!»
И от слов тех испуг немой
Душу пронзил ее, как иглой.
Шульген объявлен был женихом.
Справили свадебный пир потом;
Рада была Айхылу… Она
И впрямь была в него влюблена.
И любовью ее усыплен,
Жизнью дворцовою опьянен,
Счастью Шульген предался сполна.
Как-то царь речь повел о том,
Как Хумай — дочь Самрау — отыскать,
Как ее завладеть конем
Акбузатом и чудным мечом:
«Кто алмазный тот меч возьмет, —
На весь мир прославится тот,
Первым батыром прослывет,

Всех своей власти подчинит», —
Егетам Азрака говорит.
Так и этак он толковал,
Шульгена на подлый шаг подбивал.
И Шульген словам его вняв,
Про чудо-красу Хумай услыхав,
И узнав, к тому же, что тут
Дива ему в дорогу дадут,
Тотчас решил отправиться в путь,
Царевной завладеть как-нибудь.
Меж собой сговорившись о том,
Брат Урала с Заркумом вдвоем,
На быстрого дива усевшись верхом,
В страну Самрау отправились в путь.
Не оборачиваясь назад.
Не успели и глазом моргнуть,
Цели достигли они, говорят.
Вот приятели с дива сошли,
Разговор меж собой повели;
Все обсудили они подробно.
Когда подвернулся случай удобный,
Заркум про Урала упомянул.
Спутника вновь своего надул:
«Есть страна за большой горой,
Которой правит змей-аждаха.
Царя того зовут Кахкаха;
Есть у царя того под рукой
Жезл особенный: колдовской —
Против врага он станет огнем.
Если надобно — станет водой.
Бурю вызовет или гром;
Тихо и мирно в краю было том.
Да неизвестный батыр объявился.
Никто не знает, как ухитрился —
Выкрал иль как-то иначе сумел, —
Но жезлом волшебным тем овладел;
Владыку законного прогнал,

К рукам всю страну его прибрал,
Урал-батыром себя назвал,
Стал царем там батыр Урал»,—
Так поведал Заркум, говорят.
С одной стороны Шульген был рад
Тому, что жив Урал — его брат;
Только мысль, что тот верх возьмет,
В богатырстве его обойдет,
Скажет: по странам, где я бродил,
Первым батыром признан был;
Что всюду будут его хвалить,
Дома будут его возносить, —
Сердце завистью заливало,
Злобой Шульген проникся к Уралу.
«Если на Акбузата вскочу,
Меч алмазный, подобный лучу,
Разом над головой взмечу,
Всех сомну я и растопчу!»
Рассуждал между тем Заркум:
«Хоть и едет он вместе со мной,
Хоть мне стал он как брат родной,
Все же не я, а он на Хумай
Женится, как ни плачь, ни рыдай,
Акбузата себе заберет,
Значит, и нас возьмет в оборот.
Буду пока с ним вместе шагать,
Храбрость его испытаю, стать.
А когда Урала убью,
Жезл отцу верну опять.
Волю тогда исполню свою», —
Так Заркум продолжал рассуждать.
Вот они добрались до цели,
На дворец царя поглядели,
И видят: перед самым дворцом
Полным-полно лебедей кругом.
Одна из птиц, заприметив их,
От подруг отделилась своих,

От стаи в сторонку отошла
И как будто подругам своим
Потаенный знак подала.
Моргнуть не успели прибывшие глазом,
Расступилась вся стая разом.
Ну а птица, что отделилась,
Взглянула на них — как сделала милость.
Когда про Хумай ее спрашивать стали,
«Нет ее», — ответ услыхали.
Больше спутники ни о чем
Расспросить ее не успели —
Свершилось чудо на месте том:
Птицы, что снегом лебяжьим белели,
Вмиг свои шубы сбросили птичьи
И в девичьем предстали обличье.
Шульген восхищенно на них глядел;
От красоты одной онемел.
Сколько б он по земле ни бродил,
Не видел подобной, не находил!
Лицо сняло ее, как луна;
Нежно набухавшая грудь
И округла была, и полна.
И казалось, что все кругом —
И подруги в платьях своих,
И все, что окружало их, —
Озарялось ее красотой,
Ее целомудренной чистотой;
Будто весь мир пред девушкой той
Голову низко к земле клонил.
«Видно, это и есть Хумай», —
Шульген с восторгом сообразил.
Не выдала девушка видом своим,
Что подозренья исполнена к ним.
Не угадали друзья никогда,
Что поджидает их здесь беда.
Средь прочих красивейшая вдруг
От своих отделилась подруг,

И, как матка пчелиного роя.
Обратилась к ниц с речью такою:
— Вижу, прошли не один вы кран.
Узнали про девушку Хумай,
Отыскали ее наконец.
Так пройдите же во дворец.
Скоро явится к вам она,—
И, приветливости полна,
В покои дворца пригласила их.
Но скрыла имя свое от них.
Прошли они во дворец тотчас,
Важностью мнимой своей кичась,
Расселись по почетным местам.
За минутою шла минута.
Вдруг туман все вокруг окутал
И приятели чувств лишились.
Гул прошел, прокатился гром,
И потом земля расступилась
И Заркум с Шульгеном вдвоем
Провалились вдруг, говорят.
Стали ощупывать каждый угол.
Отыскать стараясь друг друга;
Не знали, что предпринять от испуга.
Когда ж наконец в себя пришли.
Когда все стены-углы обошли.
Обшарили яму от края до края.
Что случилось, не понимал.
Ужас их сковал, говорят.
Заркум сменил наружность свою —
Снова превратился в змею
И стал ползать в поисках шел и,
Чтобы выбраться из подземелья.
Мысли его Хумай разгадала
(Дивов немало она повидала!),
Одну из подруг подозвав, приказала
Яму с гостями водой залить,
До краев ее затопить;

Барахтаться вынудила, нырять.
Снова и снова выход искать.
Заркум водяной обернулся крысой,
В подземелье смрадном забился,
Рвался вперед и кидался вспять.
Тут Хумай над Шульгеном склонилась
И такие слова проронила:
«Что, провалившись в черную яму,
Страх в своем сердце, злодей, ощутил?
Или припомнил миг тот самый,
Когда свой нож на меня точил?
За прежний мой страх получи ответ,
Запомнишь надолго меня, егет!
Слезы людские проливавшее,
Жизни губившее, зло источавшее,
Пусть сердце твое от черной тоски
Разорвется здесь на куски!
Пусть добро возродится в нем,
Жизнь возродится, чтобы любить
Все живое в мире земном!
Пусть сердце — доброе и молодое —
Разумом будет владеть твоим.
Пока же кровью кипит оно злою,
В могиле своей оставайся живым!
Считать врагами научишься змей.
Станешь с умом выбирать друзей,
Будешь дорогой верной идти
С теми, с кем тебе по пути,
Жизненный путь пройдешь ты такой,
Чтоб в памяти остаться людской!» —
Слова такие сказавши, она
Удалилась, презренья полна.

Глава 5

О том, как Урал пришел во дворец Хумай; как, выполняя условие царевны — отыскать Живой родник, нашел сестру Хумай Айхылу и привез во дворец.

Служанка Хумай известила о том,
Что некий батыр явился в их дом.
Хумай сразу же узнала
В неизвестном егете Урала,
Но об этом ему не сказала.
А он и думать о том не мог,
Что это к Хумай привел его Рок.
К батыру приблизилась она,
Красоты безмерной полна:
Необъятная, как водопад,
Сбросишь вниз — упадет до пят,
Монетами унизана вся
Ниспадающая коса;
Черных глаз обжигающий взор
Сквозь ресницы смотрит в упор;
Над глазами парящие брови
Улыбаются с любовью.
А упругая грудь налитая,
Словно волна речная, играет;
Стан ее тонкий, как у пчелы,
Своей подвижностью удивляет;
Голос будто давно знаком —
Переливается серебром;
Увидев девушку, что весела.
Дружеский разговор повела.
Что и ответить Урал не знал.
О том, что это и есть Хумай,
Все не догадывался Урал.
Недолго девушка так стояла —
Ласковым жестом в свой дворец

Пригласила она Урала.
Пройдя во дворец, ласковым словом
Всем Урал пожелал здоровья.
О том, что слышал, где побывал,
Что по пути сюда испытал,
Рассказал подробно Урал.
Взглянула девушка на него,
Смекнула, что привело его:
«Судя по всему, мой батыр.
Из далеких ты стран пришел.
Видно, долог был путь и тяжел.
Не скрывай же: чем смогу,
Тем в делах твоих помогу».

Урал:

«Знаю о том, что есть пять стран;
В одной из них родился я сам,
Две из них осмотрел по пути;
Чтобы две другие найти,
Шел с надеждою я в груди.
Где я только не побывал,
Кого я только не повидал, —
Всюду один себя важным считает,
Другой пред ним голову склоняет,
Сильный слабого попирает.
Есть на свете злодейка Смерть —
Нельзя простым ее глазом узреть,
Беспощадна и зла ее плеть.
Очень трудно ее одолеть.
От трудов она отрывает,
У родителей, не щадя,
Драгоценных детей отбирает.
Не имеет она друзей,
Сеет страх средь людей и зверей;
Хочу местью я ей воздать,

Отыскать хочу и убить,
Страну от Смерти освободить.
Во время охоты от птицы одной,
Что попалась в сети живой,
Мне такое услышать пришлось:
Может, мол, и у вас человек
От Смерти избавиться навек».

Хумай:

«Для того чтобы не умирать,
Трупам в черной земле не сгнивать,
Живой родник в земле той бежит,
Которую не видел никто, —
Царю дивов она принадлежит.
Но перед тем, как тебе помочь
Воду живую взять из ручья,
Есть условие и у меня:
Куда бы тебе не пришлось пойти,
Легкого не ищи пути!
Батыр, прошедший владение змея,
Легкий путь уступивший брату,
Сам отыскать себе путь сумеет.
Если такую птицу найдешь,
Какой не отыщешь в нашей стране,
О какой не слышал никто;
Птицу, что вобрала в себя
Тона и краски всех прочих птиц.
Коль птицу такую мне принесешь,
Помощь я окажу тебе,
Из Живого ручья зачерпнешь,
Что захочешь, то и найдешь».

Урал:

«Сюда пришел и издалека.
Чтобы увидеть добро и зле.
Чтобы Смерть отыскать и убить,
Всех людей от нее защитить,
Чтобы покой внести в этот мир,—
Таков я, вышедший в путь батыр.
Для тебя я птицу найду.
От тебя я помощь приму,
Но только позволь и мне в ответ
Поставить условие: примешь иль нет?
Не в чем золото мне увозить.
Некого жемчугом мне одарить,
Создан я лишь добро творить;
Кроме Смерти, некому мне
За человечьи страдания мстить.
Чтобы исполнить волю людей,
Чтоб против Смерти идти верней,
Чтоб сокрушить ее до конца
И радость влить в людские сердца;
Чтобы во время страшной войны,
Когда ступлю на защиту страны,
Дать прошу я подарок такой,
Чтоб был соратником в битве любой,
Чтобы от тех, кто кровавые слезы
Проливает, отвел я угрозу, —
Дар, скажи мне, тот будет какой,
Чтоб мне отбыть со спокойной душой?»

Хумай:

«Акбуз-тулпара тебе я дам:
Коня того не спалить огням,
В воду ль упадет — не утонет,
Ураганы его не догонят;
Кроме хозяина самого,
Другом не признает никого.

Если топнет — скалы ломает.
Море ржанием рассекает,
Все лишенья разделит с тобой;
Рожденный и выросший в небесах,
Не имевший потомства в наших краях»
Его тысячу лет подряд
Дивы Азраки не могут поймать.
Тулпара того подарила мне мать.
Избраннику своему я должна
Преподнести в подарок коня.
Дам тебе я алмазный меч,
Который ржавчина не берет,
Который мощь ничья не согнет,
Никакой огонь не сожжет.
Станет водою он против вод.
Всех чудовищ на этом свете
В страх вгоняет, подобно Смерти,
Будто бы овец, распугнет.
Рад словам ее был Урал.
Чтоб девичье исполнить желанье,
За птицей отправиться слово дал.
Несколько дней у Хумай он жил,
Во дворце ее дивном гостил;
Себя ж она так и не назвала,
О том, что заперт в подвале Шульген
Взятый вместе с Заркумом в плен,
Не сказала ему; а он
Догадаться не мог о том.
Урал спозаранок с постели встал,
Лицо водою омыл Урал,
С девушкою за одним столом
Поел неспешно, набрался сил.
Жезл волшебный в коня превратил,
Много дней с коня не сходил;
Потом приехал на место одно,
Что было горами окружено;
Там ни ворон и ни сорока

Души живой не видели сроду;
Где никогда человек не бывал,
Ни див какой-нибудь и ни джин
О том месте не подозревал;
Скалы здесь — как верблюжьи горбы;
А на вершину посмотришь горы —
Выше туч уходит вершина;
Воплощеньем земной красоты
Возвышалась она недвижимо.
Рассекая громаду туч,
Урал взошел на вершину ту,
Мир с высоты оглядел, говорят,
Свет какой-то заметил потом,
Переливавшийся звездным огнем,
Двинулся в направлении том.
Огляделся, добравшись до цели:
Озеро, поросшее камышом,
Неподалеку увидал:
Вместо камешков — серебром
Дно было устлано и берега;
Цветы стояли, не колыхаясь,
Словно дети, в воде купаясь.
Озера гладь слепила глаза.
Отражай в себе небеса.
Там вода на ветру не рябит,
А от солнечных лучей
Жемчугом дорогим блестит.
Стая самых различных птиц
На том озере собрались;
Среди них выделил Урал
Птицу одну — вобрала она
В себя все краски и тона.
Незаметно для птицы он
К ней подкрался; со всех сторон
Так и этак осматривать стал,
Своим жезлом заколдовал.
Подумал: «Уж не птицу ли эту

Хумай велела искать по свету?»
Ну а птица страха не знала.
От человека не уплывала.
Приближаться к Уралу стала.
Не зная обычаев, батыр
Бросился сломя голову к ней,
Но рванулась она от него,
Стараясь упорхнуть поскорей.
Устремился за нею Урал,
Изловчившись, птицу поймал.
Тут она и загоревала.
Решив, что в руки врага попала.
И, когда ее крепко держа.
Выбрался он из камыша,
Чуя, что нависла беда.
Заговорила птица тогда:
«Кто ты — див или человек.
Не ступавший сюда вовек?»
Человечьи слова услыхав,
В изумленье пришел Урал.
Когда озеро он миновал,
На лужайке, у родинка,
Птицу он расспрашивать стал —
Про то, чья родом и как зовут.
Птица насторожилась тут,
И затем, взглянув на Урале,
Так она ему отвечала;
«Закрой глаза, мой егет, не смотри,
Руки прочь от меня убери».
На миг задумался Урал,
Так и этак прикидывать стал.
Такие жезлу слова прошептал:
«Если вдруг улетит — ты за ней
Соколом воспаришь поскорей.
Ну, а если в воду нырнет,
Щукой метнешься в пучину вод!»
И отпустил с тем птицу Урал.

«Теперь, егет мой, глаза открой,
О чем говорить желаешь со мной?»
Глаза свои открыл Урал
И чудо пред собой увидал:
Красавица — тонких бровей размах,
Мягкие ямочки на щеках.
А на левой щеке темнеет
Родника — нету которой нежнее.
Туго заплетенные в косы
Вдоль ее щек, горевших, как розы
Словно черные ручейки,
Ниспадают, тонки и легки,
Волосы, украшенные тесьмой.
Сквозь ресницы редкой длины
Глаза сверкающие видны;
Тают ямочки на щеках,
Блещет улыбка на губах;
Очертанья ж ее груди
Готовы любого с ума свести.
Начала так она говорить:
«Да, егет мой, скажи, какой
Тебя сюда привело судьбой?
Какая вина за тобою есть,
Что ты вдруг оказался здесь?
Ай, егет мой! Скажу тебе;
Улыбка моя и мое выражение,
Все, что я думаю о тебе, —
Доверия моего отражение.
Доныне не приходилось мне
Видеть егетов таких даже во сне.
Не чаяла повстречать человека
Здесь, где и Див не бывал от века.
Сила во мне такая была,
Чтобы уйти рыбою в воду,
Взвиться звездою к небосводу, —
И сохранила б тогда я свободу.
Но при виде тебя желанье

Стаяло, как под ветром туча;
Всё дороги, что вдаль уходят,
Тропками попадали с кручи;
Все отошло далеко от глаз —
Будто все испарилось враз.
Девочкой я когда-то была,
Баловницей дома слыла;
Див проклятый выкрал меня;
Там отдана была замуж я.
Муж мой тоже егетом был,
Да недолго со мною жил —
Неожиданно вдруг исчез
Из тех навек ненавистных мест,
Убежала от дива я,
Усмиряя на сердце грусть;
Если снова к отцу вернусь.
Туда, где родина моя.
Боюсь, что див войною придет,
Землю отца силой возьмет.
Боюсь, что горе я принесу
И стране своей, и отцу.
Обернуться решила я птицей
Такой, что людям и не приснится,
Такой, каких на земле не бывает;
К этому озеру я прилетела
Которое никто никогда не найдет,
Никто к которому не забредет».
И услышав такие слова,
Тайну девушки он узнал.
Сам тоже таиться не стал.
Только о том, что ищет птицу
По просьбе царевны, умолчал.
Так про себя он рассуждал:
«Знать, судьбой я удачи лишен —
Птицу, ради которой шел,
И тут, видно, я отыскать не смог.
И решил не жалеть он ног.

Весь мир обойти из края в край,
Но только исполнить желанье Хумай.
„Егет, послушай слово мое!
Тебе открыла я сердце свое,
Айхылу меня в наших краях
Звали все. Мой отец — падишах,
А Луна — мне небесная мать.
Чтоб нареченному подарить.
Есть у меня рыжий конь — Харысай:
Воды захочешь — к ней путь найдет“
В бой с тобою, как друг, пойдет.
Так послушай меня, егет,
Сам решай, соглашаться иль нет:
Птицу, которую ищешь ты,
В этих краях тебе не найти.
Весь мир в полете отец охватил,
В небе над землею парил,
Во всех ее краях побывал,
Всяких-разных птиц повидал,
Поедем в царство отца моего,
Добравшись туда, увидим его,
Птицу ту, что нужна тебе,
Мы отыщем в нашей стране.
Если от дива меня спасешь,
Отец богатством тебя одарит.
Если ровней меня сочтешь,
Для жизни страну мою изберешь,
Вместе мы с тобой заживем,
Будут там и очаг, и дом,
Жизнь счастливую мы поведем».
«Ах, красавица ты моя,
Дары не приму никакие я,
Не поеду в твою страну,
Жизнь счастливую там не начну.
Если птица и вправду ты,
Коль стала на время девушкой ты,
Я тебя заберу домой,

Во дворец, что известен лишь мне,
Мы прибудем вместе с тобой.
Там поведаешь обо всем,
Скажешь о желанье своем:
Пожелаешь — птицею станешь,
Пожелаешь — девушкой станешь;
Если обидят тебя невниманьем,
Не исполнят твои желанья,
Сам за тебя я заступлюсь,
Вновь с тобою сюда вернусь», —
И закончил Урал на том.
С ним девушка согласилась.
По тому, как говорил он,
Она доброту его оценила.
В птичью шубу свою облачилась
На жезл уселись они вдвоем,
Горные цепи перелетели.
Даже глазом моргнуть не успели,
Как во дворце оказались Самрау.
Девушки с радостными лицами
Горячо обнимали птицу,
Восклицая: «Ах, Айхылу!»
И, видя такую встречу, Урал
Удивляться не переставал.
Шубу скинула Айхылу:
«Проходи же, егет, не стой.
Дворец, открытый передо мной,
Также и для тебя открыт.
Нас с тобою он породнит», —
Так Уралу она говорит.
Что оставалось Уралу? Он
Был растерян и удивлен.
Целуя девушку и обнимая,
Обратилась к нему Хумай:
«Ай, егет ты, вай, егет,
Видно, преград для батыра нет:
Ту, что приходится мне сестрой,

Отыскав, ты привез домой,
От коварных дивов увез…»
И вконец смущенный Урал
Нерешительно произнес:
«В озере, где я птицу поймал,
Дивов никаких не видал.
В дороге трудностей никаких
Я не видел, не испытал.
Как, скажи, ты узнать могла,
Что меня в тех краях будет ждать,
В птичьей шубе твоя сестра
Будет плавать там и нырять?»
Тут Хумай и сама удивилась,
К Айхылу она обратилась:
«Как же див не узнал того,
Что сбежала ты от него?»
И тогда Айхылу поняла,
Что не знает Хумай ни о чем,
Что в неведеньи тут жила.
Рассказала она о том,
Как покинула мужнин дом,
Убежав от коварного дива,
Спряталась в камышах залива.
И о том еще рассказала.
Как Урал ее отыскал,
Как ему в руки она попала;
О том, что никто в отцовском дворце
Про это не ведал и не слыхал.
Хумай, услышав ее рассказ,
Перед Уралом на этот раз
Не стала скрывать, что она — Хумай;
Что с тех пор она знает Урала,
Как в их сети однажды попала.
Затем позвала она отца
На свою половину дворца.
В радости царь Самрау прибежал,
Дочь Айхылу к груди прижал,

И роняя счастливые слезы.
Дочери стал задавать вопросы.
Обо всем рассказала та
От начала и до конца;
С волнением выслушал ее царь
С растроганным выраженьем лица,
И напоследок произнес.
Не скрывая счастливых слез:
«О том, что Айхылу возвратилась,
Что от дивов она укрылась,
Ни единой душе на свете
Не говорите — держите в секрете.
Див узнает — начнет войну,
Нападет на мою страну;
Видите, как извелась Айхылу
От всех пережитых бед.
Ее исцелит лишь матери свет.
Пусть она к матери Луне
Полетит и наш передаст привет.
А понадобится — позовем…»
Речь свою он закончил на том.
Со своей стороны, во всем
Дочери согласились с отцом.
Айхылу всего несколько дней
В доме родительском отдыхала,
На глазах она расцветала.
А затем отец и сестра
Вызвали рыжего скакуна,
Которого в дар Айхылу
Преподнесла матерь Луна.
И в одну из темных ночей
Айхылу проводили к ней.

Глава 6

О том, как царь Самрау согласился выдать замуж за Урала Хумай, отдать ему в подарок коня Акбузата и булатный меч; о том, как встретились братья Шульген и Урал; как старший брат оказался коварным и злым человеком; как он осрамился на майдане, созванном царевной Хумай, как Урал удивил всех собравшихся на майдане.

Так во дворце у Самрау Урал
Гостем желанным пребывал.
Вот однажды в рассветный час,
Пролежав, не смыкая глаз.
Он Хумай негромко позвал
И такие слова сказал:
«Когда еще мальчишкой я был.
Когда тебя отец подстрелил.
Когда гибельную петлю
Наложили на шею твою,
Когда ты страхом объята была, —
Или впрямь говорить могла.
Или в испуге речь обрела.
Но сказала: мол, есть такой
На свете родник с живою водой.
С тех пор охвачен я мыслью одной:
Смерть проклятую отыскать.
Навек ее из страны изгнать,
Чтоб земля могла вечно жить,
Воду из родника зачерпнуть.
Землю той водой напоить,—
С тем и вышли мы с братом в путь.
Но расстаться нам вышел срок
На скрещении двух дорог.
Пошел налево мой старший брат.
Направо пошел я, грустью объят.
Так разделили дороги нас
В тот роковой, тот прощальный час.

Бродил по свету я много лет,
Много радостей видел и бед.
Памятуя слово твое,
Я приехал в царство твое.
Отыскал, как видишь, тебя,
В твой дворец я вошел, любя,
И завел разговор с тобой.
Привязав льва пред вашей стеной
Велела сестру ты родную найти
И сюда ее привезти,
Вновь напомнила мне о том
(Говоря о подарке своем),
Что от Смерти избавиться можно.
Намекнула потом осторожно,
Что подаришь мне что-то. Я жду;
Дар какой ты имела в виду?»
И, в батыра Хумай влюблена,
Устремилась к отцу. Там она,
Страсти и смятенья полна,
Тайну сердца открыла ему,
Отцу державному своему.
«Любишь — душу не изводи,
Замуж за него выходи,
Акбузата ему подари,
Счастье и радость познай в любви;
Батыру такому же, как Урал,
Благородной матерью стань;
Во имя Урал-батыра ты
На волю брата его отпусти,
Всю страну позови на пир,
Пусть восславится там батыр,
Пусть никто не будет забыт.
Каждый будет доволен и сыт», —
Такие отец ей сказал слова.
И послушна Хумай была —
Шульгена выпустила она.
Вся на свадьбу сошлась страна.

Встретившись с Шульгеном, Урал
Радости своей не скрывал.
Видя брата перед собой.
Счастлив был он встрече такой;
Обо всем, что видел в пути,
Шульгену подробно рассказал.
Брата слушая своего,
Шульген по-своему рассуждал:
«Может так прославиться он,
Что будет надо всеми вознесен,
Домой вернется, гордости полн.
Именем будет кичиться своим,
Я ж окажусь ничтожным пред ним»
Мыслями был он такими томим.
И поэтому перед Уралом
Ничего говорить не стал он —
Скрыл и то, что с Заркумом знаком,
Что в яме сидели они вдвоем;
С целью какой явились сюда,
Тоже не признался тогда.
Зато надумал он брата убить,
Славой его себя наделить,
Хумай прекрасную в жены взять,
Акбузата затем оседлать
И меч алмазный себе забрать.
То, что Шульген постоянно был зол,
Что бродил он угрюмый, как вол,
Что подозрительно всех озирал,
Урал всерьез не принимал.
«Оттого, что он в плен попал,
Неудобно ему теперь», —
Рассуждал про себя Урал.
Однажды брата он увидал —
Тот проходил и мрачный, и злой,
Брови вытянуты тетивой, —
Обратился к нему Урал:
«Батыры, на львах своих восседая,

От бед друг друга оберегая,
Дружбой спаянные всегда,
Не расстанутся никогда.
Если в бою заодно они, кто
Устоит перед силой той?
Против огня она будет водой,
Против врага вознесется горой;
Ради других ляжет костьми —
Попробуй силу такую сломить!
Не переведутся батыры вовек,
Пока на свете жив человек.
Батыр без лестницы в небо взойдет,
Земную глубь без ключа отомкнет,
Знают: добрые руки дадут Воду,
А подлые — только яд», —
Так старшему молвил младший брат,
А недоверчивая Хумай,
Не понимая, что происходит,
За братьями продолжала следить.
Их отношений не понимая,
Подходила к ним иногда —
Замолкали она тогда.
На вопросы не отвечали,
Только хмурились и молчали.
Едва батыра Хумай увидала,
Оценила отвагу Урала,
Благородство его оценила,
Всей душою его полюбила.
На нем свой выбор остановила.
Видя злобу старшего брата,
Свободе его не была она рада.
То, что они без конца говорили.
Раскаленными оба были,
То, что сердито Шульген надувался,
Настораживало Хумай.
И когда спать улегся Урал
(Он по пятеро суток спал),

Очень странно Шульген себя вел,
Взор был темен его и зол.
И решила царевна не спать —
Сон батыра оберегать.
Шульгена отдельно уложила,
Тем своего батыра спасла,
Подлый удар от него отвела.

Шульген:

«Во многих землях ты побывал,
Много всякого повидал,
В богатырстве силу обрел
И сюда вот теперь пришел.
Оказался в стране Самрау,
Словно в собственный дом вступил.
Что же дальше делать решил?
Кажется мне, ты не видишь пути,
По которому надо идти.
Давай против Самрау войной пойдем,
Акбузата его отберем,
Один из нас жезл волшебный возьмет,
Сядет на Акбузата другой —
Устоит ли кто против силы такой?
Станем мы во главе страны —
Всех кругом покорить мы должны;
Станем могучими царями!
Дай ты мне свой жезл колдовской —
Ввергну эту страну я в пламя;
Я царевну, что красотой
Всех пленяет, в плен захвачу.
На коня ее гордо вскочу.
Не забудь: ведь я брат твой родной —
Разделе свою славу со мной!»

Урал:

«Знай, Шульген: они никогда
Людям не причиняли вреда,
Кровь ничью они не проливали.
Других врагами не считали.
Лучше отправимся мы вдвоем
В царство дивов и их побьем.
Всех, кто в страшных муках томится,
На свободу вернем из темницы.
Захочешь ли девушку отобрать.
Иль Акбузата захочешь взять,
Бери, если девушка согласится.
Если конь с твоей властью смирится.
Из-за девушки воевать,
Смерти дорогу открывать —
Не будут ли это злодейством считать?
Можно ли в отчий край возвратиться
С кровавым именем убийцы?
Азраку мы должны победить,
Водою Живого родника
Род человеческий окропить.
И тогда всех людей на земле
Сможем в бессмертных мы превратить».
Слыша это, Шульген замолк,
Взяв наконец мысли брата в толк.
Однажды в укромном месте, когда
Время Хумай коротала одна,
К ней неслышно Шульген подошел.
Руку ей положил на плечо,
Сладкозвучно и горячо
С нею речь о любви повел:
«Добрые и злые дела
Возвращаются к их творцу», —
Ты когда-то давно изрекла.
Черных помыслов между нами,
Пиров, где топят друг друга в крови,

Не будет — во имя нашей любви.
Слово есть у меня к тебе:
Вместе с братом выросли мы
Там, где воды лишь и холмы;
Сердца наши в дружбе закалены.
Если выслушаешь, скажу.
Тайну заветную разглашу
И со страстью и нетерпеньем
Твоего слова я буду ждать.
А отвергнешь мое предложенье,
Не сможешь ответа ясного дать,
Буду вынужден для решенья
Я другие пути искать.
Лишь пришел во дворец я твой,
Был пленен твоей красотой,
Вмиг душой ты моей овладела,
Хоть на меня и не поглядела.
То ли меня ты тогда не узнала,
(Лицо ли мое тебе что сказало)
И тебя это испугало,
Или испытывала меня,
Как испытывают коня,
Иль, быть может, приход Урала
Стал причиной, что в подземелье
Ты меня заточить велела.
Снова увидев твой светлый лик,
Обо всем позабыл я вмиг.
«Не может лучше красавицы быть
Век ищи — не найдешь такую, —
Думал я, любя и тоскуя,
Подавляя сердечный крик.
Пожелаешь — и будем вместе.
Прикажи — на тебе женюсь.
Ну, а станешь противиться если,
В одиночестве удалюсь».

Хумай:

«Егет, я выслушала тебя,
Тайные помыслы твои
Безошибочно поняла.
Дочь я лучшего из царей,
Старшая из дочерей.
Мечты исполнятся все твои,
Созову я большой майдан,
Твою удаль увижу там,
Акбузат сам выбора ждет,
Только равного изберет.
Конь в подарок мне матерью дан,
Кликну — явится на майдан.
Коль батыр ты — сразу поймет.
Если из ножен вырвешь меч,
Притороченный к луке седла,
Вскинешь его над собой, тогда
Будешь признан батыром ты,
Перейдет тебе конь навсегда.
Я отцу моему скажу,
Что, мол, замуж выхожу».
Так сказала Хумай в ответ.
Тем ответом он был согрет.
Вот царевна майдан созвала,
Акбузата к себе призвала;
С громом в небесной глубине.
Вызвав бурю по всей земле,
Глыбы камней круша на горах,
Всех ввергая в смертельный страх
Вдруг возник, будто сам собой.
Словно с неба летящей звездой,
Акбузат в мир сошел земной.
Подойдя послушно к Хумай,
Голову склонил, говорят.
Успокоился Акбузат.
Весь майдан восторгом объят:

На коне чудесном седло,
Ну а к луке седла того
Приторочен алмазный меч;
Лита из золота лука седла,
Недоуздок на нем золотой;
Уши — два шила над головой,
Грива развевается гордо,
Вздернута точеная морда,
Зубы — как дольки чеснока,
Грудь соколиная, узки бока,
Крут и легок в копытах он,
Медью отливают глаза,
Шея тонкая, как змея;
Двойная макушка, впалые щеки,
Словно вытянутые — ноги,
Веки — как у дикого беркута;
Ступает, вздернув голову кверху,
Землю хвостом метет на ходу,
Уши ножницами раздвигает.
Танцует на месте, кося глазами;
Как у волка, быстрая кровь,
Так и пылает пара зрачков.
Дрожит под ногами его земля,
Пена стекает из пасти, бела,
А помчится, вспорхнув, как птица, —
Только следом пыль заклубится;
Любого, кто повстречается с ним,
Поражает величьем своим —
Вот таким был дивный тот конь,
Слетевший вниз, как небесный огонь.
И Хумай коня обласкала,
И такие слова сказала:
«Как звезда, ты на небе жил,
Свято честью своей дорожил.
Тех батыров сбросил с седла,
В ком не людская кровь текла.
Батыров моих наперечет

Знаешь ты — им узду не давал,
Достойными себя не считал;
Ну а сам для меня батыра
Тоже искать по свету не стал.
Вот два батыра, что здесь сошлись,
Прихода твоего заждались.
Сочтешь ли своим того, кто пригож,
По богатырству ли изберешь,
Только один в твоей судьбе
Станет избранником, другом тебе,
Так же, как нареченным мне».

Акбузат:

«Не принесет мне славу красивый,
На мою не взберется он спину,
Я признаю лишь отвагу и силу.
Когда грозой набухает туча,
Когда рванет ураган могучий,
Все ж не смиряется птиц порыв,
А перекати-поле, найдя обрыв,
Дальше летит, бурю опережая.
Я ж помчусь — Смерть сбежит, завывая,
Камень на месте не улежит,
Волна взволнуется и закипит —
Рыба с ума сойдет под водой;
А по Каф-тау ударю ногой —
Разлетится она толокном.
Кровожадные твари кругом
До единого смерть найдут.
Благодетели их спасут.
К луке золотого седла
Меч приторочен подобьем крыла.
Долгие годы солнце его
Калило жаром огня своего,
И потому никакое пламя

Меч тот алмазный вовек не расплавит.
Ничто не может его раздробить.
Лезвие прочное притупить.
Если батыр, вступающий в спор,
Не забросит превыше гор
Тяжесть в семьдесят батманов,
Затем тремя пальцами не поймает,
Пусть батыром себя не зовет, —
Меч алмазный он не возьмет.
Коль силачом он не будет таким,
Другом достойным не будет моим;
Всадник такой усидит ли в седле,
Если я поскачу по земле?
Кто хочет имя батыра иметь,
Кто мною желает завладеть,
Пусть испытанье такое пройдет —
Тогда и в руки меня возьмет!»
И все, кто слышал слова Акбузата,
К подножью большой горы пошли.
Ровно в семьдесят батманов
Исполинский камень нашли.
Вывернуть из земли хотели,
Целый месяц кряхтели, потели,
Вытягивали его целый год —
Камень не поддавался тот.
Хумай на Шульгена поглядела:
«А ну-ка, подними!» — повелела.
Шульген к камню тому подошел,
Стал ощупывать с разных сторон,
Понял, что камень очень тяжел,
Так напрягся, что по колени
В землю, там где стоял, ушел.
Месяц тужился, говорят,
Год весь тужился, говорят,
Толкал обеими руками —
Только с места не двигался камень;
Окончательно изнемог,

Повалился бессильно с ног.
Посмотрела Хумай на Урала,
«Ну, теперь ты, батыр», — сказала;
К камню Урал подошел, говорят.
Был огорчен и наполнен стыдом.
Ибо был посрамлен его брат.
По камню стукнул он кулаком,
Из земли его вырвал рывком,
И затем тот камень схватил,
В небо синее запустил —
Точно выстреленный, тот взмыл
И в небесном пространстве исчез.
Все засмотрелись в глубь небес.
Каждый падения камня ждал.
Было утро — полдень настал,
А потом — час закатный пал.
Наконец в небе шум раздался —
Это камень назад возвращался.
В страхе, что он, упав, прибьет,
Горьким плачем зашелся народ:
«Ах, не дай беде разразиться,
Камню на головы наши свалиться!» —
Так Урала народ умолял.
Руку одну подставил Урал,
Камень падающий поймал.
«В какой стороне Азрака?» — спросил,
И когда ему показали,
В сторону страны Азраки
Камень что есть сил запустил.
Люди, собравшиеся толпой,
Переглянулись между собой,
Стали строить догадки: куда, мол.
Приземлятся запущенный камень?
После этого Акбузат
Голову перед ним склонял:
«Покориться тебе я рад», —
Он как будто бы говорил.

Расступился тут народ —
Выступил царь Самрау вперед,
Руку богатырю протянул,
Зятем быть своим предложил.
Зазывалы тут всех собрали,
Свадьбу сказочную сыграли,
И, благодарности полны,
Просили: «Будь батыром страны?»
За этим всем я Шульген наблюдал,
Видел, как был восславлен Урал,
Вынести такого не мог,
Завистью черною истек.
И Урал его пожалел,
С Хумай по душам поговорил,
Отцу ее все как есть объяснял;
Совет они стали держать втроем,
Отозвать Айхылу решили потом.
Вновь на свадьбу собрать народ,
Выдать замуж ее за Шульгена.
Решили, чтоб успокоился тот.
И согласился с тем Самрау,
Дочери благословение дал,
Устроить пир большой приказал.
Когда свадьба Хумай и Урала
Шла, веселье было и смех,
Внезапно вся земля задрожала,
Напугав и встревожив всех.
Синее небо над головой
Покрылось огненной пеленой.
Люди вскинули вверх глаза.
Засмотрелись на небеса,
Стали растерянно думать-гадать,
В чем причина старались понять,—
Никто не мог ничего сказать;
Когда стояли так, в страхе немом,
Думая: может быть, это — див?
Когда стояли, в страхе застыв,

С неба что-то, огнем полыхая,
Стало падать, плача, стеная;
Все стояли, рты пораскрыв.
И тот дымный клубок огня,
Что стремительно вниз слетал,
Изловчившись, поймал Урал.
Клок огня, что с небес спускался,
Девушкой Айхылу оказался.
Когда возвращалась она назад,
Ее огонь объял, говорят.
Каждый рассказу ее ужаснулся:
«Когда ваш камень к небу взметнулся,
Я с небес на него смотрела
И уж только потом разглядела,
А тот камень через моря
Далеко-далеко уходил,
Прямо на землю Азраки-царя
Раскаленным комком угодил.
Землю надвое он разбил.
Вздыбился огонь высоко
И меня собой охватил
Так, что я потеряла память.
Очнувшись, стала сбивать я пламя,
С трудом добралась до своей страны».
Все тут были поражены.
Осознал Шульген наконец,
Что Азрака ему солгал,
Уверив, что он — Айхылу отец,
Когда-то замуж ее отдал.
Девушка, что с небес сошла,
Той самой невестой его была.
«То, что когда-то мне див говорил,
То, что на дочке своей женил, —
С начала и до конца — все сплошь,
Оказывается, хитрость и ложь», —
Про себя подумал Шульген.
И соврал он и сам: мол, в плен

Я попал и сбежал вот к вам.
Поверила Айхылу тем словам.
Видя, что снова Шульген предстал
Вместе с дивом, который не раз
Выйти замуж ее умолял,
Хумай встревожилась тотчас,
Дух сомненья ее объял.
Самрау же про себя был рад:
Два батыра — оба зятья.
Будет опорой мне каждый брат,
Жить в спокойствии буду я.

Глава 7

О том, как похитив волшебный жезл и с его помощью вызвав бурю и наводнение, Шульген вознамерился уничтожить людей, как сбежал вместе с аркумом к царю дивов Азраке; о том, как Урал убил Азраку и прочих дивов, как создал из их искромсанных тел горные хребты.

Когда Хумай во дворец возвратилась,
Вниз к Заркуму она спустилась;
Вмиг померк для Шульгена свет:
Вдруг Заркум откроет секрет?
Много ему сулит это бед.
Думать стал Шульген и гадать,
Выхода из тупика искать:
Жезл волшебный похитить решил,
Перевернуть все кверху дном,
Оседлать Акбузата потом,
Захватить с собою Хумай,
К Азраке уехать, в тот край,
Чтоб вернуться сюда войной.
С черной думою об измене
У брата чуть ли не на коленях
Стал просить: «Дай и мне обрести
Славу; позволь к Азраке пойти
И страной его завладеть».
«Лучше вместе на дивов пойдем.
Сокрушим злодеев вдвоем», —
От души предложил Урал.
Но Шульген противиться стал.
Жезл тогда ему отдал Урал.
Пока с Заркумом Хумай говорила,
Из подземелья потом выходила,
Обо всем Шульген разузнал
И жезл волшебный к рукам прибрал.
Затем Хумай не дожидаясь,

С Айхылу своей не встречаясь,
Ничего не сказав Самрау,
От дворцовых людей в стороне
Ударил жезлом он по земле,
Всю ее затопил водой,
В ужас вверг Шульген род людской.
Перемену увидев такую,
В рыбу Заркум превратился большую,
Вмиг Хумай живьем проглотил
И в подводный зарылся ил.
Когда свершилось черное дело.
Солнце на небе потемнело,
Акбузату сигнал дало —
И нырнул Акбузат на дно;
Помрачнело море, вскипело,
И все поняли, в чем тут дело.
Исчезновенье Хумай увидав,
Море вмиг перекрыл Акбузат.
В западню Заркума загнав,
Вынудил Хумай отпустить.
Все же вновь сумел тот словчить —
Незаметно ушел под водой.
Хумай во дворец вернулась живой;
Догадался Урал о том,
Что брат родной оказался врагом.
Когда вода постепенно сошла,
Когда Шульген, полон яда и зла,
Понял, что сила жезла слаба,
Чтобы против коня устоять.
То с аркумом пошел опять
К Азраке спасенья искать.
Обо всем Азраке рассказал.
Не в силах дрожи в теле унять,
Азрака всех дивов созвал;
Шульгена, Заркума и Кахкаху,
Несколько дивов, что были в славе,
Во главе своих войск поставил;

Вынес затем приказ такой:
Затопить всю землю водой,
Небеса заволочь огнем,
Чтоб не было жизни ни ночью ни днем.
Чтоб птицы по небу не летали,
Люди по земле не ступали.
И пришла на землю беда:
Всю ее затопила вода.
А над нею — красным-красно —
Пламя до небес доросло.
Трудно стало птицам летать,
Трудно стало людям дышать,
Всюду крики пошли и стоны;
Множество зверей и птиц,
Убежав из страны драконов,
В месте потайном собрались.
К Уралу пришли они с мольбой.
Урал не дрогнул перед бедой,
Перед огненной пеленой.
Живо на Акбузата вскочил,
Меч алмазный тотчас схватил,
Дивам коварным в тот же миг
Войну смертельную объявил.
Месяц Урал, говорят, воевал,
Год, говорят, воевал Урал,
Пламени разгореться не дал;
Люди, смастерив себе плот,
Не погибли в пучине вод;
Бился Урал-батыр всем на диво,
Уничтожал безжалостно дивов.
Многих сразил могучей рукой;
Кромсал их с ненавистью такой,
Что там, где бился он с их ордой,
Туши поднимались горой
Над окровавленною водой.
Воду Акбузат рассекал —
Следом путь земной возникал.

И по тверди, восставший из вод,
Выбирался спасенный народ.
Дни напролет воевал Урал,
Ночи без сна воевал Урал.
Когда он битвой охвачен был,
Когда врагов косяками крошил,
Азрака ему повстречался —
И схлестнулись они вдвоем.
Остервенело каждый сражался.
Нанося удары мечом;
Каждый из последних сил
Удары страшные наносил.
Когда Азрака бил своим мечом,
В небесах раздавался гром;
Когда на Урала огонь напускал,
Водный простор вокруг закипал;
Был по-звериному он жесток,
Но выбить из седла Урала не мог;
Силу духа Урал не терял;
Ловко занес он алмазный меч —
Снес им голову главного дива с плеч,
На куски его искромсал.
В воду меч Азраки упал —
Кажется, весь мир задрожал;
Так убил Азраку Урал.
Огромное, страшное тело его
Надвое водный простор рассекло;
На месте том поднялась гора,
Чтоб могли туда люди забраться,
Отдохнуть и силы набраться.
А Урал поскакал вперед;
Конь его резал пучину вод.
Там, где скакал он, верной опорой
Поднимались высокие горы.
Которые никакая вода
Затопить не могла никогда;
Каждый горам возникавшим был рад —

На них взбирался и стар, и млад.

Глава 8

О том, как пришли к Урал-батыру его сыновья: Яик — от дочери царя Катила, Нугуш — от Гулистан, Идель — от Хумай, сын Шульгена Сакмар, рожденный от дочери Луны — Айхылу; как они стали ему верными спутниками в пути, неустрашимыми соратниками в битве и победили коварных драконов; о том, что произошло между Уралом и Шульгеном.

Много лет Урал воевал.
Дивов во множестве уничтожал.
Горы рождались одна за другой —
Под могучей его рукой.
Дети, родившиеся на свет.
Когда вступил он в жестокий бой.
Могли теперь мчаться во весь опор,
За Уралом-отцом вослед,
По хребтам и вершинам гор.
Четыре молодца, говорят,
Готовя себя к большим сраженьям,
На четырех тулпарах в ряд
При богатырском снаряженья
Ехали путем отца, говорят.
Друг от друга не отставая,
След Урала в горах не теряя,
Прибыли к нему, говорят,
Приветствовали его, говорят.

Первый:

«Сын я дочери царя Катила,
От тебя рожденный егет.
На коня я сел в восемь лет
И объездил почти весь свет.
В месте одном я кровь увидал —

Ее не впитывала земля,
Даже ворон ее не клевал.
Даже звери ее пугались,
Во все стороны разбегались.
Матери я о том рассказал,
Просил ее тайну крови открыть
Ничего не сказала мать,
Только села и стала рыдать,
И не знал я, что ей сказать.
Был растерян я, удручен,
Не зная, что значат те слезы и стон;
По стране я много бродил,
Много людей встречал по пути —
И стариков, и молодых,
О тайне крови спрашивал их.
Не объяснил мне толком никто,
Только одно говорили про то:
„Отец твой — как Тенгри-бог для нас,
Всех от страшной участи спас,
Честь его мы в сердцах храним,
Тайну матери свято чтим.
Ты у отца могущество взял,
Грудь своей матери ты сосал,
Для обоих ты — общий сын.
И если так твоя хочет мать,
Сам постарайся все понять“.
Услышав такое, я в дом воротился,
Снова к матери обратился;
Вновь сказать она не пожелала,
Тайну свою от меня скрывала;
Сел тогда я, стал слезы лить —
Но все не хотела она говорить,
Спать уложила меня потом,
Стала баюкать меня шепотком.
И тогда я решил притвориться,
Что уснул. А сам сквозь ресницы
Следил за нею. И вот она,

Решив, что я уж во власти сна,
Моего бдения не замечая,
Слезы горючие роняя,
Склонила голову надо мной,
Зашептала полночной порой:
„Ушел Урал мой и с тем пропал;
Видно, уже не вернется он.
Сын подрос, коня оседлал —
Но об этом не знает он.
Родился таким же, как и отец,
Бесстрашным, словно с парой сердец;
Кровь же злую отца моего
И поныне земля не впитала.
С тех пор, как дитя ее увидало,
Вконец покинул его покой,
Батыр успокоится ли такой?
Как теперь я с ним поступлю,
Тайну открою? Как стерплю?
Если скажу — он тайну узнает,
Голову в том краю потеряет,
Поедет разыскивать отца,
Одну меня бросит в стенах дворца“, —
Сидя так, моя мать причитала.
Поднялся я, когда светало,
Туда завернул, где та кровь трепетала,
Все вокруг нее я бродил,
„Эх ты, кровь, ты кровь! — говорил, —
Тебя отец, оказалось, пролил!
Когда отец мой сюда ступил,
Ты, выходит, с ним воевала.
Не потому ли ты не остывала,
Что рука батыра тебя проливала?
Еще оттого, что ты грязна,
Ворон не пьет, не вбирает земля,
Лоснясь, лежишь ты, гнилью дыша,
Мукой исходит твоя душа…“
Только такое успел я сказать,

Кровавое озеро стало вскипать.
Когда кипящая капля упала
На белый камень, ушедший в грязь,
Слизь каменистая задрожала
И прямо из грязи речь полилась:
„Мы четыре батыра-раба
Дедушки твоего Катила.
Бились против отца твоего,
Но кровь царя нас в яд превратила.
Даже земля нашу кровь не пьет,
Солнца луч ее не берет.
Воронов выпить ее умоляем —
Они же в ответ: мол, нет, не желаем.
Мучится наша душа и страдает.
Поди к Уралу, отцу своему,
Всю нашу боль поведай ему:
Пусть снизойдет, нашу кровь оживит,
Пусть в достойных богатырей
Вновь из крова нас превратит“.
Услышав такое, я тайну узнал,
Матери обо всем рассказал.
Недолго она раздумывать стала,
Молча в сторону гор зашагала,
Воронов всех вокруг собрала
И, проводив одного куда-то,
Каждодневно его ждала,
С гор своего не спускала взгляда.
Однажды, не помню, в какую пору,
Шумно назад воротился ворон,
Воду в клюве своем принес —
Была та вода прозрачнее слез;
Мать плеснула на кровь водой —
Четверо встали из крови той.
Тогда сказала батырам мать:
„Позор за отца моего принять
Вам пришлось. Вы кровью алели.
Станьте ж друзьями Уралу на деле —

Всех друзей моего отца
Уничтожьте теперь до конца;
Вместе с сыном моим ищите
Урала по белому свету всему,
Хоть под землей его найдите,
Мой привет передайте ему“.
Взяв четверых батыров с собой,
Осознав, кто отец мой родной,
Что я — Яик — рожден был тобой,
Издалека я приехал к тебе,
Чтобы товарищем быть в беде,
Чтобы помощь тебе оказать,
Чтобы рядом с тобой воевать.
Пояс потуже я повязал,
Что есть мочи к тебе прискакал».

Второй:

«Мать мою зовут Гулистан.
Когда мне исполнилось шесть лет,
Змей с Шульгеном из дальних стран
Принесли нам множество бед.
Нашу страну разорить пришли,
В ужас всех людей привели,
В горе покинули мы страну;
Думала о тебе моя мать,
Не переставала горевать.
Когда мы собирались ко сну
И мать в постели лежала больной,
Дивы напали на нашу страну,
Землю всю затопили водой;
Детям и седым старикам —
Всем плоты я изготовлял,
Рассаживал их по плотам,
Сам против змей воевал.
Видя, что мы не сдаемся им,

Что тонуть в воде не хотим,
Что не боюсь я воды и огня,
Стал аркум напротив меня,
В ярости замахнулся мечом.
Но удара я ждать не стал —
Сам в ответ я нанес удар.
Ни в чем ему я не уступал.
Аркумом бешенство овладело —
Помощь дивов к нему подоспела;
Дивы бросились на меня —
Но отбивался достойно я!
От Заркума и дивов его
Не оставил я ничего.
Не считаясь с болезнью своей,
Мать ко мне подошла поскорей,
Увлажнились глаза слезами.
Так она мне тогда сказала:
„Сын! Отец твой Урал-батыр.
От него ты пришел в этот мир:
Нугуш-батыром на свет родился,
В богатырстве с отцом породнился.
Садясь на коня, мое дитя!“ —
Так напутствовала меня мать
И тулпара мне подарила,
Верной дороге меня научила,
Вышла на войну провожать».

Третий:

«Имя матери моей Хумай,
В небо высоко взлетая, она
Слушает что-то, не ведая сна:
„Эй, Урал мой, чей занят ты?
Я плачу, неведенья полна;
Дивы и змея вместе сошлись,
Воедино переплелись“

Землю море покрыло сплошь —
Как его ты переплывешь?
Как ты дивов, что крови хотят,
Всех одолеешь и перебьешь?» —
Так она свою скорбь изливала,
С горькой жалобой причитала.
На меня однажды взглянула,
Глубоко и скорбно вздохнула:
«Коль ты раньше б, мой сын, родился,
На коня своего садился.
Отцу, что в сражении изнемог,
Верной опорою стать бы мог», —
Говорила, меня обнимая,
И беззвучно рыдая сама;
За младенца меня принимая,
Тайну не открывала она.
Когда ночью мы с ней не спали,
В нашу дверь колотить вдруг стали —
Разлетелась вдребезги дверь.
Див вошел — отвратительный зверь.
Руку к матери он протянул:
«Не того ль, кто войну раздул.
Вверх ногами все перевернул,
Кто утесы в горах ломал
И камнями в дивов кидал, —
Не того ль ты жена — Хумай?
Ты ему Акбузата дала,
И счастливою с ним была,
Меч алмазный вручила ему,
Смерти дивов тем предала!
Голову я тебе отрублю,
Вдоволь крови твоей попью
И в огонь твое брошу тело,
Чтоб обуглилось все и сгорело!
Пусть твой муж от вести такой
Потеряет и сон, и покой!»
С тем на мать набросился он.

Увидев меня, остановился:
«Не второй ли это Урал? —
Про себя пробормотал. —
Не от него ли сын родился?»
Так и замерла в страхе мать,
Даже слова не в силах сказать.
Сердце женское оборвалось,
Помутились глаза от слез.
Я ж, ребенком себя не считая,
Гневом яростным закипая,
На злодея напал того.
Одна голова его выдувала пламя,
Другая яд источала губами;
То он меня гнул, то я его.
В руках моих не было ничего.
Но жестоко я с ним сражался,
В силе диву не уступил,
Наземь с грохотом повалил,
Так его мерзкую глотку сжал.
Что из пасти вдруг кровь пошла.
Потом подмял его под себя.
Застонал див, бессильно хрипя.
Под ударом последним он
Вопль издал и жалобный стон,
А потом и дух испустил.
Кровью весь дворец затопил,
Мать, по пояс пройдя в крови.
Подала мне испить воды,
Счастьем лик материнский светился:
«От батыра батыр родился!
Стал героем ты, как отец.
Хоть тело детское у тебя,
Хоть сердце юное у тебя,
Вышел из тебя молодец.
Отец в одиночестве битву ведет,
Душу его тоска гнетет;
Пусть тяжко не будет ему одному,

Пусть враг не сломит волю его.
Иди и будь спутником ему,
Опорой в сраженьях будь для него», —
Так ко мне обратилась мать.
И вышел в путь я, тебя искать;
Я — твой сын, Идель меня звать,
Пришел, чтобы вместе с тобой воевать.

Четвертый:

«Мать мою зовут Айхылу.
Отца моего звали Шульген —
Он приходится братом тебе.
Черный путь он выбрал себе.
Много крови людской пролил,
Врагом человечества прослыл,
Из-за него исстрадалась мать.
Пожелтела, воску подстать.
Как-то меня к себе призвала
И такой рассказ повела:
„Знай: от Луны я рождена,
Что озаряет ночную мглу.
Мать любила очень меня;
Когда я стала жертвой Шульгена,
Потускнела ока мгновенно,
Вся печалью серой покрылась,
Темной думою замутилась;
Каждый день ее меркнет взор,
Слабнут лучи, что мой видят позор;
Раньше соперницей солнца была —
Теперь его свет вбирает сама.
Отец мой тоже позор испытал —
Затем, что жертвой обмана стал,
И, видно, горем объятый весь,
Ныне вовсе куда-то исчез.
Дам тебе рыжего я коня,

Предназначенного для жениха;
Поскорей на него взбирайся,
Вместе с Иделем в путь отправляйся
И по следам батыра Урала
Скачи вперед“, — мне она сказала,
„Будь Сакмаром“, — сказала она,
Не жалеть себя наказала.
Сыном быть твоим приказала».
Урал выслушал всех подряд,
Насладился он их речами.
Был он невыразимо рад
Тому, что собственными глазами
Увидеть егетов ему привелось.
Радость великую он вкусил.
Полный новой отваги и сил,
Вновь забрался он на коня;
В окружении своих сыновей
Продолжал против дивов войну,
Очищая от них страну.
Месяц сражались они, говорят,
Год сражались они, говорят.
В одном из жестоких боев Урал
На Кахкаху наконец напал,
Вспенив море, барахтался он.
Испускал крик истошный и стон,
Вопль его разносился, как гром.
Из кусков его тела потом
Сложили еще одну гору;
Дивам и Шульгену на горе
Надвое море разделила гора.
Шульген тут голову потерял.
Что делать, как поступить, не знал.
Оставшихся на его стороне
Всех до единого собрал;
И тогда против выживших дивов
Битву снова начал Урал.
Когда жестокие битвы шли,

Когда, бурля и пеной вскипая.
Клокотала вода морская,
Брата своего Урал
Неожиданно повстречал.
Братья схлестнулись между собой.
Разгорелся упорный бой.
Жезлом Шульген на него замахнулся,
Хотел Урала огнем спалить,
Колдовством его жизни лишить.
Только Урал не растерялся,
Тут же вынув алмазный меч.
Нанес удар сокрушительный встречь;
Гнев его стократно возрос —
Жезл тот вдребезги он разнес.
Что после этого началось! —
Грянул гром, стало озером море.
Дивы, оставшиеся без воды,
Испытали великое горе.
Урал же Шульгена выловил вскоре.
Акбузат и четыре батыра
Продолжали дивов громить.
Шульген со всеми гадами мира
Брата не смог своего победить.
Пыл последний его пропал —
Он с седла на землю упал.
Тут Сакмар на отца метнулся
И мечом своим замахнулся;
Но трогать его Урал запретил —
Сакмар неохотно меч опустил.
Урал людей к тому месту собрал;
Так пред всеми Шульген предстал.
«С детства коварным злодеем ты рос,
Кровь запретную выпивал.
Словом родителей пренебрегал.
Злоба правила лишь тобой,
Всею черной твоею судьбой;
С дивами плавал в крови людской,

Землю всю затопал водой,
Выжег огненной пеленой;
Только с дивами был знаком,
Людям стал ненавистным врагом,
В камень сердце свое превратил,
Отчий лик ты навек забыл.
В дороге другом тебе я был:
Выбрал девушку ты — я не перечил,
Выбрал коня — я не противоречил;
Славу в мире хотел найти —
Я не стал поперек пути.
Жезл вложил я в руки твои —
Ты к насилью вернулся опять.
Кровь хотелось тебе проливать;
Страну в великий разор ты вверг,
Многих людей в воде утопил,
Сам подчиниться дивам решил,
Верой-правдой им служил,
Кровь человечью дал пролить,
Царя благородного чистую дочь,
Греющий жизнь его нежный цветок,
Выдать я за тебя помог.
Надеясь, что сердце твое уймется;
Ждал я, пока не вышел срок.
Только слова ты не сдержал,
Так на честный путь и не встал.
Слову отцовскому не внял,
Материнский завет растоптал,
Всю страну затопил водой;
Чтобы сородичей кровь пролить,
Дивов злобных привел с собой,
На людей их повел войной.
Твердь земную, что ровной была,
В ямы и бездны желал превратить.
Зло добротою сокрушено —
Никогда не вернется оно!
Понял ли ты теперь, что зло

Будет побеждено добром?
Понял ли ты, что человек
Будет выше дивов во всем?
Отныне туши тварей твоих
Станут землей для существ живых.
Отныне войско Кахкахи
Будет войском без рук, без ног.
Коль, землю целуя, слово не дашь,
Голову перед людьми склонив,
Клятву священную не дашь,
Коль не признаешь, что слезы людей
Лишь на совести черной твоей,
И, повстречавшись с нашим отцом,
Не расскажешь ему обо всем.
Голову тебе отрублю,
В муку-толокно ее сотру,
Вымарав тело твое в крови.
На горе из телес Азраки,
Что называется Ямантау,
Так и быть, похороню;
В черную скалу тебя превращу,
К которой живая душа не придет —
Ни через месяц, ни через год;
Не помянет никто добром,
Трава не взойдет на месте том;
От солнца потрескаешься ты,
Для змей, что ползают средь темноты,
Для коршунов, замышляющих зло,
Для стервятников, что на земле
Добычу высматривают себе,
Станешь прибежищем ночью и днем —
Вот такою ты станешь скалой!» —
Вынес Урал приговор такой.
Шульген неподвижно ему внимал.
Боясь, что брат его впрямь убьет,
От перепуга весь дрожал.
И вот, заикаясь, он слово дает:

«Создано черным колдовством
Озеро это — источник зла.
Лицо свое я умою в нем,
Чтоб со своим распрощаться злом;
Чтобы коварства вовек не творить,
Черных дел вовек не чинить,
Буду всегда и всюду с тобой.
Дорожить буду дружбой людской,
Тем постараюсь славу добыть,
Чтобы верно стране служить;
Урал, дай след твой поцеловать,
Братом позволь тебя назвать,
Вместе жизнью одною жить,
Мать свою и отца повидать,
Слово клятвенное дать!»
«Кровь запеклась на твоем лице —
Не отмоешь в озерной воде.
Захлебнулось сердце в крови —
Не вернешь его к правоте;
Сквозь воду прошедшие и огонь,
Люди уже не поверят тебе;
К ним ты черную злобу питал,
Камнем проклятия ты стал,
Только огнем и был для них ты.
Семена блага и доброты
С рожденья покинули тебя;
Пока ядовитое сердце твое
Смягчится — камень скорее растает,
Доброту оно не познает,
Все святое оно распинает.
Если хочешь людей полюбить,
Если вместе с ними, в стране
Отныне хочешь батыром быть,
То считай злодеями тех,
Кто врагами стал для людей.
Кровь врагов тех в озеро слей
И омой лицо свое в ней.

Против людей ты дивов водил,
Кровь людскую нещадно лил,
Злодейство за славу почитал,
Доброту за позор принимал;
И в гордыне своей теперь
Мечешься, как разъяренный зверь.
Пусть почерневшая кровь твоя
Напоминаньем о прошлой судьбе
Будет сердце твое сжимать,
Тело болью одолевать;
Пусть скверная кровь, что в тебе течет,
Иссохнув, красный цвет обретет.
Тогда человеком станешь опять,
С нами останешься в нашей стране,
Будешь батыром на войне», —
Так заключил Урал свою речь.
Гора у Шульгена упала с плеч.
Шульген стал Урала снова просить,
Землю слезами пред ним кропить:
«Лев, на котором я ездил верхом,
Дважды споткнулся подо мной.
Дважды его я ударил так.
Что брызнула кровь из него струей;
Потом и в третий раз он споткнулся —
Ко мне в смятении обернулся:
Мол, не споткнусь я в пути опять!
И припустился снова бежать.
Я тоже больше его не бил.
Не бранил его, не колотил.
Так Шульген, что тебе был брат,
Промахнулся два раза подряд,
Вселил в твое сердце горе и гнев,
Ведь я и есть — спотыкавшийся лев;
В третий раз мне уйти позволь,
Лик почерневший я свой отмою,
С обеленным лицом пред тобою
Я предстану и, землю целуя,

Стану равным среди людей,
Стану жить я в стране твоей».
Урал решил его просьбе внять,
В последний раз его испытать;
Коль, честь потеряв, муж с дороги собьется
Все утратит он в жизни своей;
Коль зло затаит он против людей,
Ночью светлый день обернется.
Тому, чья душа истекает злобой,
День будет мраком глаза затмевать;
Будет он ночью охотиться, чтобы
Птиц, ослепших во тьме, подбивать.
Если ночь для людей настанет,
Она тебе покажется днем.
Сородичей ты убивал непрестанно,
Черную славу обрел на том.
Лучше дивов, что были врагами
Нам, у тебя не бывало друзей.
Засияет луна для людей.
Когда же погасает луна, не знал ты,
Что вспыхнет ярчайшее из светил;
Своими главами теперь увидал ты,
Что этот свет наконец наступил.
Для тебя же и дивов зловещих
Черная ночь наступила навечно.
Море, где плавали дивы толпой,
Обернулось навек землей,
Азрака, царь проклятый твой,
Обернулся навек горой.
От злодея и девушки чистой
Родился Сакмар — богатырь неистовый.
Коль наконец понять ты сумеешь,
Что радость утраченную обрели
Мужчины, которых терзали змеи,
Девушки, что в плену их желтели, —
Красавцы дивные нашей земли.
Знай наконец, что, вот так сражаясь,

Вечною злобой против людей,
Их безжалостно уничтожая,
Если поймешь наконец все это,
Если с коварством расстанешься ты,
Если из тьмы повернешься к свету,
Коль силы найдешь поучиться добру
У льва своего, что споткнулся в пути,—
Еще раз исполню я волю твою.
Во имя чести отца моего,
Памяти матери моей,
Последний раз испытаю тебя,
Последний раз внемлю просьбе твоей.

Глава 9

О том, что сказал старик, изнемогающий от невозможности умереть; как Урал-батыр набрал в рот воды из Живого родника, но не сделал и глотка — опрыснул тою водой землю вокруг себя, и вся она ожила.

Отпустив Шульгена, Урал
Так собравшимся людям сказал:
«Смерть, что зрима была для глаз,
Выгнали мы из страны своей.
Дивов, что пили кровь из нас.
Сделали твердью горных цепей.
Воду Живого родника,
Зачерпнув, принесем сюда —
Пусть всем достанется та вода.
От Смерти же, что скрыта от глаз,
От болезней, что точат нас,
От болей и мук, гнетущих от века.
Человеческий род спасем,
Бессмертным сделаем человека
Радость в каждое сердце внесем!»
Когда вот так говорил Урал,
Старик какой-то приковылял.
Тяжко вздыхал он, горько стонал,
Смерть-спасительницу призывал.
До предела иссохшее тело
Все, казалось, в суставах скрипело.
Так он долго на свете жил,
Что отца и мать позабыл.
Так обратился к народу он:
«Пережил много я поколений,
Много разных прошел владений,
Был свидетелем тех времен,
Когда мы не знали родства и имен,
Не боялся никто ничего,

Дитя не знало отца своего;
Видел, как люди вместе селились,
Как по парам они сходились.
Сильное племя слабое грабило,
Змеи и дивы считали, что вправе
Безжалостно на людей нападать,
Одних пожирать, чтоб за их счет
Наращивать число своих голов,
Остальных — обращать в рабов;
Вел кичливо себя их род,
В страхе держали дивы народ,
Проливали потоки слез —
В такое время егетом я рос.
Что значит Смерть, я тогда не знал,
Сирот обиженных не замечал;
Когда прибирали к рукам своим
Пленников дивы одного за другим,
Смерть пред глазами моими предстала;
Но знал я: день счастливый придет
И когда-нибудь мой народ
Родит на свет такого батыра,
Который на змей, кишащих по миру,
Беспощадной войной пойдет;
Что люди, чьи очи мутны от слез,
С улыбкой поднимутся в полный рост,
Полной грудью вздохнут наконец,
Счастливо заживут наконец —
Такого часа пред смертью я ждал;
Чтоб Смерти душу не отдать,
Чтоб праздник тот самому увидать,
К роднику живому припал.
Смерть я часто и раньше встречал,
Грозно дышала она на меня,
К самой глотке нож подносила,
Саблю не раз на меня точила,
Не раз ломала она меня,
Но одолеть меня не могла,

Взять мою душу не в силах была,
Плоть в моем теле убить не могла.
Со Смертью на равных я сражался.
Праздника вот наконец дождался,
Потому и пришел сюда;
Мой привет примите, друзья.
Вот счастливые лица людей
Вижу сквозь сумрак своих очей,
Человеческого существа
Я богатырство и мощь постиг.
Теперь без страха могу умереть —
Горы, что ты из дивов воздвиг,
Эта каменистая твердь,
Могут обителью стать для людей,
Приютить и птиц, и зверей,
На любой из воздвигнутых гор
Они для жизни найдут простор.
Будет потомство людей умножаться.
Слезы забыв, оно станет смеяться,
Обживется и счастье найдет,
Прошлое в песнях своих воспоет.
Понял я, что на земле этой вечной
Будет вечен и род человечий.
Явился спасителем ты для людей,
Стал для них ты светом очей,
Первым среди батыров ты стал,
Против зловещих сил восстал,
Достоин того, чтоб тебя воспели
Все грядущие поколенья.
Чтоб ты счастье стране добыл,
Твой отец тебе жизнь подарил,
Молоко тебе мать дала;
Душа твоя твердой к врагам была,
А к друзьям — и добра, и светла —
Таким батыром взрастили тебя,
Посадили на верного льва.
С той, чья душа нежностью полна,

С красавицей, что солнцу подобна,
С волшебницей, чей прекрасен стан, —
С Хумай тебе встретиться было дано,
Акбузата оседлать суждено,
Несравненного коня,
Что пламенем вспыхнул против огня,
Против воды вскипел водой,
Против ветра вознесся горой.
На врагов метнулся войной, —
С ним на дивов ты поспешил,
Воду морскую иссушил.
Счастьем всю землю наделил,
А стране благоденствие дал —
Таким батыром тебя я узнал.
Сам же я вот таким предстал:
Трепещет душа моя, как мотылек,
Крови во мне — на один глоток.
Суставы и кости вконец раздробились,
Только тело не развалилось.
Помутился рассудок мой,
Жить больше не в силах жизнью такой,
Пытался Смерть я к себе призвать,
Ей хотел я себя отдать,
Но душу мою она не взяла,
Слова такие произнесла:
„Из Живого ты пил родника,
Неподвластен мне стал на века,
Душу твою не смогу я убить,
Б мертвеца тебя превратить;
Обессилеть, но будешь жить,
Мукой бессмертия исходить.
Сгнившее тело черви источат,
Но умереть оно не захочет.
Из мира этого ты не уйдешь,
От страданий с ума сойдешь“.
Таким, егет, я пришел к тебе,
Все поведал я о себе,

Постарайся меня понять,
Есть у меня, что тебе сказать:
Горький мой опыт дней прожитых
Поможет от бед избавить других.
Желая вечно на свете жить,
Неподвластными Смерти быть,
Власть ее принять не желая,
Не пейте из Родника Живого!
Мир — это благоухающий сад,
А существа, живущие там,
Подобны растениям и цветам
Одни тот сад засоряют собою,
Другие растут, восхищая красою,
Разные краски и уют
Саду растения те придают.
То, что Смертью мы зовем.
Прозвища злые кому даем, —
Вечности нетленный закон.
Мир от гнилья очищает он.
От больных и увядших трав
Навсегда очищает он.
Освежает он жизни сад.
Не желайте же вечными быть,
Из Родника Живого испить!
То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание —
Это добро и благодеяние.
В огне не сгорит — благодеяние,
В воде не утонет — благодеяние,
На неба возвысится — благодеяние.
Останется в памяти — благодеяние,
Оно — голова всех дел.
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел».
И слова старика услыхав.
Смысл глубокий их осознав.

Вместе со всеми людьми Урал
В дорогу дальнюю зашагал.
И вот перед ними Родник Живой —
Рот наполнил Урал водой,
На стежку, что проложил он сам,
На горы, что поднял к небесам.
Прыснул тою водой, говорят:
«Пусть зеленеют голые чащи,
Пусть цвет бессмертия обретут,
Пусть птицы щебечут звонче и слаще,
Пусть люди веселые песни поют!
Пусть враг бежит из нашего края,
Черной завистью истекая!
Пусть эту землю любит народ,
Пусть садом прекрасным она расцветет.
Пусть сердце врагов красотой изведет!» —
Так Урал громогласно изрек.
Там, куда брызги воды полетели,
Разом выросли сосны и ели;
В стужу любую цвет не теряющая,
В жару любую не засыхающая,
Неуязвимая для насекомых.
Для червей и жуков ползучих,
Распустилась зеленая хвоя
И навечно осталась такою.
До Шульгена дошла та весть.
«Отныне у меня защитница есть,
Которая будет людей хватать,
Убивать и со света сживать.
Моя защитница — это Смерть,
Нет преград теперь перед ней,
Будет мне помогать она
Нещадно уничтожать людей», —
Так про себя подумал Шульген.
Змей и дивов он всех собрал,
Обо всем, что знал, рассказал,
Строго-настрого наказал:

Людям ни капли волы не давать,
Власть Урала не признавать.
Дни и месяцы миновали.
Люди жилье себе сооружали,
В гости друг к дружке ходили,
Полной чашей веселье пили,
Сватали за женихов невест.
Был спокоен и счастлив любой.
Среди тех беспокойных мест
Установились мир и покой.

Глава 10

О том, как в гневе на злодеяния дивов Урал выпил озеро, где они прятались; как проникшие в его нутро змеи изгрызли сердце батыра; о том, что сказал Урал-батыр перед своей смертью; о том, как расселились люди на склонах Урал-тау, как там же расплодились звери, животные и птицы, как им не стало хватать воды; как образовались реки Идель, Сакмар, Нугуш, Яик; как люди зажили в благополучии, забыв о прошлом лихе и бедствиях.

Но вот опять был нарушен покой:
Девушек, шедших за водой,
Мужчин, идущих лесной тропой,
Дивы стали подстерегать
И у самой воды глотать;
Выпивали их кровь, говорят,
Вырывали сердца, говорят.
Змеи выползали из щелей,
Жалили нещадно людей.
Всех их снова ужас объял,
Каждый пред гадами трепетал;
Вновь к Уралу толпой пришли,
Сквозь слезы о дивах заговорили.
И решил он народ сплотить,
Дивов злых до конца истребить;
Только те об этом прознали,
Из воды вылезать перестали.
Долго Урал размышлять не стал,
Иделю, Нугушу, Яику,
Сакмару и другим батырам —
Войском своим управлять наказал;
Меч алмазный вырвал потом,
Акбузата оседлал,
Вызывая и шум, и гром,
На Акбузате помчался он,
Бурю на земле поднимал,

Волны из воды исторгал;
К озеру дивов прискакал:
«Выпью озеро это сполна.
Иссушу до самого дна,
От дивов, оставшихся в живых,
Кто людям жить на земле не дает,
От шульгенов и гадов других
Навсегда избавлю народ!»
Стал он озеро выпивать —
Начала в нем вода клокотать;
Дивы испуганно загалдели —
Спрятаться от батыра хотели.
Только пил все Урал и пил,
И див за дивом в него входил.
Много их в нем скопилось внутри,
Зубы у каждого остры,
Грызли они его сердце и душу.
Озеро выплеснул он назад;
Дивов, выскакивающих наружу,
Всех убивали батыры подряд.
Не в силах на ногах устоять,
Не в силах больше воевать,
Урал на месте том же упал.
Народ повалил тут за валом вал.
«Он счастьем народа был до конца!» —
Осиротевший народ рыдал.

Урал:

«Своими глазами видели все вы,
Как дивы в мое проникали чрево,
И каждый сердце мое терзал,
Внутренности на части рвал.
Вот что, народ мой, тебе я скажу:
В омутах и озерах глубоких
Будут дивы таиться и впредь.

Будут пытаться они ненароком
Душой и телом людей завладеть,
Будут мстить каждый день, каждый час,
Всюду преследовать будут вас,
Чтоб вашей смертью смыть свой позор;
Не пейте воду из этих озер —
Только болезни от них и мор,
Воду их обходите стороной,
Пусть потеряют злодеи покой.
Против дивов я начал войну,
Очистив озера от них,
Страну
Помог народу вновь обрести;
От тех, кто вел себя как злодей,
Я стремился избавить людей;
Опорой в пути мне был Акбузат,
Опорой в борьбе — мои славный булат;
Земля родная была мне, как мать,
Надеждой и верой она мне была,
Коль нужно мне войско было собрать —
Достойных богатырей дала;
Бывало, успехом своим упоен,
Совета не спрашивал я у других,
Собственным все решал я умом,
Меня лишь вините в ошибках моих!
Слушайте, дети, вам говорю,
Слушай, страна моя, тебе говорю:
И львом храбрейшим будучи мира,
С рожденья имея имя батыра.
Все же, страну свою не обойдя.
Вброд ее горе и кровь не пройдя,
Сердце свое нельзя закалить;
Чтоб заодно с врагами не быть.
Без совета дела не вершите!
Дети, словам моим внемлите:
На земле, очищенной мною.
Людям добудьте счастье земное;

Будьте мудрыми на войне.
Чтобы славу добыть стране,
Сами стремитесь батырами стать;
Старших умейте почитать.
Их советом не пренебрегайте,
Но и тех, кто младше, не забывайте —
Вам растить их и поднимать.
Коль в чьи-то глаза угодила соринка,
Которая может их сделать слепыми,
Станьте ресницами глаза для них вы,
Сор тот смахните руками своими,
Акбузат мой, алмазный меч
Тому перейдут в моей стране,
Кто, богатырски держась в седле,
На этом яростном скакуне
Сечь врагов будет на войне;
Тому же, кто на путь предательства ступит,
Меч этот будет вовек недоступен.
Сыны! Матерям передайте своим:
Пусть за все Урала простят.
Пусть каждая скажет: „Был он мужем моим“.
А всем вам вместе напомню о том:
Пусть станет добро лишь вашим конем,
Пусть имя будет вам — человек,
Злу не давайте дорогу вовек.
Пусть мир и добро пребудут вовек!»
Слова те напутственные сказал
И скончался батыр Урал.
Скорбь унять не имея сил,
Голову низко народ склонил.
Звезда падучая мглу прорвала —
Для Хумай она весть принесла;
Хумай надела птичий наряд
И прилетела сюда, говорят,
И губы мертвого Урала,
Говорят, она поцеловала:
«Ай Урал ты мой, Урал,

К тебе живому я не успела,
Не слыхала, что ты сказал,
Душу утешить не сумела.
В юности встретила тебя,
В радости сбросила птичий наряд,
Девушкой обернулась я;
Когда со змеями ты воевал,
Когда дорогу добру открывал —
На моем Акбузате верхом,
В руке с моим алмазным мечом,
Самой счастливой я в мире была;
Застать в живых тебя не смогла.
Ты губы мои не поцеловал.
Не знаю, что бы ты мне сказал.
Как без тебя я буду жить?
Кем буду в жизни дорожить?
Кто сможет взор мой заворожить?
Хоть имя есть — Хумай — у меня.
Хоть люди знают, что женщина я,
Я птичью шубу уже не сниму,
Облик, в который можно влюбиться,
Больше никогда не приму.
Батыра такого уже не найду,
Матерью батыра стать не смогу.
Птицею жизнь я буду вести,
Яички бесплодные буду нести;
Дитя родится — птицею будет,
Цвета белого оно будет.
Как самые чистые мысли твои.
Что для тебя я сделать смогу?
У дороги, где ты скакал,
На горной гряде, что ты создавал,
Вырыв могилу, похороню,
Навек тебя в сердце своем сохраню.
Путь великий, где ты скакал,
Не зальет никакая вода;
Горы, которые ты создавал,

Примут в свои объятья тебя,
Будут прах твой вечно хранить,
Будут вечно на свете жить.
Когда-то море ты здесь осушал,
Самым первым батыром стал,
На берегу страну основал;
Отныне, в объятьях могучей горы,
Будешь светочем ты страны,
Будешь светлой душой для людей,
И мертвый, будешь живых ты живей,
Еще прославленней будешь ты,
Немеркнущим золотом будешь ты;
Человечий возвысив род,
Слава твоя на земле живет!»
И, такие слова сказав,
Похоронила его в горах,
Улетела она, говорят,
Решив не возвращаться назад.
Дорога Урала — великие горы,
Могила Урала — высокие горы,
Название приняли то же — Урал.
По истечении долгих лет
Загрустила она по Уралу,
Вдоль дороги, что он проложил,
Махая крыльями, пролетала,
Опустилась на гору-скалу.
Думая об Урале, грустила.
Позднее вывела там птенцов,
Белых лебедей расплодила.
И об этом узнали все.
Говоря: «Это птица Хумай»,
Лебедей за родных принимали,
Охотиться на них запрещали;
Не ловить благородных птиц
Между собой договорились —
Оттого птицы те расплодились.
Поэтому мясо лебедей

Навеки запретно для людей.
Много громов с тех пор отгремело.
Один за другим года пронеслись.
И вновь Хумай сюда прилетела,
А потом животных и птиц
За собой она привела:
Дескать, здесь благодатна земля,
На Урал возвратилась вновь;
Храня к ней привязанность и любовь,
Пришли-прилетели вереницей
Звери, животные и птицы.
Узнав, что все твари сошлись туда,
Что там никому не грозит беда,
Бык Катила племя свое,
Которому отроду был вожаком,
На отроги Уральских гор,
Туда, где благодатен простор,
Привел, чтоб вместе со всеми жить,
Голову перед людьми склонять.
Акбузат по странам бродил,
Лошадиный род единил,
Во главе табунов сам шел,
Всех затем он сюда привел в.
Когда обжились и с раздольями свыклись,
Здесь и лошади расплодились.
Каждый день и месяц Урал
Все живое в себя вбирал.
Дни прихода птиц и зверей
С тех пор и стали для людей
Названием месяцев и годов —
Стад подсчет их с тех пор таков.
После того как умер Урал
И в землю прах его превратился,
Могила вдруг его засияла;
Люди, что видела свет небывалый,
К могиле его сходились толпой,
Каждый землю трогал рукой,

Славя землю могилы той.
Постепенно на месте том
Золото залегло пластом.
Расплодились звери и птицы.
Не стало хватать воды, чтоб напиться
(Не пил из озер никто из людей).
Тогда к Иделю и Яику,
Нугуш-батыру и Сакмару,
Собравшись вместе, люди пришли
Со всех сторон уральской земли,
И, не в силах печали скрыть,
Стали спрашивать, как им быть.
Идель тогда в задумчивость впал,
Меч отцовский молча достал.
На Акбузата верного сел
Отовсюду народ собрал:
«Пока в воде, какую мы пьем,
Пока на земле, где все мы живем,
Злобные силы еще таятся.
Людям не обрести покоя —
Будут они своей тени бояться.
Против Шульгена войну откроем,
Избавим страну от врагов навсегда,
Будет тогда у людей вода.
Мир и покой придут навсегда».
Едва успел он слова те сказать,
Как Хумай появилась опять,
И так сказала ему Хумай:
«Егет, что от батыра рожден,
Будет ли робостью сокрушен?
Кто мог знать, что мужчина придет,
Который дорогу в море проложит,
Горы из поверженных дивов сложит,
Всю морскую воду иссушит,
Людей расселит на созданной суше?
Ни у кого, кто на свете живет,
Мыслей подобных не возникало;

Хоть остался лишь прах от Урала,
Все же меч его — он с тобой,
Акбузат — всегда под рукой;
Отец твой из дивов горы возвел,
Дороги остались там, где он шел,
Воду очистил от злобных сил.
Страну воедино объединил.
Так, умирая, он завещал:
„Не надо воду из озера пить.
Жизнь свою понапрасну губить“,—
Так перед смертью он сказал.
Если с Шульгеном войну начнешь.
Если даже его разобьешь,
Другой в озерах не станет вода;
Как материнское молоко.
Не вспоят страну никогда!»
Идель, услышав эти слова,
Задумался, сошел с седла.
Меч, который оставил Урал,
В руки могучие он взял,
На высокую гору взошел
И такие слова сказал:
«В руках отцовских алмазный меч
Мог змей в дивов-драконов сечь;
От Урала пришедший в мир,
Достоин ли имя носить — батыр,
Кто мужчиной меня назовет,
Если жаждой страдает народ
Без воды, без живительных рек?» —
Так промолвил Идель, и вот
Гору мечом он алмазным сечет;
Воды, белые, как серебро.
Заструились тотчас с горы,
Прохладные понесли дары.
Им путь преградила гора Ямантау,
Которую когда-то Урал
Из туши Азраки создал;

Вновь размахнулся Идель что есть сил
И гору напополам разрубил.
Дальше устремилась река;
Гора, на которой Идель стоял,
Там, где весело он скакал,
Откуда, выбилась та река,
Название приняла — Иремель.
Клин горы, запрудившей реку,
Там, где Идель ее разрубил,
Кырыкты называться стал.
Иделем добытая вода
Названье реки «Идель» приняла навсегда
Каждый пил, воде этой рад;
И, следя за ее теченьем,
Счастья исполненный и волненья,
Песню такую пел, говорят:
«Иделем вырубленная река,
По долинам сухим потекла,
Сладка Идель и горька она,
Высушит всю твою печаль
И кровавые слезы до дна.
Пел песни народ о счастье и мире,
О славном сыне Урала-батыра,
Сладка Идель и горька она,
Высушит всю твою печаль
И кровавые слезы до дна.
Все в одни голос его прославляли.
Высохли слезы, исчезли печали.
На берегах Идели-реки
Стал вовсю расселяться народ,
Разводить там домашний скот;
Разрасталось число людей,
Становилось им все тесней,
Не хватать им стало земель,
Все сужалась река Идель.
Потом батыры вместе сошлись;
Батыры Яик, Нугуш и Сакмар

На поиски новых рек разбрелись.
Подобно Иделю, каждый из них
Мечом рубили земную твердь.
Три реки, из глубин земных
Вырвавшись, в стороны растеклись.
Четыре батыра народ пригласили,
На каждого из четырех поделили.
На долинах четырех рек
Стали строить они жилье,
Расселились там навек.
Батыров тех четырех имена
Четыре реки затем получили;
Во всех поколеньях, во все времена
В сердцах потомков батыры те жили».

УРАЛ-БАТЫР
В ПРОЗАИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ

В изложении Айдара Хусаинова.

Ночь, глубокая ночь повсюду. Нигде не видно ни звездочки, ни огонька, лишь глубокая тьма вокруг, тьма без конца и без начала, тьма без верха и низа, без четырех сторон света.

Но что это? Словно посветлело вокруг, и тьма заблестела тяжелым смутным сиянием. Это в ее сердцевине вдруг обнаружилось золотое яйцо, свет от которого пронзил бесконечную толщу тьмы.

Яйцо блестит все сильнее и сильнее, но жар его не опаляет, он только захватывает все большее и большее пространство, становится нестерпимым, и вдруг исчезает, и вот перед нами чистое небо, широкая степь, высокие горы на горизонте и огромные леса за спиной.

А если опуститься еще ниже, можно увидеть, как движется человек, похожий на небольшую гору. Это Янбирде — Давший Душу. Он в несколько раз больше самого большого человека, потому что он первочеловек. Он живет так давно, что даже сам не помнит, когда родился. Рядом с ним его жена Янбике — Душа Жизни. Они живут вместе с давних пор, и есть ли на свете еще люди — они не знают, давным-давно им никто не попадался навстречу.

Они возвращаются с охоты. Сзади тащится лев, на которого они взвалили добычу — высокого оленя, в небе над ними летит сокол, он высматривает, что творится в округе.

Вот показалась полянка. Оттуда навстречу Янбирде и Янбике бегут два мальчика. Того, что пониже, зовут Урал, он помладше. Того, что повыше, зовут Шульген, он постарше. Так начинается наш рассказ об Урал-батыре.

Как Шульген нарушил запрет отца

Янбирде и Янбике жили в этих местах с незапамятных времен. У них не было дома и никакого хозяйства они не вели. Еду готовили на костре, ели из чего придется, а если хотелось поспать — высокая трава стелилась как мягкое ложе, высокие липы склоняли свои ветви, чтобы укрыть их от дождя, густой боярышник и шиповник смыкались вокруг них, чтобы защитить от ветра. Ни зимы, ни весны, ни осени не было в тех местах, а только одно бесконечное лето.

Янбике и Янбирде жили охотой. Выезжали они на могучих свирепых львах, щука помогала им ловить рыбу в реках, а верный сокол бил для них птиц. Ни лука у них не было, ни ножа, голыми руками они ловили в лесах зверей и чувствовали себя хозяевами тех мест.

Был у них обычай с незапамятных времен — собирали они кровь убитых животных и делали из него особое питье, которое придавало им силу и бодрость. Но пить это самое питье можно было только взрослым, а детям своим, Шульгену и Уралу, родители строго-настрого запрещали прикасаться к ракушкам, в которых оно хранилось.

Дети росли быстро. Когда Шульгену исполнилось двенадцать лет, он решил оседлать льва и отправиться на охоту, как его отец.

Урал, которому в ту пору было десять лет, решил поохотиться с соколом, как охотился его отец.

Но Янбирде не дал им своего благословения и сказал так:

«Дети мои! Я вас люблю, как люблю свои глаза, которыми смотрю на белый свет. Но разрешить вам охотиться не могу — у вас еще не выпали молочные зубы, вы еще не окрепли телом и душой, не пришло пока ваше время. Не торопите своего детства и слушайте меня. А я вам говорю — чтобы привыкнуть к верховой езде — садитесь на оленя. Чтобы научиться охотиться с соколом — пускайте его на стайку скворцов. Есть захочется — ешьте, пить захочется — пейте, но только воду из родника. Пить то, что мы с матерью пьем, вам запрещено».

Однажды Янбирде и Янбике ушли на охоту и долго не возвращались. Мальчики играли на полянке, а когда проголодались, Шульген вдруг сказал своему младшему брату:

— Давай попробуем то, что пьют наши родители.

— Нельзя, — ответил ему Урал. — Отец не разрешает.

Тогда Шульген стал дразнить своего брата:

— Да ты не бойся, они не узнают, мы по чуть-чуть попробуем. Питье-то сладкое, наверно. Отец и мать не ходили бы на охоту, не ловили бы зверей, если бы им не хотелось это пить.

— Нет, — отвечал ему Урал. — Пока не стану егетом, пока не узнаю обычаев взрослых людей, не погублю ни одного зверя, пить это питье не буду.

— Да ты просто трус, — закричал тогда Шульген и стал громко смеяться над братом.

— Нет, — сказал ему Урал. — Львы и тигры очень храбрые звери, но и они плачут, когда к ним приходит Смерть. Вдруг, если попьешь из ракушек, она здесь появится?

— А ты не бойся, — сказал непослушный Шульген и отпил немного из ракушек. Так он нарушил запрет отца.

Как Янбике и Янбирде вернулись домой

Когда Янбирде и Янбике вернулись домой, они принесли с собой много дичи. Вчетвером уселись они за стол и принялись за еду. Вдруг Урал спрашивает у своего отца:

— Отец, вот этот олень, как ни старался, не ушел от твоей руки. А может быть, кто-нибудь точно так же придет и убьет нас, как ты убил оленя?

Ответил ему Янбирде:

— Умирает тот зверь, которому пришел срок умирать. В каких бы чащах он не скрывался, в какие бы горы он не забрался, мы все равно придем за ним. А чтобы убить человека — здесь такая душа еще не родилась, Смерть здесь еще не появлялась.

Призадумался Янбирде, склонил голову, помолчал. Припоминая то, что было с ними в незапамятные времена, рассказал он такую историю:

— Давным-давно, в тех местах, где мы родились, где жили наши отцы и деды, Смерть появлялась часто. Тогда многие, и старики, и юноши, падали на землю и лежали без движения. Никто не мог их заставить подняться, потому что пришла их Смерть.

И вот однажды случилось то, чего никогда раньше не было — из-за моря пришел страшный Див и стал убивать людей. Многих он тогда пожрал, а кто спасся — того поглотило море, которое разлилось так, что вскоре покрыло всю сушу. Кто не погиб — убежал куда глаза глядят, и Смерть осталась одна-одинешенька. Она и не заметила, что мы с вашей матерью убежали, не стала нас догонять.

А мы пришли сюда, и с тех пор живем в этих краях, где нет Смерти и где всему живому хозяева — мы сами.

Тогда Урал спросил вот о каких вещах:

— Отец! А можно ли Смерть погубить, чтобы она не причиняла больше зла никому на свете?

— Смерть, сынок, невидима для глаз и приход ее незаметен, — отвечал ему Янбирде. — Бороться с ней очень и очень трудно. Есть лишь одна управа на нее — в землях Падишаха всех дивов течет

Живой Родник. Если испить из него-тогда, говорят, человек никогда не умрет. Смерть над ним будет невластна.

Как Янбирде обнаружил, что из ракушек кто-то пил и что из этого вышло

Долго рассказывал Янбирде, наконец в горле у него пересохло, и он решил утолить жажду. Пошел он в укромное место и принес оттуда ракушку неведомого морского моллюска, в которой хранил свое питье. Сел Янбирде за стол, открыл ракушку и вдруг увидел, что она неполная. Тогда осмотрел Янбирде ракушку внимательно и обнаружил на ней следы детских пальчиков. Понял он, что кто-то из его сыновей нарушил запрет. Страшно рассердился Янбирде.

— Кто пил из этой ракушки? — грозным голосом спросил он у сыновей. Сыновья молчали.

— Кто посмел? — спросил он еще более страшным голосом и поднялся над ними, огромный, как гора. Тут сердце Шульгена не выдержало, и он пискнул:

— Никто не пил, атай!

Этого Янбирде стерпеть уже никак не мог. Схватил он хворостину и стал бить своих сыновей, приговаривая:

— Не только пили, но еще и врете!

Мальчики вскрикивали под ударами, закрывались руками, но хворостина безжалостно лупила их по рукам, по спинам, по ногам. Наконец Шульген не выдержал и закричал:

— Это я, я испил из ракушки!

Но это не принесло ему облегчения. Теперь отец бил его одного, бил страшным, смертным боем.

Тут Урал подскочил к отцу, схватил его за руку и закричал:

— Отец! Может быть, ты хочешь его убить? Остановись!

Хлыстнул Янбирде своего сына еще несколько раз, но дело уже было сделано, его не воротишь — старший сын нарушил запрет отца. Сел он на камень и стал думать.

— Наверное, Смерть пришла сюда незримо и искушает меня убить сына, — думал он. — Что же такое Смерть? Надо созвать всех зверей и птиц, порасспросить их всех. Не может быть, чтобы никто не видел ее. Тогда и решу, что дальше делать.

Что сказали звери и птицы, когда собрались на зов Янбирде

И вот собрались все звери на большой поляне посреди леса. Прилетел Журавль на тонких крыльях, прилетел, тяжело переваливаясь, Ворон, львы сели справа и слева от Янбирде, показывая всем своим видом, кто здесь самый главный. Олени жались невдалеке, лось вышел на поляну, дошел до самой середины и остановился в некоторой нерешительности. Глухари и более мелкие птицы расселись на ветках, а волки, лисы и зайцы заняли всю поляну.

Янбирде сидел на камне в глубокой задумчивости. Он еще не пришел в себя от потрясения, которое испытал впервые после долгих-долгих лет мирной жизни. Тогда Урал смело вышел вперед и сказал такие слова, обращаясь к птицам и зверям:

— Сколько мы живем — всегда сильный пожирает слабого. Давайте отвергнем этот злой обычай. Ведь есть среди нас такие, что мяса не едят, крови не пьют. Растят они своих детенышей на поживу хищникам. Это несправедливо. Давайте откажемся от этого обычая, тогда Смерть останется одна, мы настигнем ее и уничтожим!

Хищные звери, и с ними Шульген, не согласились с этими речами, стали переговариваться между собой. Не понравились им слова Урала.

Выступил вперед черный, как сама ночь, Ворон и повел такую речь: «Я не побоюсь встретиться со Смертью, я многое в жизни видел. Но вот схватить ее и выдать на растерзание — я никогда не соглашусь. Подумайте сами — если сильный перестанет охотиться за слабым, если никто не будет умирать, если звери, подобные зайцам, которые плодятся три раза в год, будут существовать беспрепятственно — на земле не останется места.

Кто смерти боится — пусть ищет путь к спасению. Кто хочет сохранить свое потомство — пусть ищет безопасное место».

Понравились эти речи хищникам, и они одобрительно зашумели, стали рычать и подскакивать на месте.

Тогда журавли и гуси, утки, тетерева, куропатки и перепелки решили держаться вместе, хорониться в лесных чащобах и на болотах, там выводить на свет своих деток.

Дикие козы и олени, бурощекие зайцы ничего не сказали. Они гордились тем, что умеют быстро бегать. Они думали, что на своих быстрых ножках убегут от Смерти.

Жаворонки, скворцы и сойки, воробьи, вороны и галки тоже промолчали, потому что были маленькими и слабыми птицами, питались тем, что оставалось от больших зверей, или просто ели что попало. Вот они и постеснялись сказать свое мнение на таком большом совете.

Так и не пришли они к единому мнению, каждый остался при своем.

С той поры старик Янбирде уже не оставлял дома Урала и Шульгена. С той поры стали они ходить на охоту вчетвером.

Как была поймана белая лебедь

Однажды случилась у них великая охота. Дичь словно сама лезла в силки — все охотничьи мешки были переполнены.

Когда охотники наконец вернулись домой, стали они разбирать добычу. И вот попалась им среди прочей живности птица лебедь со сломанным крылом. Опутали ей ноги старик Янбирде, замахнулся острым ножом, чтобы голову отсечь, и тут птица заплакала кровавыми слезами, заговорила:

— Не убивайте меня, не безродная я сирота, не вашего людского племени дочь.

Удивились таким речам Янбирде, его жена Янбике и дети их Урал и Шульген, прислушались. А птица лебедь продолжала:

— Мой отец, когда-то пару себе искал, никого не нашел на всей земле. Обратил он взор свой на небо и там взял себе в жены Луну и Солнце, приворожил к себе обеих. Он — Падишах всех птиц, имя его Самрау, вот мой отец.

А если не послушаетесь меня, если разорвете меня на части, каждый мой кусочек станет вам поперек горла, не переварюсь я в ваших желудках — мать моя Кояш-Солнце еще в младенчестве омыла меня в водах Живого Родника, так что Смерти я не подвластна. Так говорю вам я, Хумай. Отпустите меня, и я укажу вам путь к Живому Роднику, что избавляет от Смерти.

Не знали, что делать, как поступить Янбирде и Янбике. Стали они спрашивать совета у своих детей. Шульген не поверил птице, сказал, что ее надо съесть, а Урал заступился за птицу, думал он отпустить ее на волю. Такой между ними вышел спор.

Наконец Урал сказал Хумай, этим именем назвалась лебедь:

— Не горюй, я верну тебя твоим родителям.

Осторожно положил он раненую птицу на землю.

Лебедь взмахнула здоровым крылом, и выпали из него три пера. Она обмазала их своей кровью, и вдруг, откуда ни возьмись, появились три птицы. Подхватили они лебедь легкими крыльями и унесли в высокое небо.

Пожалели тогда Янбирде и его сыновья, что так и не вызнали дорогу к Живому роднику.

Решил тогда Янбирде, что кончилось для его детей беззаботное время, пора им отправляться в путь, птицам вослед — искать дорогу к Живому Роднику. Наказал он им слушаться друг друга, во всем друг дружке помогать, а если Смерть им по дороге попадется — отрубить голову и привезти домой. Дал он сыновьям могучих львов и проводил в далекий путь.

Долго смотрели вослед сыновьям Янбирде и Янбике, и не знали они, когда еще увидят своих сыновей, приведется ли когда встретить друг друга.

Урал и Шульген встречают старца и бросают жребий

Ночь проходила — наступал день. День проходил — наступала ночь. Так шли месяц за месяцем, год за годом.

Возмужали братья в дороге, появился первый пух на подбородке, открытыми глазами стали они глядеть на мир. Всякое попадалось им в пути, многое пришлось изведать. Встречали разных людей, пересекали широкие реки, через горы переваливали, темные леса проезжали.

И вот однажды встретили братья седобородого старца с длинным посохом в руке. Стоял тот старец под огромным дубом, из-под которого текла, шумя и переливаясь на ярком солнце, большая река.

Спешились братья, поприветствовали старца, отвесили ему земной поклон. Ласково встретил их старец, спросил, куда путь-дорогу держат, удачны ли их дела. Не стали братья таиться, рассказали старцу все, как есть, что задумали они отыскать Живой Родник, Смерть-злодейку приструнить.

Задумался старик, погладил седую бороду и молвил так:

— Перед вами, храбрые мои молодцы, две дороги.

Та, что идет налево, — ведет в страну падишаха Самрау, царя птиц. И днем, и ночью в той стране веселье, не знают они, что такое печаль и уныние. Там волк и овцы пасутся на одном лугу, там лисы и куры гуляют вместе по темным лесам безо всякой опаски. Да, велика и обильна та страна, там крови не пьют, там мясо в пищу не употребляют, там платят добром за добро, и никогда не отыщет Смерть дороги в ту страну.

Но горе тому, кто пойдет направо. Приведет его дорога в страну падишаха Катила, страну горя, страну жестокосердия и зла. Там земля усыпана человеческими костями, там живые завидуют мертвым и проклинают час, когда появились на свет. Вся земля там залита кровью.

Услышали такие слова братья и поняли, что пришла им пора расстаться. Решили они бросить жребий, чтобы выбрать себе дорогу. Сделали они вот что — взяли посох и стали его друг за дружкой обхватывать руками.

И выпало так, что Шульген должен был отправиться направо, в страну падишаха Катила. Не согласился Шульген, гневно нахмурил брови, бросил отрывисто:

— Я старший, я выбираю дорогу.

И пошел налево, даже не попрощавшись.

Делать было нечего, и Урал, поблагодарив старца, пожелав ему здоровья и благополучия, пошел направо, в страну падишаха Катила, страну безмерного горя и страдания.

Как Урал-батыр пришел в страну падишаха Катила

Долго шел Урал в страну падишаха Катила. Переправлялся через широкие реки, переваливал высокие горы, и вот однажды попалась ему в пути, у подножия высокой горы старуха в нищенском рубище, что сидела возле дороги. Вся спина у нее была исполосована кнутовищем, плечи изодраны в кровь, словно терзали ее злые волки. Руки и ноги потрескались у нее, словно у курицы, которая день-деньской добывает себе пропитание, ковыряясь в земле. Все лицо у нее почернело, словно трава, что побита морозами, а кости выпирали, как сучья дерева.

К ней прижималась красивая девушка, было видно, что боится она незнакомца, восседающего на огромном льве, да и стыдно ей, что предстала она перед егетом в убогом рубище.

— Не бойтесь меня, — воскликнул Урал, подходя к ним. — Никому я не причиняю зла, ищу я Смерть-злодейку, хочу людей от нее избавить. Расскажите мне, в какую страну я попал.

Улыбнулись старуха и девушка, с места своего приподнялись, подошли к егету. Старуха пригладила свои растрепанные волосы, заложила их за уши и чуть-чуть распрямившись, стала рассказывать, широко раскрывая глаза.

— Ох, егет, видно, что горя ты не видел, не бывал ты в нашей стране. Правит у нас жестокий падишах Катил. Черны его дела — ежегодно хватает он юношей и девушек, мужчин и женщин, отбирает из них самых лучших, приводит к себе во дворец. Дочь его забирает себе всех егетов, а всех девушек он отправляет на свою половину. Кто понравится — тех разбирают его приближенные. А всех остальных приносят в жертву — девушек в озере топят, мужчин сжигают на огромном костре. Такую жертву приносят они ежегодно предкам, своим богам, так потакают они своему тщеславию.

Десятерых детей произвела я на свет, девятерых из них забрал жестокий падишах Катил. Муж мой не вынес такого горя, не помня себя, бросился он на воинов падишаха. Не простили его, живьем зарыли в землю. Осталась у меня дочь моя единственная,

младшенькая. И пришел ко мне приближенный падишаха и сказал: «Понравилась мне твоя дочь, я беру ее в жены». А ведь для меня нет ничего дороже дочери — и вот темной ночью бежали мы в лес. Таких, как мы, много скрывается по лесам да чащобам, жизнь наша проходит в страданиях.

Вижу я, что ты, егет, очень добр, прошу тебя, не ходи в страну падишаха Катила, пожалей себя, вернись туда, откуда пришел.

Но Урал только покачал головой:

— Когда я вышел в дорогу, я был еще совсем ребенком. Долгие годы я прожил, много дорог я прошел, чтобы с пустыми руками вернуться в отчий край. Должен я отыскать злодейку-Смерть, должен я посчитаться с нею.

Попрощался Урал с со старухой и ее дочерью, сел на верного льва и отправился в путь, в стан падишаха Катила.

Как Урал-батыр встретил дочь падишаха Катила

Прошло несколько дней, и вот Урал-батыр услышал далекий ропот, словно шумели тысячи и тысячи людей на каком-то большом празднике. Подъехал ближе егет и видит — и вправду собрались здесь толпы людей, все как один — в том самом обличье, в котором всякий появляется на свет. Видно, что собрали здесь людей насильно, потому что никто не бродил по округе, никто не переговаривался, как то бывает на шумных и веселых праздниках, а все стояли в великом страхе, выстроившись в затылок друг другу. Слева стройными рядами стояли женщины, справа — мужчины. Да только не все были голыми в той толпе. Там и сям мелькали люди в странной одежде, в руках у них были большие бичи, которыми они заталкивали обратно тех, кто нарушал строй, били ослушников, догоняли тех, кто хотел убежать, криками и ударами бича возвращали их на место. Но таких было очень и очень мало, большинство стояли в великом страхе и в великом молчании посреди огромной площади.

— Что же могло привести сюда столько людей? — Подумал Урал-батыр. Он уже увидел, что в той толпе все мужчины и женщины не моложе шестнадцати и не старше тридцати пяти лет. — Кто эти стражники? Чью злую волю они исполняют? Неужели это и есть страна падишаха Катила, о которой ему рассказывала старуха?

Он решил выяснить все и не мешкая подошел к людям, что стояли в сторонке. Там-то как раз были и старики, и дети. И были они одеты, как велит обычай и как полагается людям, что отличает их от зверей, не знающих иной одежды, кроме своей шкуры.

Увидев, что к толпе подъехал незнакомый исполин, люди сперва шарахнулись от него, но, видя, что он улыбается и вроде бы не собирается причинять им никакого вреда, они осмелели и придвинулись поближе. Отделился от толпы некий старец, обратился он к батыру с такими словами:

— Юноша мощный, твой вид, твои удивленные взгляды, которые ты бросаешь на толпу, наконец, по льву, на котором ты так горделиво

восседаешь, могу ли я предположить, что ты прибыл к нам из чужой страны?

Видя, что юноша обратил на него свой взор, старец продолжил:

— Позволь мне, ничтожному, объяснить тебе, что здесь происходит. В нашей стране есть падишах, как и во всех странах мира. Есть у нашего падишаха приближенные, все они из самых разных родов — есть род, что посильнее и познатнее, есть род, что слабее и беднее. И вот сегодня ты как раз попал на славный праздник, который устраивает наш падишах для своих приближенных в честь матери своей и своего отца, в честь колодца, из которого брали воду, чтобы омыть новорожденного царственного младенца. И сегодня в их честь будут принесены великие жертвы, как установлено в наших краях.

На знамени нашего падишаха ворон изображен, и ты, наверное, обратил внимание, как много вокруг летает этих славных птиц?

Урал батыр огляделся — и вправду вокруг летало так много ворон, что, казалось, здесь воронья свадьба. Еще больше их сидело невдалеке, на небольшом холме. Этот холм был черен от птиц, которые собрались здесь словно на свой вороний сабантуй.

— О да, юноша мощный, именно им будут принесены великие жертвы из нашего народа. Видишь ли ты колодец? Именно туда будут сброшены девушки наши без числа, чтобы потом, когда они умрут, их тела попали на съедение воронам.

А те егеты из разных родов, их ожидает другая участь — каждый год дочь падишаха выбирает себе жениха из их числа. Кто понравится падишаху — тот будет рабом его, будет прислуживать ему во дворце. Остальные будут принесены в жертву богам, которым поклоняется падишах.

Вдруг великий шум прервал речь старика, которой с великим изумлением внимал Урал-батыр. Зазвучали трубы, затрещали трещотки и вот вдалеке показалась царственная процессия. То была дочь падишаха. Она восседала на троне, который несли четыре огромных раба-исполина.

— Слушайте, слушайте! — кричали глашатаи. — Пусть посветлеют ваши лица, пусть радость наполнит ваши сердца! Приближается дочь падишаха! Приближается наша владычица!

И снова забегали стражники, и снова попало плетей тем, кто портил строй, кто не хотел подчиняться.

Медленно двигалась процессия мимо людей. За троном в некотором отдалении шел слуга дочери падишаха, а за ним, тоже в некотором отдалении, шли остальные ее прислужники.

Вдалеке качалась только высокий золотой убор царицы. Вот она подъехала поближе, и все увидели на троне невиданной красоты девушку с глазами, полными огня, в одеянии, равных которому не было на свете. Урал-батыр завороженно смотрел на эту красоту, пока царевна медленно объезжала ряды. Злая гримаса застыла на ее лице, гримаса отвращения — никто не нравился ей из этих посиневших от холода, съежившихся на ветру людей. Вдруг ее взор посветлел — она увидела высокого красивого юношу-исполина, который стоял в толпе, как все, и смотрел на нее восхищенными глазами. Ни слова не говоря, величественным жестом она остановила процессию. Взоры всей толпы обратились к тому, на кого она обратила свое внимание. Молча она ожгла взглядом Урал-батыра и протянула ему золотое яблоко. Ошеломленный ее красотой, потому что вблизи она казалась еще прекрасней, Урал-батыр взял это яблоко. Царевна жестом указала на него своим прислужникам, и процессия двинулась дальше. Теперь ее путь лежал обратно, во дворец.

— Зять! Явился зять падишаха! — возгласили глашатаи. Толпа шарахнулась в сторону от Урал-батыра, вокруг него забегали прислужники, стали хлопать его по плечу, тискать, кричать ему в лицо. Не понравилось такое дело Урал-батыру, отодвинул он слуг, нахмурил брови:

— Что все это значит? Что вам от меня нужно?

— Теперь ты наш зять, — стал говорить один из прислужников. — Идем с нами во дворец, ты стал мужем дочери падишаха. Теперь ты наш повелитель.

Не согласился с этими словами Урал-батыр, сказал спокойно:

— Я приехал к вам издалека. Порядков ваших я не знаю, потому и во дворец не пойду. Посмотрю, чем все это кончится, тогда и решу, как быть. Если захочу — сам могу отыщу эту девушку.

Изумились приближенные царицы, видно было, что такой отказ для них — дело небывалое. Стали они шушукаться, не зная, как поступить. Наконец один из них, тот, что следовал неотступной тенью за дочерью падишаха, побежал во дворец, доложить дочери падишаха.

Шум на площади не утихал. Вдруг еще сильнее загудели трубы, заскрежетали трещотки, и из главных ворот показалась могучая процессия. То выезжал к своему народу падишах Катил.

Шестнадцать рабов везли его трон, несметные ряды воинов окружали его со всех сторон, а сам падишах возвышался над головами, как свирепый медведь в лесу возвышается над зайцами. Медленно двигалась процессия, рабы, которые несли падишаха, уставали быстро — так был тяжел падишах Катил. Их на ходу сменяли другие.

Люди в толпе разом склонили головы и так стояли молча. Никто не мог встретиться взглядом с падишахом Катилом — гневный огонь, который вырывался из его глаз, валил с ног любого.

Урал-батыр с любопытством наблюдал за происходящим, ведь все ему было в новинку. Не мог он взять в толк, почему люди боятся падишаха. Правда, он выше ростом, чем обычные люди. Но зато какой у него смешной живот — он похож на саба — бурдюк, в котором хранят кумыс. С виду он как камень, а тронешь — во все стороны брызжет яркий искрометный кумыс. А ноги — можно подумать, что эти ноги он отнял у слона — такие они большие, и безобразные. А затылок его, жиром налившийся — ведь это мог быть хорошо упитанный кабан, а в кабанах Урал-батыр знал толк.

Падишах тем временем объезжал ряды своих рабов. Время от времени он делал знак рукой, и человека, на которого он указал, вырывали из толпы и уводили — кого направо, кого налево. Кого направо — тот должен был до конца своей жизни быть рабом во дворце, исполнять безумные прихоти падишаха, а кого уводили налево — того принесут в жертву Ворону.

Вдруг зашумели, закричали во дворце, и из ворот выскочила девушка верхом на коне. То была дочь падишаха. Пустив вскачь своего коня, она мчалась напрямик, не обращая внимания на крики тех несчастных, кто попадал под копыта. Все лицо ее было искажено гневом. Волосы развевались по ветру, платье было застегнуто не на все крючки и развевалось вслед за ней.

Резко осадив коня возле Урал-батыра, она стремительно наклонила к нему лицо, пылающее гневом:

— Кто ты такой, что посмел оскорбить Меня? Я выбрала тебя в мужья, подарила тебе священное яблоко, а ты отказался прийти во дворец! Ты покрыл тьмой мое лицо, ты опозорил меня перед рабами!

Наконец и падишах увидел, что вокруг творится что-то небывалое. Он подал знак и его поднесли поближе. Прислужники уже шептали на ухо, что случилось, почему его дочь в таком ужасном гневе. Узнав обо всем, падишах тоже пришел в ярость, так что даже спрыгнул со своего трона и встал во весь рост перед Урал-батыром.

— Какого ты рода, егет, что смеешь отказывать моей дочери? — прогремел-пронесся над площадью его вопрос. Люди в ужасе закрывали лица руками, так пугал их самый голос падишаха.

Видя, что незнакомый юноша выдержал взгляд его огненных глаз, не испугался его речи, не пал на землю, как его подданные, падишах продолжил:

— Знай, егет, что о роде моем, обо мне — падишахе Катиле слава идет по всей земле. Знают обо не только люди, не только птицы и звери, знают обо мне даже мертвецы в своих тесных могилах.

Дочь моя приказал тебе идти во дворец. Почему ты отказываешься сделать это? Почему раздумываешь? Никто в моей стране не имеет права нарушать мои законы.

Не поддался угрозам Урал-батыр, смело глянул в лицо падишаху:

— Я не знаю тебя и твоего обычая резать людей, как скот. Нигде на земле, а странствуя я уже давно, не приходилось мне видеть такого обычая. Я — тот, кто ищет Смерть, чтобы убить Ее. Я не страшусь Ее и никого, даже птенца, не отдам Ей на съедение. А что касается твоих обычаев, то, когда я узнаю их все, я скажу тебе, что я об этом думаю.

Понял тут падишах, что перед ним человек из чужой страны, человек, которого ему видеть еще не приходилось. Мало ли кем может оказаться этот безумец, подумал он и обратился к дочери:

— Дочь моя, видишь, этот человек не в своем уме. Мало ли шляется по свету безумцев? Иди во дворец, забудь про свои печали, мы найдем тебе развлечение по нраву.

Шепот пробежал по рядам приближенных, никто из них не хотел, чтобы кто-то безродный становился зятем падишаха.

— А вы что стоите? — излил свой гнев на прислужников Катил-падишах. — Быстрее бросайте в огонь тех, кто предназначен огню, топите тех, кто смерть свою должен найти в пучине. Пошевеливайтесь!

— И он воссел на трон, величественный в своем гневе.

Тогда Урал-батыр, разметав прислужников, смело вырвался вперед. Громом прогремели его слова, обращенные ко всем, кто собрался на площади:

— Родился я на свет для того, чтобы смерть победить, найти Живой родник, людей от смерти спасти и воскресить мертвых. Не дам я тебе, кровожадный падишах, вершить свои дела! Развяжите руки рабам, развяжите руки девушкам. Прислужники, прочь с моего пути!

Катил размышлял недолго, ярость захлестнула его, и он подал знак поросшей шерстью ручищей. Тогда из ворот дворца появились четыре исполина, огромных словно дивы, поросших шерстью, как звери. Земля дрожала под шагами их, свет затуманивался от их движения.

— Закуйте этого егета в кандалы и приведите ко мне, — закричал падишах вне себя от ярости. — Если Смерти ищет он, покажите ему смерть!

— Стойте, — воскликнул Урал-батыр, обращаясь к тем батырам. — Я не хочу убивать вас. Но я знаю, что вы ни за что не склонитесь предо мной, пока не испытаете мою силу. Так вот — есть ли у вас такой сильный зверь, которого вы не можете победить? Я сражусь с ним, тогда мы и посмотрим, кто здесь сильнее.

Батыры переглянулись и захохотали. Они решили, что Урал-батыр струсил. Захохотал и падишах. Он подумал, что так даже будет лучше — если непокорного победит животное, а не люди. Тогда скажут — сама природа отвергает этого безумца, восставшего против падишаха Катила!

— Приведите, приведите сюда быка, — взревел он голосом слоновьим, — моего быка, того быка, что поддерживает мой дворец.

Услышав об этом, люди перепугались, пожалели они Урал-батыра. «Пропадет, пропадет егет ни за что», — шелестело в толпе. Услышала об этом и непреклонная, гордая дочь падишаха. Тогда склонилась она перед отцом.

— Остановись, прошу тебя, — быстро-быстро заговорила она. — Ведь ты же сам разрешил мне выбрать жениха, ты сам дал мне это разрешение, на то было твое позволение. И вот я выбрала себе егета в женихи, а ты что делаешь? Ты отнимаешь его у меня. А ведь я даже не перемолвилась с ним одним словечком. Не губи его!

Мрачно, мрачно взглянул падишах Катил на свою дочь, но отвечать ей не стал. Он подал знак, и ее увели прочь.

Земля содрогнулась раз, и другой, и вот на площадь перед дворцом выскочил бык, огромный, словно гора, ужасный в своем гневе, словно тысяча змей. Слюна летела во все стороны от его морды, и там, куда она попадала, загоралась земля, куда ступала его копыто — оставалась яма, словно два землекопа усердно рыли весь день.

Остановился он по знаку своего повелителя падишаха Катила, голову перед ним склонил, стал водить ей из стороны в сторону, обнажив страшный клык во рту. На пустой площади стоял перед ним Урал-батыр, не склонил он головы перед чудищем.

— Так это ты, егет, потревожил мой сон, ты лишил меня радости от общения с моими прекрасными коровами? Нет, я тебя не брошу на земле, нет. Ты сгниешь на моих рогах, ты будешь висеть на них, пока ветер не развеет твой прах, — бешено загудел бык, и огромные его рога, прямые, словно копья, огромные, словно бревна, двигались из стороны в сторону.

И тогда ответил Урал-батыр тому быку, сказал так:

— И я обещаю тебе, великий бык, что я не стану тебя губить. Я докажу тебе, что человек сильнее всех на свете, и тогда не только ты, но и все племя твое на веки вечные станет рабом человека.

Рассвирепел от этих слов бык, бросился он на Урал-батыра, взрывая землю копытами. Хотел он поднять егета на рога, подбросить вверх, чтобы потом поймать его тело, нанизать на рога словно на вертел. Но не тут-то было, изловчился Урал-батыр, ухватился он быка за рога и пригнул его голову к земле.

Стал бык вырваться из рук батыра, в землю по колено ушел от натуги, черная кровь потекла из его пасти, и выпал из нее огромный клык. Обессилел бык и рухнул на землю.

Увидев это, все растерялись. Никогда такого не было, чтобы кто-то мог победить огромного черного быка. А Урал-батыр сдержал свое слово. Ухватив за рога, вытащил он быка и с грохотом поставил на землю. От этого удара раскололись копыта быка, треснули пополам, в трещины те забился песок, смешавшийся с кровью.

Сказал тогда Урал вещие слова:

— Рога твои, что согнул я в честном бою — останутся согнутыми навсегда, в пасти твоей щербатой никогда больше не будет расти

острый клык, копыта твои раздвоенные останутся таковыми навсегда, пока существует на земле твой род. Испытал ты силу человека, понял, что слаб перед человеком. Теперь будешь служить ему до скончания веков. Не смей больше грозить человеку!

Падишах, увидев, как дело обернулось, кивнул своим батырам. И так велик был страх перед ним, что батыры вышли к Уралу. Надеялись они еще и на то, что теперь, после битвы с быком, ослабел Урал, и сил у него поубавилось.

— Когда умрешь ты в наших руках, в какую сторону бросить твое тело? — спросил тогда один из батыров, самый главный над ними.

Не устрашился их силы Урал-батыр, смело вышел вперед.

— Я — тот, кто ищет Смерть, чтобы победить ее! — воскликнул он. — Испытайте мою силу, и, если я умру на ваших руках, тело мое отдайте льву. А если у вас хватит сил, тогда забросьте меня в Живой Родник.

Но ответьте и мне — если вы попадете в мои руки, и ваши тела затрепещут, словно мотыльки ночною порой возле огня, в какую сторону забросить ваши тела? Где искать мне ваши тела, растертые в муку, когда вернусь я с Живой водой оживлять мертвецов?

Расхохотались батыры, нелепой показалась им мысль, что Урал батыр победит их всех.

— Ну что же, — протянул самый главный сквозь смех. — Если уж действительно ты нас победишь, тогда брось наши тела в ноги падишаху и его приближенным.

Пока один из них говорил, остальные окружили Урал-батыра со всех сторон и по знаку предводителя бросились на него. Вчетвером пытались они его повалить, но егет отбросил одного, потом другого, а затем уже и двух оставшихся. Высоко взлетели в небо батыры падишаха, и вот упали они на землю, так что задрожала она от могучего удара. Предводитель батыров упал возле падишаха, а остальные — возле приближенных его. Так нашли свою смерть батыры, что служили темной силе, и тела их превратились в грязную жижу.

Тогда все рабы, что стояли связанными и ждали своей смерти, поняли, что жизнь их оборвется не сегодня. Бросились они к Урал-батыру, окружили его со всех сторон, стали возглашать ему здравицу. Прислужники и сам падишах бросились врассыпную, пытаясь убежать

от народного гнева, и многим из них удалось это сделать. Скрылись они, словно крысы во тьме ночной, чтобы найти себе приют более надежный, чем страна падишаха Катила, которого победил Урал-батыр. А куда пропал сам падишах — так и осталось неизвестным.

С толпой людей вошел Урал-батыр во дворец, объявил он, что теперь никто не сможет притеснять людей, приносить их в жертву. Объявил он и о том, что все теперь стали свободны.

— А теперь прощайте, люди, — сказал он. — Я — батыр, который ищет Смерть, чтобы победить ее. Мне надо идти.

Растерялся тогда народ, не зная, что ответить батыру. Никто не хотел, чтобы он уходил. Тогда из толпы вынесли на руках самого старого среди людей человека, который еще помнил вольные дни перед приходом падишаха Катила.

Приблизился он к Урал-батыру, поднял слабую руку, и, когда шум стих, он тихо сказал, обращаясь к Уралу и ко всем людям:

— Приветствую тебя, достойный юноша! Ты, оказывается из егетов егет, их храбрецов храбрец! Твоя опора — в сердце твоем, но есть, оказывается, и жалость в сердце твоем. Ты нас пожалел, ты освободил нас от страшного гнета, ты победитель. Но есть еще человек, который помог тебе в этой битве. Это она вызвала гнев падишаха, она столкнула тебя с ним и тем принесла нам свободу и счастье. Это дочь падишаха. Она полюбила тебя и потому взбунтовалась против своего отца. Женись на ней, егет, останься с нами, егет. Будь нашим повелителем!

И по знаку его весь народ стал славить Урал-батыра и дочь падишаха, желая им здоровья и счастливой жизни.

Видя всеобщее ликование, увидев вблизи ту девушку, которая что красоты была неописуемой, решил Урал-батыр жениться на ней и остаться в этой стране хотя бы ненадолго. И начался тогда пир на весь мир, и семь дней и семь ночей праздновал народ эту свадьбу, которая стала символом их освобождения от падишаха Катила.

Как Урал-батыр встретил Заркума

Только на восьмой день угомонились гости, только на восьмой день все царство падишаха Катила погрузилось в сон. Уснула и дочь падишаха.

А Урал-батыр решил размяться после душных залов дворца. Сел он на верного льва, приторочил сумку с припасами к седлу, вооружился и отправился побродить по окрестностям города. Час ехал Урал-батыр, два ехал, наконец сон сморил его, и он прилег под высокой скалой передохнуть.

Вдруг сквозь сон послышался ему змеиный шип. Чутко спал батыр, вскочил он на ноги, огляделся — в двух сотнях шагов от него огромный змей напал на оленя. Не простой это змей, не гадюка, что под ногами ползает, не уж, который в воде плавает, то большой змей — длиной он в сотню шагов будет, не менее, льва за ним не увидишь, такой он толщины.

Пока Урал-батыр разглядывал змея, тот успел повалить оленя. Бросился Урал на помощь оленю, схватил змея за длинный хвост, прижал к земле. Взмахнул змей хвостом и образовалась в лесу поляна, десятка два деревьев упало на землю. Взмахнул змей в другую сторону и образовалась в лесу широкая просека. Но Урал-батыр крепко держит змея за хвост, не отпускает его, давит руками, твердыми как скала.

А змей все машет и машет хвостом, да к тому же есть у него еще забота — пытается он проглотить оленя. И так старается и этак, но не получается — застряли огромные, ветвистые рога в пасти змея. А сломать их сил не хватает.

Выбился змей из сил, изнемог — теперь он бы и выплюнул того оленя, а не может — застряли рога. Проглотить тоже не получается. А сзади Урал-батыр напирает, хвост прижал к земле, сейчас перевернет змея кверху брюхом. Видит змей, дело худо, приподнял он голову и сказал с мольбой:

— О егет, помоги мне! Отодвинь мой смертный час! Я — сын падишаха Кахкахи, имя мое Заркум. За помощь твою отплачу, буду спутником твоим — коли нужен спутник тебе, если золота желаешь, кораллов и жемчугов — в моем дворце найдешь сколько душе угодно.

Ответил ему Урал:

— Я отправился в дальний путь, чтобы избавить все невинные существа на земле от Смерти, а ты предал моему врагу оленя, который в жизни никому не причинил зла. Почему ты сделал это — открой мне тайну свою.

— О егет, — отвечал ему змей. — Расскажу я тебе всю правду, ничего не утаю. Недалеко от этих мест — страна падишаха птиц Самрау. Есть у него дочь красоты необыкновенной, Солнцем она рождена. Я просил ее руки — отказали мне и он, и она. «Ты змей», — сказали они. И вот тогда попросил я своего отца — сделай так, чтобы отдали мне в жены дочь падишаха Самрау. Если же нет — пойди на них войной, залей их страну огненным дождем.

Тогда мой отец посоветовал мне пойти на охоту, найти оленя с рогами в двенадцать ветвей и проглотить его. Тогда, сказал он, я смогу превращаться в кого угодно, стану самым красивым из всех людей. Тогда дочь Самрау станет моей.

И вот пошел я на охоту и видишь — не могу я проглотить оленя, застряли в горле рога, не сбылось мое желание. Не губи меня, егет, пользы тебе от этого не будет, помоги мне, и тогда мы отправимся к моему отцу, и он отдаст тебе все, что ты попросишь.

А ты попроси у него вот что — не красивую девушку, нет, и не сокровища. Рассыплет он перед тобой море жемчугов и кораллов — отвернись от них. И вот тогда он скажет: «Смотри-ка, человек отказался от сокровищ, сколько ни бродил я по свету, такого не видел». И скажет он тогда: «Назови свое желание, отплачу тебе добром за услугу». И вот тогда ты скажи ему — пусть снимет свою шкуру, станет не аждахой, а змеем, высунет свой птичий язык и вложит его тебе в рот. Отец начет пугать тебя, плюнет на камень и камень потечет, словно вода. Плюнет он на гору и гора потечет, словно родник, в один миг соберется в низине сверкающее озеро — ни конца у него не будет, ни края. Только ты не пугайся этого, проси его снова и снова. Не устоит он, и ты поцелуешь его язык. Сердце его тогда оттает, и ты сможешь ему сказать такие слова: «В моей стране платят добром за добро. То, что ты любишь, то и отдай. Тогда даст он тебе посох свой с набалдашником из жемчугов, его и возьми. С посохом этим волшебным в воде не утонешь, в огне не сгоришь. Захочешь невидимым стать — ни одна душа тебя не отыщет».

Услышав эти слова, Урал обломал оленьи рога, и змей, проглотив оленя, в миг обернулся прекрасным юношей, красивей которого не было на всем свете.

И в тот же миг раздался какой-то свист в округе. Побледнел Заркум, страх отразился в его глазах.

— Что это? — спросил его Урал-батыр.

Но Заркум не стал говорить Уралу правду. Он подумал так:

— Это шпионы моего отца, они сейчас же донесут ему, что я проболтался, открыл чужаку великую тайну змеиного царства. Что же мне делать теперь? Проглотить этого егета не хватит сил — уж очень я ослаб от схватки с оленем, а вот если выдам его отцу, покаюсь, тогда отец меня простит.

А вслух он сказал так:

— Это меня ищут слуги моего отца. Ну что, ты идешь со мной во дворец змеиного падишаха?

— Иду, — смело сказал Урал-батыр. — Хочу я повидать твою страну, хочу испытать мощь сердца своего, врагом себе избравшего саму Смерть.

А про себя он так подумал: «Ну что ж, если и такое бывает на свете, что отвечают злом на добро — и это я хочу увидеть своими глазами».

— Прощай, мой верный друг! — обратился Урал-батыр к своему льву. — Дальше тебе хода нет. Долго меня не жди, возвращайся в родные края, домой, привет от меня передай.

Поцеловал льва, и с тем простился.

Как Урал-батыр и Заркум прибыли в змеиное царство

Спустились Урал-батыр и Заркум в глубокую расщелину. День шли, ночь, и вот увидели они, что впереди чернеет огромная гора высотой до неба. Охвачена эта гора огнем, который полыхает без устали, словно зарницы без грома и дождя, словно молнии при ясном небе.

— Что это? — удивился Урал-батыр. — Неужели такая большая гора бывает на свете? Не приходилось мне встречать таких гор.

Ответил ему Заркум:

— То не гора, то змей, охраняющий дворец.

Подошли они поближе, и увидел Урал-батыр — возле железной ограды дворца лежит, беззаботно свернувшись клубком, девятиголовый змей, сторожит дворец.

Смело подошел к нему Заркум, пнул ногой, закричал громким голосом:

— Принеси ключ от дворца!

Зашипел змей, засвистел громким свистом, шум поднялся такой, словно рухнули все горы земли. Только утих гром, как загремело, забренчало снова — это четыре змея о шести головах волокли по земле ключ — и не было у них сил поднять его, так он был тяжел.

Легко принял это ключ Заркум, вставил его в железную дверь, повернул — отворилась тяжелая дверь, открылся вход во дворец.

— Проходи, гостем будешь, — сказал Заркум и широким жестом указал Урал-батыру путь во дворец. Только вошел Урал-батыр, как дверь сама собой захлопнулась.

— Побудь здесь, — сказал Заркум из-за железной двери. — Я схожу за отцом. А запер я тебя, чтобы змеи не причинили тебе вреда.

Ничего не сказал Урал-батыр, стал осматриваться во дворце. Не успел он присесть с дороги, как послышалось громкое шипение, и со всех сторон дворец оказался в кольце-то собрались вокруг него змеи со всей округи. Выглянул Урал-батыр в окно, стал прислушиваться к их шипению.

Первым заговорил огромный одиннадцатиголовый змей.

— Мой, мой черед его съесть, мой черед отрастить двенадцатую голову. Стану я тогда везиром у падишаха, приблизит он меня к своему трону.

— Ну, не-е — е-ет, — зашипел девятиголовый змей. — Только я могу съесть человека, который узнал тайну падишаха от его сына. Сам падишах его не съест — не может он погубить человека, того, что кто спас жизнь его сыну, а вот я его съесть могу — только я знаю все его тайны, только я. А вы, мелюзга, — зашипел он на мелких змеев, что тысячами кружились вокруг дворца в ожидании поживы, — идите прочь, нечего здесь вертеться. Не будет вам сегодня удачи!

Сказал так и завертелся, словно вихрь, только искры брызнули во все стороны. Испугались мелкие змеи, заметались из стороны в сторону, да и разбежались, попрятались кто куда может. Видя такое дело, уполз и одиннадцатиголовый змей, не стал ссориться с любимчиком падишаха. Остался один только девятиголовый змей. Он все метался вокруг дворца, кружился, выбивая миллионы искр из скал вокруг дворца, вертелся, кружился и вот превратился в прекрасную девушку. Подошла та девушка к закрытым воротам и прошла сквозь них, словно ворот и не было. Видя такое дело, Урал-батыр не стал дожидаться, когда заворожит она его своей красотой, схватил за руки и сжал так, что кровь выступила из-под ногтей. Не выдержал такого пожатия змей, вернул себе огненный облик, стал метать молнии, хотел огнем спалить Урал-батыра. В ярости схватил тогда Урал-батыр змея за горло, скрутил его узлом. Но убивать не стал, отбросил в сторону:

— Все я знаю о тебе — стережешь ты падишаха змей Кахкаху, верный его раб и хранитель тайн. Что с того, что у тебя девять голов, которые ты отрастил, пожирая людей — ты мне не страшен.

Удивился змей, призадумался.

— Неужели ты змеиный бог? — спросил он Урал-батыра. — Откуда ты все — все знаешь обо мне? Я ведь думал, что ты человек, потому и рассказал падишаху, что сын его выдал тайну существу, с которым мы смертельные враги.

С этими словами он подполз к Урал-батыру, стал к нему ласкаться. Но запах человеческого существа так густо ударил ему в ноздри, что не стерпел змей, и страшная догадка пронзила его. Поднялся он на дыбы, огнем полыхнул из широкой пасти.

— Нет. Ты и вправду человек, коварством проникший в наши тайны. Нет тебе жизни после этого, должен я предать тебя смерти.

Ударил он Урал-батыра молнией, опалил огнем, хвостом ударил так, как если бы дерево в лесу упало на человека. Но не подался Урал-батыр, выстоял перед натиском змея. Изловчившись, он ударил мечом по главной голове змея. Со звоном рассыпалась голова на мелкие кусочки, и выпали из нее ключи странного вида. Ударил Урал-батыр по другим головам — и выпали из них тела восьми богатырей.

Побрызгал на них Урал-батыр водой ключевой, которую принес он с собой. Очнулись батыры от волшебного, колдовского сна, заговорили:

— Все мы были когда-о, в незапамятные времена, людьми. Проклятый змей выследил нас, проглотил — стали мы его сутью, его головами. Рассеки сердце змея — в нем найдешь ты ключ золотой, что открывает дворец, полный тайн. В том дворце хранятся все сокровища земли, о которых можно только мечтать.

Прислушался Урал-батыр к их словам, рассек сердце змея и выпал из него ключ красоты невиданной.

Как Урал-батыр вошел во дворец тайн

Взял в руки золотой ключ Урал-батыр, и тогда предстал перед ним дворец тайн. Оказался тот дворец выше неба, ниже земли, и был он невидим простому глазу. То, что принимал он за дворец, была только малая его часть. Но если уж один конец веревки в руки попал, как не полюбопытствовать, что на том конце? Вот и Урал-батыр отпер дворец и вошел в него. Открылся ему зал богато изукрашенный, красоты неописуемой. В середине зала оказался трон, возле которого сидела прекрасная девушка, в платье богато изукрашенном жемчугами, вся окутанная шелками. Молчала девушка, даже не шевелилась, так что решил Урал-батыр, что она заколдована.

За троном обнаружилась потайная дверь наглухо закрытая — запертая на множество замков. Распахнул ее одним могучим ударом Урал-батыр и увидел, что в кладовой, а это была кладовая, лежит посох с набалдашником из жемчугов. Не успел он к нему притронуться, взять в руки, как поднялся в зале сильный ветер и, откуда ни возьмись, появился белый змей. То был падишах змей Кахкаха. Увидел он, что посох его в чужих руках и кинулся на Урал-батыра, хотел его проглотить — уничтожить на месте.

Но не тут-то было — скрутил змея Урал-батыр, бросил на пол. Видит змей — дело худо, надо из беды выбираться. И сказал он тогда такие лукавые слова:

— Ушел, ушел из моих рук волшебный посох, и сила моя ушла вместе с ним. Теперь сила в твоих руках, батыр. Приказывай.

Думал он, что это явился какой-то неведомый змей и одолел его.

— Я тот, кто ищет Смерть, чтобы погубить ее, — сказал Урал-батыр. — Уничтожу я всех, кто враг людям. Созывай своих змеев — кто отрастил себе голову, кто погубил человека, кто служит смерти — всех погублю, не помилую.

Отдал тогда змеиный падишах приказ своим змеям, зашипел на змеином своем языке, завертелся волчком и пропал с глаз долой. Тут со всех сторон набежали змеи, которых призвал падишах на помощь. И началась у них битва не на жизнь, а на смерть.

День сражался Урал-батыр, два сражался, какому змею голову отрубит — оттуда человек появляется, вступает в битву на стороне Урал-батыра. Так одолели они змеиное войско, положили конец змеиному царству. Открыл Урал-батыр все подвалы, выпустил оттуда людей, что томились в ожидании своей участи.

Не верили они, что спасение к ним явилось, говорили между собой:

— Помощь, которую мы ждали от бога, пришла к нам от неизвестного батыра. Как же мы сможем его отблагодарить? Чего он попросит у нас?

Услышал эти разговоры Урал-батыр и воскликнул, возвысив голос:

— Люди, не бойтесь меня. Я пришел вас спасти и положить конец змеиному царству. Ваша радость — это и моя радость. Ваше счастье — счастье и для меня. Соберитесь все, устроим большой праздник и тогда вы сами изберете себе батыра, того, кто будет вас беречь в дни бед и горестей и предстоять перед вами в дни радости.

Обрадовались люди, что к ним прислушиваются. Стали кричать:

— Алгура! Алгура хотим в предводители!

Обнаружился среди них седой старец, это и был Алгур. Много лет назад поднялся он на борьбу со змеиным царством, много лет наносил ему удар за ударом, да вот состарился и попал в плен к своим врагам. Теперь стал он предводителем нового царства людей. Вышел он из толпы, да не один — вел он под руку ту самую девушку, которую нашел Урал-батыр в тронном зале.

— Герой, что победил Азраку, не может уйти от нас с пустыми руками. От всего народа просим тебя — женись на этой девушке, и тогда ты навсегда останешься с нами.

Пусть уходит батыр — не исчезнет батыр. Пусть от тебя родится новый батыр. Среди нас он будет расти, нам он защитником будет. Эта девушка тебе под стать, сыну твоему она будет достойной матерью.

Не зря говорят — каждое поколение рождает своего батыра. Придет время, и ты уйдешь от нас, но останутся твои дети — они станут батырами.

Не мог отказать людям Урал-батыр, да и девушка ему полюбилась, остался он с ними. Устроили тогда люди Урал-батыру веселую свадьбу.

Шульген встречает прекрасного юношу

С тех пор, как расстались два брата, мы совсем забыли о Шульгене. А между тем он шел и шел по той дороге, что вела направо. Тишина и покой окружали его, и не встретился ему в пути ни зверь хищный, ни гад ядовитый. Все дышало миром и спокойствием — олени сами подходили к нему, когда он спал у дороги, птицы, не таясь, щебетали над его головой, и даже когда Шульген протягивал к ним руку, они отлетали не сразу. Так текли дни среди зноя и лени дороги.

Только странное дело — пустынно было на той дороге, кроме зверей лесных и птиц поднебесных, ни одного человека не встретил Шульген. И вот однажды услышал он за поворотом странный шум, словно кто-то плескался в воде, громко радуясь жизни. Поспешил тогда Шульген, прибавил шагу и вот перед ним открылась такая картина — в небольшом ручье шумно плескался красивый юноша со странно знакомым лицом. Он нисколько не испугался Шульгена, когда заметил его, а только вышел из воды, накинул на себя широкое одеяние и приветствовал Шульгена, словно родного брата.

— Кто ты? — спросил его пораженный Шульген. — Почему мне так знакомо твое лицо, ведь я впервые в ваших краях?

— Я — из счастливой страны, — отвечал ему юноша. — И лицо мое кажется тебе знакомым потому, что, наверное, ты видел кого-нибудь из нашей страны. У нас все люди на одно лицо, словно все мы рождены одной матерью.

— Постой, постой, — вскричал тогда изумленный Шульген. — Совсем недавно, я припоминаю, со мной говорил один старик… Не дед ли твой сидит в месяце пути отсюда, на развилке дорог? Вы с ним так похожи, и голос у вас одинаковый.

— Знай, юноша, — отвечал незнакомец Шульгену. — Тот старик — мой брат. Мы выросли вместе с ним.

— Но как тогда понять, — вскричал пораженный Шульген. — Ведь ты такой юный, на твоем лице ни морщинки, и волосы твои черны, как уголь, а он старый, как сама смерть, и сгорбленный, словно ветла у реки.

— В нашей стране, — отвечал юноша. — Никто не старится, мы всегда молоды до самой смерти. Есть у нас обычай такой — мы никому не причиняем зла, не проливаем ничьей крови. Все у нас общее — все, что у нас есть, мы делим поровну между людьми. У нас не обижают сирот, сильный не причиняет обид слабому. Потому и живем мы долго и счастливо.

А мой брат оступился от наших обычаев. Любого, кого он осилить мог, убивал и съедал. Потому и прогнали его люди из нашей благословенной страны, потому он стал старым и дряхлым, и теперь в одиночестве льет слезы по своей загубленной молодости. Век нести ему на лике своем печать Смерти.

Обрадовался Шульген, понял он, что на правильном пути и стал расспрашивать юношу о его стране. Спросил и том, как его зовут.

— У нас нет имен, — отвечал ему юноша, — а дорогу в наше царство я тебе покажу. Жаль, что не могу проводить тебя — я собираю цветы, каких не водится в наших краях, дела мои пока еще не завершены. Но в скором времени и я отправлюсь в свою страну, потому что воздух ваших мест губителен для нас.

С сожалением расстался Шульген с тем юношей, и все же было радостно ему от того, что очень скоро увидит он страну, в которой нет смерти, страну, в которой все счастливы и вечно молоды.

Как Шульген добрался до счастливой страны

Месяц и год ехал на своем верном льве Шульген, повидал много красивых мест, реки вброд переходил, горы одолевал. Где ночь настигала — там спать ложился, где рассвет заставал — с того места отправлялся в путь.

И вот однажды сам не заметил, как очутился возле прекраснейшего озера, окруженного могучими деревьями. Подошел поближе Шульген — что за диво, самые обычные деревья так удались в вышину, что их трудно даже признать. Ива стала как дуб, а дуб возвышался, словно гора над тем озером. На воде росли прекраснейшие цветы шириной с плот. То были просто кувшинки. Но как они были прекрасны! Загляделся Шульген, залюбовался на их красоту, и вдруг что-то плеснуло в глубине — это вольно резвились рыбы. Смотри-ка — щуки не нападают на пескарей, окуни мирно проплывают мимо сорожек, резвятся, играют — что за чудеса.

— Ну, — решился тогда Шульген. — Наловлю-ка я рыбы.

Вырвал длинный волос из хвоста своего верного льва, и пошел в густой ивняк в поисках длинной палки для удилища. Раздвинул кусты, и что же — рядом сидят на ветках мелкие пичужки — соловьи да жаворонки, а рядом с ними гордо восседают и сокол, и кречет, и ястреб. И никто не нападает друг на друга. Глянул Шульген на склоны гор — а там мирно пасутся друг возле друга овцы и волки, а у самой воды лиса играет с курами. И что-то не похоже, чтобы она собиралась их съесть. И понял тогда Шульген, что достиг он страны вечной молодости. А когда понял это, устрашился. «Что, если я поймаю кого-нибудь и съем, и тогда сразу же лишусь молодости? Ведь старик меня предупреждал, что здесь никто никого не убивает. Нет, — решил Шульген. — Должен я отправиться дальше, найти Живой Родник. Когда я буду бессмертен, тогда и вернусь к этому озеру, попирую на славу».

И Шульген отправился дальше дорогой, имя которой неизвестность.

Как Шульген встретил Заркума

И вновь оказался Шульген на перепутье, потому что не знал он, в какой стороне искать ему Живой Родник, источник вечной молодости. День и ночь ехал он по пустынной дороге, оседлав своего верного льва, не зная, с кем перемолвиться словом, у кого выспросить дорогу.

И вот однажды на перекрестке повстречался ему тот самый юноша с прекрасным лицом. Радостно встретил его Шульген, думал он, что юноша возвращается в свою страну.

Но это был Заркум, который бежал от Урала. Чтобы его не узнали, обернулся он обитателем счастливой страны, которые все были на одно лицо. Стал он расспрашивать Шульгена, притворяясь, что знает его хорошо. Ничего не таил Шульген, рассказал о том, что достиг волшебной страны, что решил в начале отыскать Живой Родник.

Тогда, словно решившись до конца довериться Шульгену, назвался Заркум сыном падишаха дивов Азраки. Пригласил его в гости, объяснил, что таился потому что угрожает ему опасность, но теперь, тронутый искренностью Шульгена, доверяет ему во всем. Как великую тайну сообщил он изумленному Шульгену, что именно во владениях его отца и находится тот самый Живой Родник. Не понял хитрости Шульген, радостно согласился отправиться вместе с Заркумом в страну падишаха Азраки.

А Заркум решил использовать Шульгена в борьбе с его братом, Урал-батыром. И об этом выболтал легковерный Шульген. «Уж он-то расскажет, в чем слаб Урал-батыр, — думал Заркум. Когда надо будет — мы его натравим на родного брата».

И они отправились в далекий путь — в страну падишаха дивов Азраки.

Как Шульген и Заркум прибыли в царство падишаха Азраки

Неблизок оказался путь в страну падишаха дивов Азраки. Пересекли они леса и горы, реки вброд преодолевали, спускались в глубокие ущелья и вновь поднимались на свет.

Но всему бывает конец, наступил он и для этого путешествия. В один из дней вдалеке показалась туча, вершиной своей уходящая в поднебесье. Если это туча, то почему она гремит, словно работают в ней тысячи кузнецов? Может быть, это гора? Но если это гора, почему она все время движется и кипит, как вода в котле, и цвет ее меняется, принимая все оттенки черного.

Подивился Шульген, стал расспрашивать своего спутника, к которому очень привязался за время их путешествия и который успел много яда влить в Шульгена за это время. Отвечал ему Заркум:

— Это не туча, что движется в небе, и не гора, которая растет из самой глубины земли. То див, охраняющий дворец падишаха. Кажется. Он нас заметил, и сейчас он приблизится к нам, и я отвечу ему. Если я исчезну — жди меня, и молчи, если хочешь остаться в живых.

И в тоже мгновение див настиг их, окутал собой, словно туманом, и спросил у них, кто они, и что им нужно, хотя невозможно было понять, кто спрашивает и спрашивает ли вообще.

Длилось это одно мгновение, и когда наваждение рассеялось, Заркума рядом уже не было. Подивившись на такие чудеса, Шульген остался ждать его, как они и договаривались.

А Заркум в это время уже был во дворце — див узнал его, понял без слов и отнес к падишаху, словно дорогого гостя.

— Радостные новости принес я тебе, государь, и тебе, отец, — сказал Заркум, вступив во дворец. — Со мною брат Урал-батыра, он расскажет нам, как бороться с ним и как его победить.

Азрака и Кахкаха, отец Заркума, который укрылся от гнева Урал-батыра у своего старинного друга, как раз ломали голову над тем, как им победить нежданного противника.

— Не много нам пользы от человека, — промолвил грозный владыка Азрака. — Что с того, что он брат Урал-батыра? Вряд ли в нем

есть его сила.

Тут выступил вперед старый, седой див-сынчи, придворный советник падишаха. Был он настолько стар, что стал уже полупрозрачным от старости и, чтобы могли его увидеть, появлялся так, чтобы на него падал яркий свет, которого дивы вообще-то не любят.

— Помнишь ли ты, о повелитель всех дивов, тот день, когда Живой Родник неожиданно взбурлил и его струя наполовину ослабла? Помнишь ли ты крик, который раздался в тот день? Крик, от которого дивы, летавшие в небе, упали на землю, словно сила, которая держит их в воздухе, отказалась им более служить?

Узнали мы тогда, что родилось на свет могучее дитя, опасное для нас. Посылали мы дивов и джиннов выкрасть его — от одного только взгляда этого ребенка их сердца разорвались от страха.

Так вот это ребенок и есть Урал. Теперь он приближается к нашей стране, и нам нельзя сидеть сложа руки. Единственный выход для нас — это овладеть Акбузатом.

— Верно, верно говоришь, сынчи. Да разве я о том не знаю? — отвечал падишах угрюмо. — Разве не посылал я семь своих самых могучих, самых ловких, самых свирепых дивов, чтобы овладели они Акбузатом, чтобы покорили его, привели ко мне оседланным или без седла? Одним ударом зашвырнул их Акбузат на небо, стали они ночными звездами, и теперь, когда я гляжу на небо, я оплакиваю судьбу созвездия Етеган — моих верных слуг.

Но ведь есть у Самрау-падишаха и рыжий конь, хотели мы овладеть им, похитили дочь его — хозяйку коня. И все напрасно — не дался конь в руки. Умчался прочь, словно стрела, выпущенная меткой рукой.

Сказал тогда сынчи:

— А ты, повелитель, приласкай брата своего врага. Вот он стоит возле ворот твоего дворца и ждет твоего слова. Захочет он стать падишахом любой страны — пусть станет падишахом. Захочет богатства — дай ему богатства. Пусть дочь падишаха Самрау полюбит его, тогда она отдаст ему и Акбузата, и волшебный меч. А с ними одолеем мы Урала, станем владыками всей земли.

Принял этот совет Азрака и решил ему последовать. Приласкал он Заркума за то, что привел Шульгена, приказал отворить ворота и

приветствовать Шульгена как самого дорогого гостя.

Как Шульген вошел во дворец падишаха дивов Азраки

Долго ждал Шульген возвращения своего спутника, разные мысли приходили ему в голову. Все же не мог он поверить в то, что бросил его друг, поэтому сошел со льва и прилег отдохнуть.

Вдруг засверкали молнии, раздался удар грома, словно небо раскололось над головой, и дворец падишаха дивов окрасился всеми оттенками черного цвета. Вскочил Шульген на ноги, не знает, что делать, и в тот же момент окутало его темное облако-то приблизился див-сторож. Не успел Шульген ни о чем подумать, как облако рассеялось, и оказался он перед распахнутыми настежь воротами дворца.

Зазвучали трубы, и из ворот показалась процессия, во главе которой шел высокий див в богатых одеждах, то был падишах дивов Азрака. Рядом с ним Шульген увидел своего спутника. Его лицо светилось приветливой улыбкой, за ними шли придворные дивы самых разных мастей и тоже приветливой улыбались. А лица их были такие, что увидеть любое во сне — можно было и не проснуться больше.

Падишах дивов приветствовал Шульгена, пригласил его во дворец, Усадил на самое почетное место, стал знакомить со своими приближенными. Назвал Заркума сыном своим, назвал Кахкаху другом своим. И начался у них пир, каких не бывает на свете.

Сами собой двигались столы, сдвигаясь в один большой, сами собой накрывались, само собой появлялись блюда с самыми изысканными яствами.

Когда гость утолил первый голод, падишах хлопнул в ладоши, и рабы растворили сокровищницу падишаха. Каких только богатств в ней не было, золото и серебро, алмазы и жемчуга слепили глаза, так что приходилось щуриться, чтобы что-то рассмотреть.

Вновь хлопнул в ладоши падишах и затворились двери сокровищницы. Зазвучала неземная музыка, и со всех сторон показались красивейшие девушки. Они танцевали для гостя.

Шульген тер глаза. Ему казалось, что он в прекрасном сне, который может внезапно кончиться.

Сон и вправду оборвался, потому что вдруг среди девушек появилась одна, увидев которую Шульген схватился за сердце. Выделялась она, как выделяется жемчужина среди белых камней на дней моря, сияла она, словно луна в окружении рассыпчатых звезд, словно единственный цветок посреди зеленого луга, словно родинка на нежнейшем лице красавицы.

Не выдержал Шульген, наклонился к уху Заркума, стал спрашивать, кто эта красавица.

— Это моя сестра, — не моргнув глазом, ответил ему Заркум. — Хочешь, я поговорю с отцом, — добавил он, чувствуя, как загорелся Шульген. — Ты ему понравился, и он тебе не откажет. Будешь нашим зятем.

Возликовал Шульген, не смог сдержать своего ликования, вскочил он с места и стал громко восхищаться красотой девушки. А Заркум быстро отошел к падишаху и взглядом дал понять, что их затея удалась.

Вновь ударил падишах в ладоши, и все исчезло, и остались в тронном зале Заркум и Шульген, который ни о чем не догадывался.

— Что случилось, — стал он спрашивать Заркума. — Может быть, я что-то сделал не так?

— О, нет, успокоил его Заркум. — Просто отец думает, отдать тебе сестру или нет.

В страхе сжалось сердце Шульгена, не знал он, что будет дальше.

А падишах дивов в это время говорил с Айхылу — той самой девушкой, что так понравилась Шульгену. Под страхом самой мучительной смерти запретил Азрака говорить, что она пленница. Испугалась девушка и согласилась сделать так, как сказал ей падишах.

Вновь раздался тяжкий хлопок ладоней падишаха, так что заложило уши у всех, и вновь они показались перед Шульгеном. Но теперь вместе с ними была прекрасная девушка в свадебном наряде — Айхылу.

Устроили им веселую свадьбу, а когда настало время — проводили их в брачные чертоги. Так Шульген стал мужем Айхылу, дочери падишаха птиц Самрау.

Как Азрака говорил с Шульгеном и Заркумом

Не передать, как счастлив был Шульген со своей молодой женой. Нежась с нею в высоком дворце, забыл он обо всем на свете. Молодые гуляли по дивным садам, что цвели во дворце, пили сладкую воду забвения, что протекала в тех садах в щедром изобилии, появляясь неведомо откуда и исчезая неведомо куда, вкушали диковинные плоды, каких нигде бы не смогли отыскать, хоть обойди целую землю.

Окрепла и дружба Шульгена и Заркума. Теперь Шульген души не чаял в том, с кем свела его судьба, верил ему во всем, благословлял тот день, когда пересеклись их пути.

И все же нет-нет, да и вспоминал он о своем брате, и тогда грызла его досада, что легко досталось ему счастье, что не совершил он на этом пути никаких подвигов, слава о которых разнесла бы его имя по всему свету.

Знал о том, что творится в душе Шульгена только падишах дивов Азрака, ибо незримо следил он за всеми движениями души Шульгена, не оставляя без внимания ни малейшей тени на его лице. Когда наступало время, в которое душа Шульгена была наиболее восприимчива к тонкому яду чужих мыслей, Азрака призывал к себе юных друзей и часами беседовал с ними, искусно направляя их мысли в нужную сторону.

Так поведал он о величайших тайнах на земле — о волшебном коне Акбузате, о булатном мече, что не всякому дается в руки, и о Хумай, прекраснейшей из дев.

И так он вел свой рассказ, что и Шульген, и Заркум думали — только к нему обращена эта речь, именно ему открыл тайну падишах дивов Азрака. Поняли они — тот, кто овладеет мечом, кто усмирит коня — станет величайшим из богатырей, покорятся ему все на свете.

Долго говорили они между собой, покинув чертоги падишаха дивов, и вот в один из дней решили тайно отправиться в путь — добыть величайшие сокровища земли.

Заркум во всем поддержал Шульгена, но про себя подумал:

— Пусть поможет мне одолеть Урала, а там посмотрим, чья возьмет.

И вот оседлали они могучего дива и отправились в путь, добывать волшебного коня, булатный меч и девушку. А вослед им смотрели бессонные глаза падишаха дивов, от которого ничто не укрывалось в его царстве.

Как Шульген и Заркум встретились с Хумай

Глазом не успели моргнуть Шульген и Заркум, не успели выдохнуть воздух подземного царства, как див доставил их на место. Крик птичьих стай оглушил их, отвыкли они от шума земли, находясь во владениях падишаха дивов. Оглушил их яркий свет — отвыкли их глаза от него, привыкли они к полутьме и мраку владений падишаха дивов Азраки.

Но привыкнуть к птичьему крику они не успели, их заметили, стих птичий щебет и гомон. Одна из птиц отделилась от стаи, стала невысоко кружить, рассматривая пришельцев.

— Мы пришли к Хумай, — спесиво закричал Шульген. — Пусть встретит нас согласно обычаю, как дорогих гостей!

— Ее нет дома, — отвечала птица, отлетая в сторону и теряясь в стае. Вдруг, словно по невидимому знаку, птицы стали сбрасывать свои птичьи оперенья. Обернулись они прекраснейшими девушками. Дух захватило у Шульгена и Заркума, не могли они налюбоваться на такую красоту.

Но даже среди прекраснейших девушек отказалась одна, что затмила их всех, как луна заслоняет звезды, как солнце затмевает блеск луны. Ошеломленный, оглушенный смотрел Шульген на девушку и думал он, что это и есть, должно быть, Хумай.

Словно пчелиная матка выступила вперед та девушка, словно хозяйка, давно ожидавшая дорогих гостей, пригласила она Шульгена и Заркума во дворец:

— Проходите, располагайтесь. Хумай сейчас появится перед вами.

Словно важные гости, чинно, чванясь, вошли во дворец Шульген и Заркум, выбрали себе место попочетнее, уселись на них без никакого приглашения, и стали ждать.

Не успели они заскучать, как странным дымом стало заволакивать помещение. Обеспокоились Шульген и Заркум, вскочили на ноги, и тут раздался громовый удар, земля разверзлась, превращаясь в пропасть и нежданные гости полетели вниз со страшной быстротой.

Но все имеет свой предел, и вот они упали на дно глубочайшей ямы. Ощупывая себя, крича от страха, охая, поднялся на ноги

Шульген. Стал он шарить руками в темноте, пытаясь найти выход, но всюду натыкался на стены ямы. Кричал, но никто не ответил на его крик — потому что Хумай (это и была та самая красивая девушка, что пригласила их во дворец) сбросила Шульгена и Заркума в разные ямы.

А Заркум, который раньше пришел в себя, потому что тело у него было нечеловеческое, превратился в змею, стал искать щель, чтобы выбраться на волю. Знала о том наперед Хумай, приказала одной из девушек пустить бурлящую воду в яму.

В ужасе метался Заркум, всюду вода настигала его и вот, наконец, превратился он в водяную крысу и стал плавать в воде, ища себе спасения, пока не выбился из сил и не прекратил свои попытки.

А Хумай в это время появилась в яме, в которой оказался Шульген. Спросила она у растерянного Шульгена:

— Познал ли ты страх, когда полетел в темноту? Так же устрашилась и я, когда наточил ты на меня острый нож. За это и отомстила я тебе, егет! А теперь будешь ты томиться в этой яме, пока не возродится для любви твоя душа, пока сердце твое — новое, доброе, не овладеет твоим разумом, пока жир твоего сердца не оттает от зла! Отвернись от змей, стань им врагом, научись выбирать себе друзей, научись выбирать верный путь, тогда снова станешь свободным.

Сказала Хумай эти слова и исчезала, оставив ошеломленного Шульгена наедине со своими мрачными думами.

Как Хумай встретила Урал-батыра

Поднялась из темных подземелий Хумай, радостно было у нее на душе оттого, что сумела она пленить своего старого врага из змеиного племени — Заркума. Но к этой радости примешивалась печаль, потому что пришлось ей оставить в темнице Шульгена, брата Урала, о котором нет-нет, да и вспоминало девичье сердце.

Решила она устроить праздник в честь такой победы, созвала всех своих подружек, и начался перед дворцом падишаха птиц Самрау шумный переполох. Тысячи ярких оперений, тысячи прекрасных голосов украсили небо, словно над землей раскинула свои крылья ярчайшая радуга.

И вдруг сломался узор, умолкли голоса — что-то нарушило течение праздника, беспорядочно толпой взмыли в небо девушки-птицы и стали там кружить, пытаясь рассмотреть, что за гость пожаловал в их страну, какие у него намерения — добрые или, может быть, злые?

И только одна птица смело ринулась к пришельцу — это была Хумай. Приняла она свой привычный облик и подошла к гостю, которого она сразу признала. То был Урал-батыр. Чтобы девушки-подружки не волновались, укрыла она его волшебным покрывалом, который делал человека невидимым ни для кого, кроме тех, кто обладает волшебным зрением, как сама Хумай.

А вот Урал ее не признал, и не мудрено — ведь когда-о видел он лебедь, а здесь перед ним стояла высокая, красивая девушка с волосами, которые скатывались с ее плеч словно густые колосья, достигая колен. Сквозь длинные ресницы на батыра смотрели упор прекраснейшие черные глаза. Высокая грудь волновалась под взором батыра, тонкий, как у пчелы, стан трепетал, пока она шла к нему.

Чистым, словно серебро, голосом приветствовала она батыра. Заговорила лукаво, словно со старым знакомцем. А Урал был настолько поражен, что не мог даже слова сказать, только молча пошел с нею во дворец, куда Хумай пригласила его.

Она усадила батыра на почетное место, угостила с дороги. И до того было с ней хорошо батыру, что он постепенно пришел в себя, стал

говорить о себе и сам не заметил, как рассказал обо всех своих приключениях.

Рассказал Урал и о своей мечте найти Живой Родник, уничтожить Смерть.

Отвечала ему Хумай в глубоком волнении, она была тронута бесхитростным рассказом батыра:

— Найти Живой Родник непросто, и все же я знаю, где он находится. Но если ты хочешь моей помощи, отыщи для меня птицу, равных которой нет в мире, каких никто нигде не видел, тогда я помогу тебе.

Задумался Урал-батыр, тряхнул головой:

— Найду я ту птицу и принесу тебе, но в ответ на твои слова скажу вот что — не нужно мне золота, нет у меня воза, чтобы его грузить, не нужно мне украшений, потому что нет у меня любимой, чтобы одарить ее. Ни о чем, кроме добра, не помышляю я. Помоги мне исполнить желания людей, победить Смерть, чтобы смог я утереть кровавые слезы рода людского. Вот какой дар мне нужен. Скажи мне, чтобы я знал, чем ты сможешь меня одарить?

Поднялась с места Хумай, зазвенел ее голос:

— В огне не сгорит и в воде не утонет, ветру не даст за собою угнаться, не устрашится ни вершин, ни ущелий, копытом ударит — горы рассыплются в прах, поскачет — рассечет море. Будет тебе соратником тот, кто рожден на небе, кто выращен на небе, у кого нет потомства на земле, тот, кого не смогли одолеть дивы за тысячу лет, тот, кто достался мне от матери моей, тот, кто предназначен моему возлюбленному — мой тулпар Акбузат. А с ним вручу я тебе булатный меч — его не берет ржавчина, против огня он становится огнем, против воды — водой. Дивов погибель тот булатный меч.

Взволнован был Урал не меньше, чем Хумай. Вскочил с места, решил тотчас же отправиться в путь. Насилу остановила его Хумай, упросила остаться на денек, передохнуть от тяжких трудов.

Согласился Урал-батыр, погостил во дворце еще день, но более задерживаться не стал — манила его дорога, манил его дорогой подарок, что обещала ему Хумай.

Наутро умылся он водой ключевой из источника, преломил хлеб с Хумай, которая вышла его проводить, и отправился в путь, превратив волшебный посох Кахкахи в коня.

Долго смотрела ему вослед Хумай. Не открылась она батыру, не назвала своего имени, не сказала, что брат его томится у нее в плену, а сам батыр и не мог знать об этом.

Как Урал-батыр нашел невиданную птицу

День ехал Урал-батыр на своем волшебном скакуне, два ехал, а там и неделя прошла, и месяц миновал. Пролегал его путь по странной местности — высились вокруг одни угрюмые скалы, словно иссеченные в страшном гневе неведомым батыром. Пустынно было вокруг, только вороны да сойки летали невысоко над землей — ни человек, ни какая живность не попадались в пути.

Наконец вдалеке показалась высокая гора, устремившая свою вершину в небо, так что за облаками не разглядишь ее — вся она в дымке.

Решил батыр осмотреться, слез с коня, обратил его обратно в посох и полез на гору. День карабкался, два карабкался, а там и неделя прошла, месяц миновал. Раздвигает батыр тучи, туман рассекает, все лезет наверх.

Наконец, добрался он до вершины, стал оглядываться. Ничего не видно, вокруг белым-бело, словно зима наступила, и все равнины замело снегом. Это облака закрывают землю, не дают пробиться взгляду. Долго смотрел Урал-батыр по сторонам, наконец, решил заночевать на той горе.

Вдруг среди ночи разбудил его сон, словно небо очистилось и в страшной дали показалась звездочка. И так нестерпимо она сияла, что Урал-батыр проснулся. Потер глаза, огляделся — и видит, что вправду вдалеке сияет какая-то звезда. Смотрит Урал-батыр и ничего понять не может — сияет что-то, а что — разобрать не получается. Вынул он тогда свой волшебный посох, и тут словно чудо случилось — приблизилось к нему сверкающее озеро.

Берега того озера не из камней сложены, а из чистого серебра. Растут вокруг озера цветы, ветер их гнет, а они не шевелятся. Потому что и они из серебра. Блестит водная гладь, да только не рябит волной на ветру, отливает тяжелым блеском, а когда падает на нее свет луны — сияет она ясным жемчугом.

А плавают на том озере птицы необычайные, таких Уралу видеть еще не приходилось. Среди птиц тех одна — оперение у нее такое, что век бы смотрел, любовался.

Повел своим посохом Урал-батыр, заворожил птицу его волшебным блеском. Повел посохом еще раз — и вот он уже на берегу того озера. Удивился Урал-батыр волшебным свойствам посоха, вот уж не знал он, что сокращает посох расстояния. Но удивляться времени не было — нужно было птицу ловить. Бросился к ней Урал-батыр, а птица не улетает, страха нет в ее глазах. И только когда Урал-батыр схватил ее в руки, забилась она в испуге, попыталась вырваться. Но куда там — железная хватка у егета.

Вышел на берег Урал-батыр, не знает, что делать с птицей. Отпускать нельзя, а как привезти ее к Хумай — тоже не знает.

Видя его замешательство, вдруг птица заговорила:

— Кто ты егет, джинн? Или, может быть, человек? Скажи мне.

Удивился Урал-батыр, не ожидал он, что птица красоты невиданной еще и говорить умеет. Стал он ее расспрашивать, какого она рода-племени, и много ли таких, как она, водится на свете.

Но птица молчала, только смотрела на него пристально, словно хотела решиться на что-то. Уже решил батыр, что ему послышалось, мало ли что может случится в таких странных местах, как птица заговорила вновь.

— О егет, — сказала она, — отпусти меня, закрой глаза. Я не улечу от тебя, видишь, я сложила крылья. Когда разрешу — откроешь глаза.

Призадумался тут Урал-батыр, как бы не сбежала птица. Вынул он волшебный посох и приказал ему мысленно, чтобы следил за птицей.

— В воду кинется — обернись щукой, в небо взлетит — соколом устремись по следу. А на земле я и сам ее не упущу, — сказал он.

Что ж, выпустил он птицу из рук, зажмурился, и вовремя — опалило его светом ярким, так что если бы он смотрел — выжгло бы глаза непременно.

— Открой теперь глаза, егет, — услышал он знакомый голос. Открыл глаза батыр и видит — перед ним девушка невиданной красоты, брови вразлет, ямочки на щеках, на левой щеке родинка. Волосы развеваются по ветру, а сквозь густые ресницы улыбаются егету черные ясные глаза.

Потупила взор девушка и так сказала Урал-батыру:

— Егет, скажи мне, как ты очутился здесь? Что за беда заставила тебя покинуть родные края? Ведь озеро это не простое, а

заколдованное. Никто, никто — ни человек, ни див не могут сюда просто так добраться.

Не стал Урал-батыр рассказывать обо всем, что с ним случилось, сказал только:

— Ищу я птицу красоты невиданной, какой не бывает на свете. Издалека увидел тебя на этом озере, вот и решил посмотреть вблизи. А как ты сама оказалась здесь? Человеческого ли ты рода племени?

А про себя подумал — вот незадача, видно, не скоро поиски мои прекратятся.

Подняла девушка к Урал-батыру ясное, светящееся лицо и тихим чистым голосом проговорила:

— Имя мое — Айхылу. Есть у меня мать, есть у меня отец. От рождения дано мне свойство рыбой плавать в воде, птицей летать в небесах. Похитили меня дивы, держали у себя во дворце. Однажды пришел в те края какой-то егет, он женился на мне. Жили мы с ним недолго, в один из дней он вдруг исчез. Тогда решилась я бежать, а чтобы дивы не напали на мою страну — спряталась здесь, на этом озере. Уж здесь, думала я, никто меня не отыщет. Но вот ты пришел, и мысли мои рассеялись, словно тучи на ветру, дороги, по которым могла я скрыться, исчезли, как оборвавшаяся на бегу тропинка.

Есть у меня конь волшебный — Сарысай. Возлюбленному моему он предназначен. В бою будет он тебе соратником, умирать будешь, страдать от жажды — спасет тебя, достанет воды из-под земли. Если ты не против, отправимся вместе к отцу, он знает обо всем на свете, нет такого места, где бы он не побывал. Он подскажет тебе, где найти ту невиданную птицу, которую ты ищешь.

И тогда, если захочешь, будем жить вместе.

Призадумался Урал-батыр, не зная, как ответить, потому что знал — ждет его другая дорога.

Наконец сказал он ей с легкой грустью:

— Ах, красавица, не могу я принять твой дар и в твою страну я тоже не пойду. Быть может, птица ты, а не девушка, так что отвезу я тебе в одно место, там ты расскажешь о себе. Захочешь — будешь птицей, захочешь — станешь девушкой, будет так, как тебе хочется. Никто не посмеет тебя обидеть, я буду твоим защитником.

Поняла девушка, что Урал-батыр не обманет ее, вновь стала птицей и собралась в путь. А путь-то оказался недалек — сели они на

волшебный посох верхом и во мгновение ока оказались возле дворца Хумай.

Не успел сойти на землю Урал-батыр, как во дворце началась суматоха. Тысячи птиц взмыли в небо, распахнулись все окна дворца, все двери и ворота, и оттуда хлынули девушки навстречу Урал-батыру.

«Ну надо же, подумал Урал-батыр, — неужели они по мне так соскучились?» А девушки, не обращая на него никакого внимания, окружили птицу, которую он привез с собой. «Айхылу! — кричали они. — Айхылу!»

Закружилась птица в небе и обернулась прекрасной девушкой. Вырвалась она из объятий своих подружек, подошла к Урал-батыру и сказала ему:

— Это судьба, мой егет, ведь дворец моего отца.

Изумился Урал-батыр, ничего понять не может.

Тут перед ними в окружении своих служанок показалась взволнованная Хумай. Крепко обняла она Айхылу, а потом обратила радостное лицо к Урал-батыру.

— О мой егет! — воскликнула она с дрожью в голосе. — Каким же ты оказался батыром! Ты освободил мой сестру от дивов!

Развел руками егет, стал спрашивать у Хумай:

— Скажи, откуда ты знала, что твоя сестра и есть та птица? Ведь я нашел ее на далеком озере, и ни с какими дивами я не сражался.

Поняла Айхылу, что сестра ее ни о чем не знает и стала рассказывать, как томилась в плену, как сбежала от дивов и как Урал-батыр нашел ее на озере.

Крепко тогда призадумалась Хумай, решила она, что нужно позвать отца, который жил в отдаленных покоях дворца.

Послали за ним. Не стал скрывать своей радости Самрау-падишах, крепко обнял он пропавшую и вновь обретенную дочь, но, выслушав ее рассказ, и он призадумался крепко. Вот что сказал Самрау после некоторых раздумий, тяжким пламенем легших на его лицо:

— Дочь моя, если дивы узнают, что ты вернулась, они пойдут на нас войной, захватят и разорят нашу страну. Ты, доченька, устала после стольких бедствий, отправим мы тебя к матери твоей, Луне. Там отдохнешь, поправишь свое здоровье. А вы… — повернулся он к Хумай и Уралу. — Молчите и никому не говорите, что она вернулась.

Предупредите всех, чтобы молчали, иначе страшная опасность нам грозит.

И они разошлись в радости от нежданной встречи и в тревоге перед грядущими испытаниями.

Как Урал-батыр узнал, что его хозяйка и есть Хумай

Три дня и три ночи спал Урал-батыр, отдыхая от новых испытаний. Три дня и три ночи просидела возле его изголовья Хумай, отлучаясь лишь ненадолго, только чтобы проводить свою сестру к ее матери-Луне. Айхылу оседлала волшебного коня Сарысая — подарок своей матери и с тяжелым сердцем ускакала в небо, отправившись в далекий путь к своей матери.

Хумай вернулась в покои, в которых отдыхал Урал-батыр, и задумалась, как думала она не переставая уже много все эти дни, с тех самых пор, как Урал-батыр появился в ее владениях.

Но вот егет зашевелился, лицо его разгладилось, и он открыл глаза — проснулся отдохнувшим, спокойным и счастливым, словно там, во сне, все тревоги и заботы покинули его.

Радостно встретился он глазами с прекрасной своей хозяйкой, с девушкой, имени которой он не знал, но любил с той самой минуты, как увидал ее.

Хумай пожелала ему доброго утра и удалилась, чтобы вновь встретится с батыром уже в главных палатах дворца.

Там Урал-батыр и высказал свое желание узнать, как зовут девушку и как так получилась, что девушка-птица оказалась ее сестрой.

Улыбнулась девушка, сомнения оставили ее, и тогда сказала она, улыбнувшись светло и ясно:

— Помнишь ли ты лебедь, которую спас от смерти? Ведь лебедь эта — я. Зовут меня Хумай, дочь падишаха птиц Самрау перед тобой.

Не остался равнодушен Урал-батыр, сильное волнение отразилось на его лицо:

— Если это так, помнишь ли ты, что говорила об источнике Жизни, о Живом роднике? Что скажешь мне теперь? Поможешь ли ты мне отыскать его? Когда ты посылала меня отыскать свою сестру, ты обещала мне награду. Красавица моя, слово теперь за тобой. Лишь выслушав тебя, продолжу я свое странствие в длинном пути на борьбе со смертью.

Не смогла скрыть своего волнения и Хумай, встала она с места, и тихий голос ее эхом пролетел все покои дворца:

— Я оставлю тебя, мой егет, но оставлю ненадолго. Ты услышишь мой ответ еще до заката солнца.

И она вышла в маленькую дверь в тронном зале, в через которую ходил только цари.

Не находил себе места Урал-батыр, чувствовал он, что судьба его решается, вскочил он на ноги и стал мерять покои дворца широкими шагами, придерживая волшебный посох рукой, чтобы не бил по ногам.

А царевна Хумай отправилась к своему отцу, скорым шагом ворвалась в его покои, бросилась ему на грудь, спрашивая у него совета.

— Дочь моя, — раздался в тишине удивительный голос падишаха птиц Самрау, — если любишь его, пойдешь за него и Акбузата ему отдашь. В этом мире будешь жить весело и счастливо. Батыру, силой своей равного Уралу станешь матерью, дитя мое. Созови людей, устрой для храброго батыра великий пир. И брата его освободи ради такого праздника. Пусть мир и счастье хранят тебя, дитя мое.

Радостно выслушала эти слова Хумай, просветлело лицо, и заботы и тревоги оставили ее. Начались для нее радостные хлопоты.

Как встретились Урал-батыр и Шульген

Обрадовался Урал-батыр, встретив старшего брата, которого выпустила Хумай из подземелий дворца, стал рассказывать ему о том, что пережил, что видел в пути.

С нескрываемой злобой и раздражением слушал его Шульген. Думал он о том, как все получается у младшего брата и ничего не выходит у самого, Шульгена, а ведь это он старший!

«Если Урал прославится и вернется к отцу, кто тогда станет меня слушать? Никто не будет со мной считаться, — думал он в тоске и отчаянии. Потому и не стал Шульген рассказывать Уралу о своих приключениях, утаил он свои тайны от брата, лицо которого светилось искренней радостью. Решил он, предавшись своей злобе, погубить Урала, славу его присвоить, красавицу Хумай отобрать, оседлать Акбузата, вооружившись булатным мечом. Тогда, — думал он. — Все склонятся предо мной, признают, что нет на земле равного мне батыра».

А Урал по доброте своей, не ожидая от брата ничего худого, не обратил внимания на то, что встретил его Шульген без всякой радости. «Сидел бедняга в подземелье, не по себе ему. Но ничего, сходим на охоту, развеемся», — думал Урал-батыр. Не удивился он, узнав, что Хумай заточила его в подземелье, помнил он, как невоздержан его брат на слова и поступки. А Хумай, не желая огорчать Урала, не стала рассказывать ему, что пришел в ее страну Шульген не один, а с Заркумом — злейшим врагом птиц.

Неделя проходила за неделей, а угрюмость не сходила с лица Шульгена. Целыми днями сидел он в каком-нибудь укромном уголке, погруженный в свои черные мысли.

И вот однажды Урал-батыр, вернувшись вместе с Хумай с веселой прогулки, долго искал своего брата, облазил все закоулки дворца, наконец стал искать его в поле и нашел сидящим на ручьем в глубокой тоске. Попытался поговорить — не отвечает Шульген, замкнулся в себе. Ничто не могло отвлечь его от мрачных мыслей.

Видя, что все уговоры бесполезны, поднялся с места Урал-батыр и сказал такие слова, обведя рукой весь свет:

— Послушай, брат, ведь мы с тобой батыры. А есть ли на свете сила, что одолеет батыра? Радость и горесть, счастье и беда следуют за батыром, словно тень, не отлучаясь ни на минуту. То с радостью встретится он под солнцем, то с бедой. Но разве мужчина, что зовется батыром, отступит пред чем-нибудь, разве поддастся беде или разомлеет от счастья? Нет, ничему не уступит дорогу батыр. Против огня он станет водой, против врага он встанет горой. Не ради себя, ради людей найдет он выход из всех трудностей и горестей.

Батыр не жалуется на судьбу, ведь она в его руках, не станет он скупиться на добро — ведь все добро мира принадлежит ему. В битве он неутомим, в небо поднимется без всякой лестницы, надо будет — разомкнет землю и спустится в мрачные ее подземелья, победит всех врагов и снова будет жить.

Добрый совет, поданный другом — помогает батыру, а питье, поданное врагом, становится для него ядом.

Так говорил Шульгену брат его Урал, воодушевляя его на подвиги, достойные батыра.

Ни слова не ответил ему Шульген, он мог он преодолеть силы своих черных мыслей, толкавших его на злое дело.

Оставил тогда Урал своего брата, решив, что время лучший лекарь, оно залечит его душевные раны.

А Хумай, которая много думала о двух братьях в эти дни, уже поняла, что впечатление, которое у нее осталось от первой встречи с ними, не обмануло ее. Поняла она, что Урал-батыр добрый человек, привязалась она к нему от всей души.

А вот Шульген… Шульген вызывал у нее большие опасения. Боялась она его, но почему — объяснить не могла. На всякий случай решила она разделить братьев, сделать так, чтобы спали они в разных местах и виделись как можно реже.

Урал-батыр мог проспать пять суток подряд и вот приставила к нему Хумай пять девушек, чтобы они сон его оберегали, стерегли его покой.

А Шульгена разместила она в других покоях, так что не смог он совершить задуманное им злодеяние.

Злился Шульген, не находил себе места, наконец пришел к брату, чтобы выложить все, что накопилось у него на душе.

— Кто его знает, чем все обернется, — сказал он Уралу. — Самрау может передумать помогать тебе. А ведь ты батыр, который прославился повсюду. Давай силой захватим Акбузата, захватим страну Самрау, сами будем править. Один из нас возьмет себе посох, другой сядет на Акбузата — кто тогда сможет нам противостоять? Тогда и я прославлюсь, дочь падишаха Самрау в жены себе возьму, на Акбузата сяду верхом.

Не сразу ответил Урал-батыр, понял он, что творится в душе его брата. Но, подумав, решил с ним не ссорится, не хотел он, чтобы Шульген стал ему врагом, потому и сказал:

— Они никому не причинили зла, не проливали человечьей крови, нет в их душе враждебности по отношению к людям. Потому они наши союзники. А вот в той стране, в которой див правит, люди томятся в рабстве. Вот какую страну мы должны с тобой завоевать, освободить людей. А насчет девушки и Акбузата — если она полюбит тебя, она будет твоя. Если подарит тебе коня — Акбузат будет твой. Не пристало нам, батырам, враждовать из-за девушки, Смерти путь открывать нам не с руки. Мы же не убийцы, не злодеи! Одолеем Азраку, вернемся домой со славой, добудем воды из Живого Родника, сделаем всех людей бессмертными, брат!

Решил тогда Шульген, что все ему позволено, принял он слова Урала за слабость. Теперь, думал он, захвачу Акбузата, и Хумай станет его.

Выбрав время, когда Урала не было во дворце, он явился в покои Хумай.

Яростный, сильный, опасный в гневе, навис он над девушкой, словно гора, открыл ей свое сердце, признался в том, что скрывал так долго.

— Сердце мое открыто для дружбы, Хумай, — сказал он, — но я не прощаю тех, кто встает у меня на пути. Вспомни, когда я только прибыл в твой дворец, ты заточила меня в темницу. Может быть, ты просто хотела отомстить мне за горе, которое я тебе причинил. Ну вот, ты отомстила.

Но теперь, когда ты меня выпустила из темницы, мы с тобой в расчете. Только я увидел твое лицо — я позабыл все свои обиды, я вновь полюбил тебя. Пойдешь ли ты за меня? Отдашь ли мне свое сердце? Если пойдешь за меня, если полюбишь меня — будешь моей

женой, а если нет — месть моя будет ужасна, свершу я то, от чего содрогнется весь мир.

Ответь мне сейчас же, у меня нет времени ждать.

Подняла свое ясное лицо Хумай и так сказала Шульгену:

— Егет, вижу я все твои тайные помыслы, все я поняла. Но я дочь падишаха, старшая его дочь! Не все в этой жизни зависит от меня! Сделаем так, как велит обычай — устроим большой праздник, и там ты покажешь миру свое богатырство, на том майдане прославишься ты.

Есть у меня конь Акбузат, подаренный мне матерью. Прискачет он на майдан, станет рыть землю копытом. Если ты батыр — он узнает тебя. Если сможешь его оседлать, если сможешь в седле усидеть, если сможешь булатный меч, притороченный к луке седла вынуть, тогда Акбузата тебе подарю, отца попрошу свадьбу нам устроить, стану возлюбленной твоей.

Решил Шульген, что Хумай согласилась на его предложение. Ярость отпустила его, и он ушел дожидаться праздника.

В тот же день Хумай приказала объявить всем, что состоится праздник в ее честь, на котором любой сможет показать свою силу. Победитель должен был стать мужем царевны Хумай.

Как Урал-батыр и Шульген состязались на майдане

Тысячи и тысячи птиц слетались на большой майдан царства падишаха Самрау. Со всех концов большой страны спешили они на праздник. Еще бы — ведь не каждый день дочь падишаха выбирает себе жениха. Тем более, что вести разлетелись по стране — спорят за дочь падишаха два брата, два батыра, каких свет не видывал, оба красавцы, как на подбор. Шум и крик раздавались со всех сторон, в воздухе кружили стаи птиц, которые выискивали себе место на майдане, на котором уже перышку было негде упасть. И все же наиболее глазастые находили себе укромные уголки. Быстро слетев вниз, чтобы местечко не занял кто-нибудь поудачливей, птицы превращались в девушек. Вся площадь была красива как никогда от их нарядов. Но были здесь и простые жители страны падишаха Самрау, вечно юные люди с одинаковыми лицами. Никто не остался в стороне от праздника.

Вдруг словно волна пробежала по собравшимся — это все обратили свои взоры ко дворцу, из которого торжественно появились процессия во главе которой шла Хумай. Возглас удивления раздался изо всех уст — прекрасна была царевна в своем свадебном наряде. Вот она подошла к небольшой коновязи, плавно подняла руку, словно крылом взмахнула, и крикнула что было сил, вызывая Акбузата.

Громом ответило ей небо, само солнце покачнулось, земля заходила ходуном. Словно звезда сорвалась с неба и огненным шаром полетела к земле — это был Акбузат, ввергающий в ужас крылатый конь небесный.

Молния не успела погаснуть, как он уже был здесь, стукнул копытом о землю, и опять затряслась земля. Подскакал Акбузат к Хумай, голову склонил, замер.

Вздох удивления вырвался из груди собравшихся. Так был прекрасен небывалый конь!

Уши он навострил словно шилья, зубы у него словно дольки чеснока, грудь высокая, как у кречета, ноги тонкие, легкие, ход высокий. Храпит он, сверкает влажным глазом и в ярости жует удила.

Оседлан он, словно к войне, готов принять седока, а к луке седла привешен меч — острый меч, сверкающий меч. Вот он каков, Акбузат!

Приласкала его Хумай, потрепала по холке, обняла за шею. Голос ее звонкий разнесся по майдану, словно колокольчик медный.

— Мой Акбузат, мой конь крылатый! Жил ты на небе, как звезда, ждал того, кто возьмет тебя под уздцы. Скольких батыров ты сбросил, в чьих жилах текла нечеловеческая кровь, кровь демонов! Скольких батыров из рода человеческого, из тех, кого я выбирала, сбросил ты с неба. Никого, никого не нашел ты достойным себя, никого, никого не избрал ты для меня.

Сегодня опять призвала я тебя на испытание. Ждут тебя батыры, ждут они твоего решения. Кого ты изберешь, как изберешь? По красоте ли выберешь, или по богатырству? Избери себе достойного, сделай его спутником своим. Будет он тебе товарищем, будет он мне возлюбленным.

Поднял голову свою Акбузат, низкое ржание его громом разнеслось по окрестностям.

— Когда ветер тучи нагонит, когда налетит буря с дождем, перекати — поле спрячется в овраге, красавчик станет искать себе приют, чтобы сберечь свою красоту.

Но когда скачу я, поднимается ветер, от которого камни срываются с места словно пушинки, воды встают на дыбы и рушат все живое, так что рыба не может плыть по волнам, словно не вода это, а стена камня. Если ударю я копытом, даже Каф — гора содрогнется, как тесто, и рассыплется в муку. Все живое гибнет вокруг, никто не спасется.

Нет, не красавец мне нужен, а батыр, такой батыр, что сможет меч в руке удержать булатный. Тот меч солнце закаляло своим пламенем долгие годы. Огонь, способный расплавить весь мир, не причинит вреда этому мечу. Ничто на свете для него не преграда.

Тот меч в руках сможет удержать лишь тот, кто в небо взметнет камень в семьдесят батманов, лишь тот, кто удержит эту тяжесть на кончиках трех пальцев. Лишь этого мужчину назову я батыром.

Тот, кто хочет стать спутником мне, пусть испытает сперва силу свою!

Услышали люди, что сказал Акбузат, отправились к подножью горы, туда, где лежали огромные камни. Нашли они камень в

семьдесят батманов, но силы сдвинуть с места у них не нашлось. Час прошел, за ним другой, и вот на майдан явились посланцы. Не можем сдвинуть с места камень, говорят. Услышав эти речи, посмотрела Хумай на Шульгена. Блеснули ее глаза огнем. — Подними этот камень и брось его в небо — говорил это взгляд.

Отправился к камню Шульген. Ощупал его со всех сторон, встал поудобнее и набросился на него как на врага. Покачнулся камень, сдвинулся с места, а Шульген ушел в землю по колено. Не сдается он, думает, что удача близка, что забросит он камень в небо, получит Хумай и Акбузата.

Час стоял, два стоял, жилы напряглись у него, ушел он в землю по пояс, но сдвинуть камень так и не смог. Устал, дышать уже не может, наконец бросил он эту затею, отошел в сторону, пряча глаза.

Глянула тогда Хумай на Урала, все было в этом взгляде — и любовь, и надежда.

В гневе подошел к камню Урал-батыр, обидно было ему, что брат его опозорился. Даже теперь больше думал Урал о Шульгене, чем о себе. Ударил он кулаком по тому камню, и покатился камень, словно галька на речном берегу. Поднял Урал камень в семьдесят батманов и бросил его в небеса. Легко бросил, без напряжения. Люди что стояли невдалеке, только и увидели, что взлетела махина в небо и скрылась из глаз. Час смотрели в небо, два часа смотрели, наконец устали. У кого шея заболела, кого солнечный удар хватил.

Полдень прошел, вечер настал. Тогда в небе послышался грозный гул, и в небе показалось что-то летящее к земле. Это летел камень. Испугались люди, заплакали. Ведь упадет камень на землю, беда будет. Легко поймал камень Урал-батыр, вытянул руку, удержал глыбу на кончике трех пальцев. Только спросил:

— В какой стороне живет Азрака?

Люди, не веря, что избежали страшной напасти, хором стали кричать, показывать рукой, недоумевая, зачем это Уралу.

А батыр поднял камень над головой и сильно метнул его в страну падишаха Азраки.

Переглянулись люди, удивились, стали гадать, куда упадет камень.

А в это время Акбузат, что застыл на майдане, пробудился и медленно подошел к Уралу, склонив перед ним голову.

— Батыр, отныне я твой, — сказал он. Увидев это, зашумел, возликовал народ. Все видели, какой славный подвиг совершил Урал-батыр.

И тогда вперед выступил падишах Самрау. Подал он руку Урал-батыру и сказал ему:

— Будь моим зятем.

Еще сильнее закричал народ на площади. Все пели хвалу Урал батыру, невесте его Хумай, все прославляли мудрость падишаха Самрау.

И начался тогда пир, равному которого не было ни до, после. Продолжался этот пир три дня и три ночи. Никто не остался в стороне от того пира, каждый там был, и каждый получил подарки. Все были довольны и счастливы, всем казалось на том пиру, что началась новая, радостная жизнь.

Как Шульген вновь обрел жену

Один только человек не радовался, один только человек не улыбался на этом празднике. Это был Шульген. Лютой, глубокой ненавистью воспылал он к своему брату — за унижение свое, за бесславие свое, за ту славу, которую обрел его брат. Зло перекатывалось в его душе словно камни, которые по весне выворачивает из земли бурное половодье.

Видел Урал-батыр несчастье своего брата, жалел его, но обо всем, что творилось в его душе — не догадывался. Сговорился он с Хумай и пошли они к падишаху птиц просить выдать за Шульгена Айхылу — младшую сестру Хумай. Не стал перечить их желанию Самрау, согласился и тогда посреди пира объявила Хумай о новой свадьбе. «Славно, славно! — стали восклицать люди. — Справедливо!»

Не успели отзвучать здравицы, как задрожала земля и небосвод окрасился алым цветом, словно кто-то щедро опрыскал его кровью. Все повскакали с мест, никто не знал, что случилось, принялись гадать, что это может быть.

— Не див ли это идет на нас войной? — раздались испуганные крики.

В это время с небес с воплем отчаяния пал огненный клубок. Подхватил его Урал-батыр, не дал ему удариться о землю. Посмотрели все и узнали, то была Айхылу.

Откачали ее, стали расспрашивать, что случилось.

С трудом разлепив губы, прошептала она, что видела, как Урал-батыр метнул в небо камень, как поймал его снова и бросил в сторону падишаха Азраки. Камень тот через горы и моря перелетел во мгновение ока, упал на страну дивов. И сейчас же земля треснула напополам, взметнулось пламя до самого неба, захлестнуло Айхылу и сбросила с небес.

Подивились люди, но и порадовались — то-то шуму наделали Азраке, теперь не пойдет он с войной на страну падишаха Самрау, побоится.

— Два моих зятя — моя опора, — возгласил старый падишах, и люди шумными криками поддержали его. И свадьба разгорелась с

новой силой.

Как Урал-батыр отдал свой посох Шульгену и что из этого вышло

Увидев Айхылу, понял Шульген, что див обманул его, выдав ее за свою дочь. Испугался он, что Айхылу может его выдать, заметался, не зная, что делать. Бросился он к Хумай, поговорить, предупредить, но оказалось, что она спустилась в подземелье к Заркуму. Струсил Шульген, боялся он, что теперь и Заркум расскажет о том, что Шульген предал Урала. Охваченный страхом, он отправился к Уралу и стал просить его отдать волшебный посох падишаха Азраки.

— Я тоже хочу прославиться, — твердил он, как безумный. — Тебя все знают, а надо мной все смеются.

Жалко стало Уралу своего несчастного брата, пробовал он уговорить Шульгена остановиться, предлагал вместе пойти, но Шульген не слушал его, знай твердил свое. И тогда Урал-батыр отдал ему волшебный посох падишаха.

Исказила лицо Шульгена безумная радость, и он выбежал прочь из дворца. В стороне от людей, на горе он ударил посохом о землю и скрылся из глаз.

Земля расступилась, и из недр ее хлынул мощный поток, во мгновение ока затопивший всю округу.

Пришла вода и в подземелье, в котором томился Заркум и куда пришла расспросить его Хумай. Сбил Хумай с ног могучий поток подземных вод, а Заркум, сразу смекнув, что кто-то привел в действие посох, превратился в огромную рыбу и проглотил Хумай.

Вся земля погрузилась во тьму. Само солнце перестало светить без Хумай, и люди с ужасом поняли, что они лишились не только земли под ногами, но и света и тепла. Крик вырвался из их груди, но крик этот был заглушен могучим топотом копыт-то вырвался из конюшни своей Акбузат!

Заслонил он дорогу потоку, преградил путь Заркуму. Желая спастись во чтобы то ни стало, выпустил Заркум из своей пасти Хумай, превратился в водную крысу и узкими щелочками пробился далеко в море, подальше от грозных копыт Акбузата.

А великий конь бережно доставил Хумай во дворец. Очнувшись, она тут же позвала Урала и рассказала ему все, что узнала от Заркума.

— Мой брат оказался врагом, — только и сказал Урал. На сердце у него была печаль.

Высох бушующий поток, не хватило у него сил противостоять Акбузату, вновь появилось на небе солнце, ведь Хумай была спасена.

Заркум и Шульген снова у падишаха дивов

И вновь встретились в пути Шульген и Заркум — вела их одна дорога к падишаху дивов Азраке. Радостно приветствовали они друг друга, но в душе каждый из них был насторожен. Шульген не забыл, как обманул его Заркум, сказав, что Айхылу его сестра, а Заркум сразу же понял, что кто теперь хозяин волшебного посоха. «Дождусь подходящего случая и отберу посох. Он по праву мой», — подумал он, и потому ядовитая улыбка окрасила его лицо.

Долго ли, коротко они шли, змеям ведомы особые тропы в этом мире, но всякий путь, однажды начавшись, заканчивается. Достигли и они владений падишаха дивов Азраки.

Узнав обо всем, что случилось с Заркумом и Шульгеном, созвал падишах великий совет, потому что случилось то, чего они боялись — Урал-батыр заполучил Акбузата и меч булатный.

Был на том совете и Кахкаха. Он сразу же узнал свой посох, который держал в руках Шульген, но, глянув ему в лицо, понял — Шульген уже не тот юнец, которого он знал, долгий опыт зла преобразил его, и посох он не отдаст. «Ничего, подумал Кахкаха. — Я натравлю его на брата. Кто-нибудь из них да погибнет, а посох все равно будет моим». О том же думал и падишах Азрака.

День и ночь заседал совет падишаха, и, наконец, решили они пойти войной на людей. «Кто нападает первым — побеждает, — сказал старый див. — Пока наши враги в растерянности будут думать, что делать, мы их завоюем, уничтожим род людской». На том и согласились.

Приказал тогда Азрака своим дивам начать войну. Поделил он все свои войска на четыре части, чтобы напасть на людей со всех четырех сторон света. Во главе этих частей стали сам падишах, Шульген, Заркум и Кахкаха. Ко всем приставил падишах своих верных подручных с тайным заданием — если захотят они переметнуться на сторону врага, пощады им не будет. А тот див, что следил за Шульгеном, должен был не сводить глаз с волшебного посоха — такое мощное оружие не должно достаться врагу, за ним нужен глаз да глаз.

Попрощались Заркум, Шульген и Кахкаха с падишахом и отправились к своим войскам ждать условного сигнала.

Как началась война с дивами

Недолго длились счастливые дни Урал-батыра и Хумай. В один из дней небо полыхнуло огнем, словно кто-то поджег все леса на свете. Послышался тяжкий удар, и вся вода, какая была на свете, обрушилась на сушу. Это дивы начали войну.

Кругом была вода, все небо было в огне. Птицы не могли летать — их крылья опалял жар. Люди не могли найти сухого местечка — все на свете скрыла под собой морская вода. Люди и звери — все взывали к Урал-батыру, просили защитить их от этой напасти.

Урал-батыр не испугался ни воды, затопившей землю, ни огня, охватившего небо, ни дивов, которые поползли из всех щелей губить все живое на свете. Попрощался он с Хумай, вскочил на Акбузата и поднял свой булатный меч, сверкнувший в небе словно молния. Так началась кровавая война с падишахом-дивом.

Как пришел конец падишаху дивов Азраке

Днем и ночью сражался Урал-батыр с нечистью, заполонившей землю. Акбузат выносил его из битвы, когда он уставал, Акбузат вихрем мчался в бой, когда Урал-батыр вновь набирался сил.

Дивы погибали в яростной борьбе. Тысячами и тысячами крушил их Урал-батыр, крушил, не давая опомниться, скрыться во глубине моря, нахлынувшего на землю. И так много погибло дивов, что посреди водного простора возникла огромная гора. Увидев сушу, приплыли сюда уцелевшие люди, те, кто сумел спастись на утлых своих лодчонках.

Взобрались люди на ту гору и увидели, как вдалеке полыхает битва, равных которой не было еще на земле. То встретились на поле брани Урал-батыр и падишах дивов Азрака.

Огромный, словно гора, див молча стоял озирая поле брани, на котором погибли тысячи и тысячи его подданных. Но не о них жалел он, жалел он, что нет в ту минуту в его руке волшебного посоха, которым он мог сокрушить великую мощь Урал-батыра.

Но и меч его был не из последних, таил он в себе великую силу, от которой еще никому не удавалось уйти живым. Вздымая меч, взмахнул чудовищной лапой падишах дивов, и гром прогремел над землей. Огнем сверкнул тот меч и тяжко обрушился на Урал-батыра. Закипела вода, задрожала земля от того удара.

Но Акбузат, быстрый, словно молния, вынес Урал-батыра из-под удара, взметнулся он в небо и понес батыра прямо к падишаху дивов. Не стал медлить Урал-батыр, ударил булатным мечом и разрубил падишаха надвое. Страшно вскрикнул падишах, пошатнулся и упал бездыханным в море. От его падения содрогнулась земля, и тысячи змей завизжали от горя и муки. Но было поздно — расступилось море, разделилось на две части и выросла в том месте огромная гора Яман-тау — Страшная гора.

А Урал-батыр, не зная устали, все скакал и скакал вперед. Там, где проходил он с верным Акбузатом, море отступало, поднималась из воды высокая гора, на которую взбирались все новые и новые уцелевшие от потопа люди.

Урал-батыр встречает своих сыновей

Не год и не два прошло с тех пор, как Урал-батыр вступил в битву с дивами. Не знал он ни сна, ни покоя в этой войне. Перебил он дивов столько, что сбился со счета. Когда он оглядывался назад — видел горы, сложенные из побежденных им дивов и змей.

Повзрослел Урал-батыр, перед нами уже не тот юноша, что вышел со своим братом Смерть извести, но могучий всепобеждающий батыр. В глазах его — могучий ум, в руках его — не знающий устали меч, с ним верный его друг Акбузат.

Но стала одолевать Урал-батыра усталость, думал он, что война эта нужна только ему и никому более, что люди забыли о нем в отчаянной попытке хоть как-то обжиться на голых, безжизненных скалах, одиноко торчащих в море.

И вот однажды, когда он преследовал дивов, наперерез отступавшимся врагам выскочил небольшой отряд из восьми человек.

С могучим криком напали они на дивов и искрошили их на мелкие кусочки. Удивился Урал-батыр, задумался — что это за помощники объявились у него? За многие годы не встречал он такого человека, кроме себя, кто рискнул бы скрестить свой мечи с врагами людей.

А в это время отряд приблизился к нему. Один из четырех юных батыров, что скакали впереди, смело снял с головы шлем и приветствовал Урал-батыра.

— Я твой сын, рожденный дочерью Катила, Яик!

И второй батыр снял свой шлем:

— Я твой сын Нугуш, имя матери моей — Гулистан!

И третий батыр снял свой шлем, спрыгнул с коня:

— Я Идель, твой сын, рожденный Хумай!

Поднял голову четвертый:

— Мать моя — Айхылу, имя моего отца — Шульген. Он брат тебе и враг тебе. Имя мое — Хакмар.

Спешился с коня Урал-батыр, бросился он в объятья сыновей. За годы войны с дивами и змеями не ожесточилось его сердце, хранил он

в памяти светлые дни своей юности, и вот к нему на подмогу пришли его дети — живое напоминание о его любви.

— А вы кто будете? — обратился он к четырем батырам, что, спешившись, стояли в некотором отдалении от Урала и его сыновей. За них ответил Яик, он спросил:

— Ты не узнаешь их, отец?

— Нет, — протянула Урал-батыр. — Столько всего случилось за эти годы, что уже не припомню, видел я их когда-о или нет.

— Тогда прошу тебя, отец, — пылко воскликнул Яик, — устроим привал, устроим праздник в честь нашей встречи. Ведь мы привезли тебе гостинцы с родины, подарки от наших матерей.

Видя столь искренний порыв, не стал отказываться Урал-батыр, и они устроили большой привал, отыскав укромное место среди скал, выставив дозорных.

Что рассказали Урал-батыру его сыновья

Утолив первый голод, сняв усталость, уселись они посвободнее. Исчезла неловкость первых минут встречи, сыновья Урал-батыра стали чувствовать себя свободнее, да и Урал-батыр немного привык к мысли, что перед ним его сыновья, которых они ни разу не видел. «Уже стали большими парнями, — думал он, — как лихо расправились с врагами в бою». Исчез и червячок сомнения после того, как он узнал руку Хумай в том хараусе, что привез Идель. Коварен враг, мог и обмануть его, подсунуть змей, изменивших обличье вместо сыновей. Но яркий, живой хараус, вышитый рукой Хумай, сразу бы сник, помертвел в змеиных лапах. Так что нет места сомнениям — это его дети.

Поднял голову Яик, самый старший из сыновей.

— Отец, дозволь рассказать о своих странствиях, о том, как я искал тебя.

Кивнул головой Урал-батыр, комок подступил к его горлу.

Видя одобрение отца, радостью засияли глаза Яика, и он начал свой рассказ:

— Когда мне было восемь лет, я сел на коня и отправился в путь. Много стран я объездил, всюду искал я твои следы. И вот однажды увидел странную картину — расплескалось в некоем месте целое озеро крови, такой яркой, словно пролили ее только что. Земля ее не брала, не принимала, вороны ее не пили, хищные звери, что подходили к тому озеру, отворачивались и бежали прочь.

Когда вернулся я домой, спросил у матер своей, что бы это значило, откуда озеро крови в тех краях.

Не ответила мне мать, лишь горько заплакала. Растерялся и я, не знал, что сказать, что спросить, что за тайные причины побудили матушку расплакаться. И потом, сколько ни странствовал я по свету, никто не мог ответить мне на этот вопрос — ни стар, ни млад. Лишь один старик седобородый, что в землю смотрел от старости и спины разогнуть не мог, сказал мне:

— Сынок, твой отец для нас все равно что бог, и честь его мы бережем как свою. Ты его сын, ты и наш сын. Но и мать твоя нам не

чужая. А без согласия ее не откроем мы тайны, поклялись мы в том нашей честью. Возвращайся к матери, сынок, и если откроет она тебе эту тайну — об остальном ты и сам догадаешься.

Но мать не хотела со мной говорить, как ни просил я, как ни умолял.

Она всегда, укладывая меня, напевала колыбельную, от которой я сладко засыпал. И вот однажды я решил не спать, порезал руку и на рану насыпал соли. Болела рана, и, как ни баюкала меня мать, я не уснул, а только притворился, что сплю. Я думал, может быть, она о чем-нибудь проговорится, пока я сплю.

Долго ли сидела мать надо мной или нет, только видя, что я уснул, она стала горько плакать, роняя слезы на мою руку. Задумалась она, склонив голову, стала сама с собой разговаривать.

— Уехал возлюбленный мой Урал, оставил меня одну. Вернется ли когда домой — не знаю. Вот и сын его вырос, сел на коня, а отец его и не ведает о том. А ведь сын-то один к одному отец — сердце у него двойное, храбрости и отваги ему не занимать. От своего никогда не отступится. Как же мне рассказать о том, что кровь эту пролил его отец? Расскажу — начнет искать его по свету, покинет меня, оставит одну. Потеряла мужа, потеряю и сына. Горько мне, горько.

Поднялся я на заре, отправился к той луже крови и сказал:

— Вот ты какая, оказывается, кровь, пролил тебя мой отец, не потому ли земля не хочет тебя принять, что рука батыра коснулась тебя?

Забурлила кровь, нахлынула на белый камень и раздались такие слова:

— Твой дед Катил-падишах пленил нас, четырех батыров, по его приказу вступили мы в бой с твоим отцом, и вот теперь мучаемся многие годы. Поезжай к своему отцу, расскажи ему о нашем горе. Пусть найдет, как нас воскресить, чтобы мы смогли встать на его сторону, в бою искупить свои прегрешения!

Вернулся я домой, рассказал матери, что отправляюсь к отцу, что тайна ее мне теперь известна. Не стала перечить мать, не стала отговаривать, только попросила обождать несколько дней. А сама обратилась к вещему ворону, отправила его в путь, а куда — мне неизвестно.

Каждый день выходила она встречать его, и вот на третий день вернулся ворон, принес в клюве немного воды. Тогда мать велела мне плеснуть той воды в лужу крови. Вспенилась лужа, собралась в комок и вышли из того кома четыре батыра, живых и невредимых. С ними мать и отправила меня в путь-дорогу, просила передать тебе привет, если встречу в конце долгого пути. И вот я здесь, прими меня в свои помощники, — сказал Яик, весь сияя от того, что все-таки отыскал отца.

Улыбнулся Урал-батыр, и теплое, доселе неведомое ему чувство гордости нахлынуло на него. Вспомнил он, как смотрел на него отец, когда он отличался в чем-нибудь и понял, каково счастье отцовства.

— Позволь и мне рассказать о своих скитаниях, — взволнованно поднял лицо второй сын, Нугуш. Видя, что отец улыбается ему, он продолжил свою речь:

— Мать моя, Гулистан, в думах о тебе, отец, увяла и уже не могла стоять на ногах, только лежала и тихо стонала во сне. А когда мне было шесть лет, напали на нашу страну Заркум и Шульген. В ужасе бежали от них люди. А змеи затопили нашу землю водой, убивая всех, кого они могли найти. Тогда я сделал лодки, посадил на них всех, кто спасся, а сам смело вступил в битву со змеями. Змеи и дивы решили, что невесть откуда появилась целая армия. Они же не думали, что это я убиваю их одного за другим.

И вот однажды я встретил Заркума. Он не обратил на меня внимания, ведь я показался ему маленьким ребенком. Но я смело вступил с ним в бой и победил его, искрошил его на мелкие кусочки. Вот так, одного за другим, истребил я множество змей, а прочие, испугавшись, сами убежали из моей страны.

С победой вернулся я домой. Мать, с трудом поднявшись, вышла мне навстречу. Положила она руку мне на плечо и сказал такие слова, огнем горят они в моем сердце:

— Нугуш, имя твоего отца — Урал. Батыром он рожден, а теперь вижу я, что сила его передалась тебе. Оседлай тулпара, мой сын, найди своего отца, стань ему помощником в битве, стань ему опорой в трудах его. Указала она дорогу, и вот я здесь.

Умолк Нугуш, а вслед за ним начал свой рассказ Идель, самый младший из сыновей.

— Сколько помню себя, каждый день мать моя Хумай птицей взлетала в небо, словно высматривала кого-то. С высоты доносились ее причитания:

— Где же ты, мой Урал, что с тобой? Как одолеешь ты дивов и змей, как осушишь море, затопившее землю?

И вот однажды посмотрела она на меня и сказала:

— Ах, если бы пораньше ты родился, если бы ты был постарше, стал бы тогда опорой для своего отца, уставшего от многолетних битв.

В ту же ночь от страшного удара разлетелись двери нашего дворца, и к нам в покои ворвался свирепый див. Из стороны в сторону мотал он страшными головами, хрипел, бормотал:

— Ты ли это, Хумай, ты ли возлюбленная того, кто страну мою уничтожил, кто камень в скалы метнул, огнем опалив? Ты ли это, Хумай, давшая губителю нашему коня Акбузата, что воздвигает горы на своем пути? Ты ли это, Хумай, кто меч булатный дала нашему горю? Отвечай, да или нет? Я швырну твою голову под ноги Уралу, лишу его половины силы его.

Бросился было на мать этот див, но на полпути споткнулся, увидев меня.

Тогда зарычал он:

— Не это ли ребенок того, кто разрушил мою страну?

Мать, бледная, словно полотно, стояла, не в силах пошевелиться. А я, ни слова ни говоря, бросился на дива. Огнем хлестал он меня из одной головы, ядом брызгал из другой, но я одолел его, горло ему сдавил руками, колотил его кулаками. Упал див, изнемог, рухнул на землю и издох. Кровь того дива затопила весь дворец, до того он было огромный.

Мать моя тогда сказала, просияв от радости:

— Батыром ты рожден, сынок, от батыра-отца. Сердцем ты юн, но духом крепок. Отец твой сражается один, поезжай к нему, стань ему опорой. Пусть враги не достанут его в бою, стань ему соратником, оберегай его.

Сказал свое слово и Хакмар:

— Мать моя — Айхылу, отец мой — Шульген. Тебе он приходится братом. Много он крови пролил, встал на сторону змей, на сторону зла. Мать моя, став его женой, обрекла себя на позор. Однажды она призвала меня к себе, дала мне рыжего тулпара, и

приказала идти к тебе вместе с Иделем, быть тебе помощником во всем.

Долго молчал Урал-батыр. Глаза его то загорались гневом, когда слышал он о тяжких испытаниях, что выпали на долю его детей, то лучились радостью от того, что дети его стали настоящими батырами, не посрамили его чести. Наконец обратился он к детям своим с такими словами:

— Рад я нашей встрече, дети мои. И вам рад, батыры, что пришли ко мне с дружбой, не помня зла. Но впереди ждут нас жестокие испытания, ждут нас битвы со страшным врагом, так пусть же радость встречи окрылит всех нас, пусть даст нам силы бороться и победить! Поразим врага, освободим землю от нечисти, победим Смерть и принесем спасение роду человеческому!

— Пусть так и будет! — воскликнули хором сыновья Урал-батыра и их спутники. — Да будет так! — эхом разнеслось по окрестностям. Вздрогнули дивы и змеи в своих пещерах и норах. Поняли они, что близится их смертный час, что не будем им теперь спасения.

Как был повержен Кахкаха

Много лет уже Кахкаха разорял жилища человеческие, многих он погубил и нигде не встречал отпора. Слышал он, что погиб его соратник Азрака, слышал о том, что смерть настигла сына его Заркума. Удивлялся падишах змей, относил их гибель на слабость своих сподвижников. Проглядели, думал, опасность. Попали под огонь, что падет с неба, а то кто же мог их лишить жизни, ведь не Урал-батыр, о котором слышал падишах, что погиб он время страшного наводнения. Никто не возвращался к нему с донесениями о том, что целые страны уже свободны от дивов, потому и чувствовал он себя спокойно. Хотя нет-нет, да и грызла его тревога за тех змей, что отправились завоевывать дальние страны, но ни слуху от них, ни духу, ни ответа от них не было, ни привета, а гонцы, которых посылал падишах, не возвращались.

Решил тогда падишах змей покинуть свое подземное убежище, отправиться во главе небольшого войска посмотреть самому, как обстоят дела. Каково же было его удивление, когда вдалеке увидел он горы. Понял он, что не обошлось здесь без вмешательства Акбузата, что и Урал-батыр скорее всего жив. Решил он вернуться в свое убежище и, собрав все свои силы, напасть на Урал-батыра, но его уже заметили и не дали ему отступить. Со всех сторон напал на Кахкаху Урал-батыр и его соратники. В жестоком бою свалили они падишаха змей. Крича нечеловеческим голосом, барахтался в море Кахкаха, извиваясь всем своим могучим телом. Хвост его метался в небе, стараясь зацепить кого-нибудь из бойцов. Молнией ударял он в скалы, испуская пронзительный синий свет. И все же не удалось ему уйти, затоптали его тулпары, изрубили мечами воины. Так нашел свой конец падишах змей Кахкаха.

Из тела его сложили Урал-батыр и его соратники новую гору и так поделили заколдованное море на две части. Перерезали он сообщение между двумя войсками дивов и змей. Теперь дивы уже не знали, как им быть, потому что все пути были для них отрезаны.

Битва с Шульгеном

Не знал покоя Урал-батыр, повсюду выискивал он змей и дивов, уничтожал их беспощадно. Знал он, что брат его Шульген возглавил большое войско, собрал всех оставшихся дивов и змей под своим началом, объединил их силой волшебного посоха.

И вот в один из дней среди огня и грома битвы встретились лицом к лицу два брата, два смертельных врага. Схватились они в жестокой, беспощадной битве не на жизнь, а на смерть.

Со стороны людей выступал грозный воин Урал-батыр, имя свое покрывший славой. Со стороны змей и дивов — погрязший во зле, прославившийся своей свирепостью, не ведающий жалости Шульген. В руках его посох, на теле броня из панцирей подземных гадов, в глазах — ярость. Напал он на Урал-батыра, подняв волшебный посох. Огнем выстрелил тот посох, яростным пламенем, от которого не было спасения живущим на земле.

Вихрем взвился Урал-батыр, увернулся он от удара, в прыжке ударил булатным мечом по волшебному посоху. Взорвался в руках Шульгена тот посох, гром прокатился по небесам и исчезло волшебное море. Вода его высохла во мгновение ока. Дивы сразу же обессилели, стали прятаться кто куда, обратились в позорное бегство. Урал схватил тогда ошеломленного Шульгена, связал его по рукам и ногам.

Хакмар, видя, что Шульген упал, подскочил к нему, замахнулся мечом, желая отрубить ему голову. Но Урал не позволил ему ударить беззащитного, остановил его руку, не дал свершиться этой мести.

Как судили Шульгена

На поляне собрался отряд Урал-батыра, собрался, чтобы судить Шульгена. Бледный, с трясущимися от страха губами стоял Шульген перед теми, кто победил его в честном бою.

Среди тишины, наступившей так внезапно, раздался твердый голос Урал-батыра:

— С детства таилось в тебе коварство, еще ребенком не послушался ты запрета отца, тайком испил крови. Так отвернулся ты от добра, так ты принял сторону зла.

В друзья себе выбрал ты дивов, а к людям повернулся спиной, сделал их своими врагами, зло стало твоей верховой лошадью, сердце твое окаменело. Отец стал тебе чужим, материнское молоко превратилось в твоей утробе в яд.

Мы с тобой вместе выступили в путь, и я думал, что мы всегда будем вместе, и желаниям твоим я не перечил. Девушку ты выбрал — я уступил, коня облюбовал — я не был против, захотел славы — и здесь я не стал противиться твоему желанию, отдал тебе волшебный посох, не пожалел. А ты отплатил злом за добро, на добро закрыл ты глаза, поверил нечистым, лживым речам дивов, страну опалил огнем, затопил водой, погубил многих и многих.

Что же теперь, ты понял, что добро всегда побеждает зло? Ты понял, что человек всего на земле сильнее?

Если ты головы своей перед людьми не преклонишь, если при встрече с отцом не признаешь своей вины, если слезы людей не примешь на совесть свою — клянусь, сотру тебя в порошок, голову твою, словно точильный круг, зашвырну за высокие горы, душу твою, трепещущую, словно мотылек, обращу в ночной туман, а тело твое окровавленное захороню на горе, что возникла из тела Азраки. Никто и никогда не узнает, где ты похоронен. Станешь ты черной скалой, с которой орлы будут высматривать жертву, под которой змеи будут хорониться от палящего солнца. Ни травинки не вырастет на твоей могиле, потрескаешься ты от солнца и дождя.

Испугался Шульген, что Урал и вправду убьет его, стал умолять, запричитал быстро-быстро:

— Позволь мне омыть лицо свое в озере, что осталось от моря. Буду я всегда с тобой, с людьми буду дружить, стану батыром страны, построю дом, буду братом тебе настоящим, увижу вновь отца и мать, поклонюсь им, попрошу у них прощения.

— Озерная вода не отмоет твоего лица, налившегося кровью, — медленно сказал Урал батыр. — Люди, видевшие от тебя столько зла, не сделают тебя своим другом. Сердце твое ядовитое не оттает само по себе. Но если ты захочешь стать другом для людей, стань тогда врагом их врагов, омой свое лицо в их крови, словно в озере. Пусть сердце твое заноет, пусть тело твое иссохнет, и пусть в страданиях очистится твоя душа и черная кровь твоего сердца снова станет алой, человечьей. Только в бою с врагами рода людского снова станешь ты человеком.

Мочал угрюмо Шульген, страх сковал его жилы, кровь застыла в венах. Понимал он, что близка к нему Смерть, как никогда, он уже чувствовал ее прикосновение. Страх придал ему силы, и он заговорил. Заговорил умоляюще, едва сдерживая слезы:

— Лев, на котором я ездил верхом, дважды споткнулся. Дважды ударил я его. Ударил так, что выступила кровь. Искры посыпались из его глаз, и он упал к моим ногам.

И в третий раз он споткнулся и посмотрел на меня с мольбой. Поклялся тогда мой лев, что больше не споткнется, и я не стал его бить, не стал ругать. Вот так и твой брат Шульген дважды пропадал, уподобившись льву, вселил в твое сердце тревогу. Но теперь обещаю тебе пойти войной на дивов и змей. Поцелую землю в знак нашей клятвы, стану другом людям.

Вздохнул с облегчением Урал-батыр, согласился он со словами Шульгена, и так сказал ему:

— Смотри, когда черной ночью ты убивал людей, не думал ты, что взойдет луна, а вслед за луной наступит черед солнца. А теперь своими глазами ты увидел, что для людей настал светлый день. Твой падишах Азрака повержен в бою, все твои змеи и дивы разбежались кто куда. Теперь для них настала черная ночь.

И так будет всегда, потому что никогда зло не победит добро! И если ты и вправду возьмешь пример со своего льва и больше не споткнешься, я буду ждать от тебя только добра. Ради отца моего, помня о матери моей испытаю тебя еще раз, исполню желание твое.

Развязал тогда Урал руки Шульгену, снабдил его припасами, проводил в путь. Долго смотрел он вослед Шульгену, и на лице его то проступала тень сомнения, то загорался огонек надежды, и никто не мог сказать, что сулит завтрашний день, когда они встретятся с братом, и где это будет, и как.

Как Урал-батыр встретил бессмертного

Посветлело у всех на сердце, когда побежденный Шульген скрылся из глаз. Оглядел тогда Урал-батыр своих сыновей, оглядел батыров-товарищей по борьбе, оглядел людей, которые примкнули к его отряду и сражались с ним в последней битве с врагом. Отер он пот с лица, улыбнулся:

— Радуйтесь! Мы победили тех, кто принес горе и страдание на нашу землю. Прогнали кровожадных дивов и змей, истребили их. Вечно будут нам напоминать о том высокие горы.

А теперь настало время победить Смерть, что невидима глазу. Пойдем же, наберем воды из Живого Родника, раздадим ее людям — от болезней, от напастей спасем всех, кто живет на свете, всех сделаем бессмертными.

Радостно приветствовали своего вождя люди. А когда крики поутихли, вдруг все услышали стенания и вздохи. Стали переглядываться люди, недоумевая, кто же может так страдать, когда все радуются. Увидели они старика, что брел к ним, еле-еле передвигая ноги, так он был стар. Каждый шаг давался ему с трудом, потому и стонал он, словно пытали его дивы и змеи.

На ходу гремели кости его, тело иссохло, как иссыхает деревце, лишенное коры в знойный день. Громко призывал он Смерть избавить его от мучений.

Стали тогда расспрашивать того старика, и вот что он рассказал, стеная и плача:

— Я живу так долго, что не помню, когда родился на свет, кто мои отец и мать, где я жил в свои детские годы. Только помню я времена, когда люди даже не были похожи на людей, когда отец не признавал своих детей, когда люди ни стыда, ни совести не ведали.

Потом настали иные времена — их я тоже помню. Стали люди собираться вместе, жить парами. Потом они стали объединяться в племена. Помню я, как сильные стали нападать на слабых, помню, как дивы и змеи преследовали людей. Стали они похищать людей, одних обращали в рабство, а других съедали, отращивая себе головы. Род людской тогда рыдал кровавыми слезами, дивы и змеи стали их

владыками, грудь свою простерли над страной, и заслонили собой небо.

Был я тогда юн, о смерти не ведал, а когда она пришла в наши края, задумался. И вот о чем я подумал тогда — что настанет на земле такой великий день, когда родится великий батыр, который истребит всех змей. Тогда-то, думал я, залечатся все раны, улыбки появятся на лицах измученных людей, тогда настанет время великой радости, думал я. И вот чтобы дождаться этого дня, чтобы побывать на великом пире в честь освобождения от змей испил я воды из Живого Родника.

Когда Смерть пришла за мной, ничего она не смогла поделать. Рядом со мной лилась кровь, Смерть хватал меня за глотку, нож приставляла к сердцу, но я не поддался ей. И вот дождался я светлого дня, пришел на ваш пир. Радостные лица ваши увидал, теперь и умру без сожаления.

Но Смерть, которую я призываю, не спешит на мой зов. Сказала она:

— Испил ты воды из Живого Родника, теперь вовеки не возьму твоей души. Силы твои иссякнут, но ты будешь жить, тело твое истлеет, изъеденное червями, но ты будешь жить. Напрасно ты ждешь избавления от мук.

— Мой егет, Урал-батыр! Ты оказался настоящим батыром страны, отвоевал ты землю, теперь будет где жить твоим потомкам. Прислушайся к моим словам, достоин примером стать мой опыт.

Не обрекайте себя на муки, как это сделал я, не поддавайтесь желанию жить вечно. Мир — это сад, все живое растет в том саду, и поколение сменяет поколение, одни оправдывают ожидания, другие позорят, а между тем все украшают собой этот сад в разные времена. То, что Смертью мы называем, то, что злом привыкли считать, лишь только вечный порядок вещей. И в саду слабые, отжившие свой век растения пропалывают безжалостной рукой, очищают от них сад. Не пейте из Живого Родника, не ищите бессмертия себе — есть на свете только одно, что не умирает и остается вечно молодым, что составляет красоту мира, что украшает наш сад — это добро. В небо вознесется добро, в воде не утонет добро. В огне не сгорит добро, неустанно говорят о добре. Оно превыше всех дел, станет добро и для тебя, и для всех людей на свете источником вечного бытия.

Услышал эти слова Урал-батыр и открылась ему великая тайна жизни, великий ее смысл. Оглядел он безжизненную землю, дикие скалы, что взгромоздились над поверхностью исчезнувшего волшебного моря — на эти дикие безобразные скалы, лишенные покрова, на пустоту, в которой ни зверю укрыться, ни человеку найти себе приют. И тогда отправился он к Живому Роднику, и осушил его одним могучим глотком. Но не стал он воду ту пить, но оросил ею землю, что лежала как безжизненная пустыня.

— Пусть зазеленеют горы и леса, пусть птицы воспевают мир, что пришел на землю! Пусть враги, что сбежали под землю, укрывшись в мрачных ее глубинах, завидуют красоте земли! Быть нашему саду достойным жизни, быть нашей стране достойной любви! Пусть сияет наша земля на зависть врагам!

Такие слова сказал Урал-батыр, и все вокруг зазеленело, покрылось цветами. Куда больше воды живой попало — поднялись могучие вечнозеленые сосны и ели, куда меньше воды — зашумели дубравы и нежные липы зашелестели на ветру.

Мир пришел на землю! — Пела листва. Мир пришел на землю! — пела трава. И цветы молчаливо склоняли головы, и соловьи пели до рассвета хвалу тому, кто победил змей и принес на землю радость и счастье.

Шульген снова берется за злые дела

Настигла в дороге Шульгена поразительная, ошеломляющая новость — нет больше на земле Живого Родника! Выпил его Урал-батыр, и всю воду раздарил земле, чтобы цвела во веки веков, чтобы радовала род людской.

День и ночь думал об этом Шульген, ехал он по горам и долинам поклониться отцу и матери, как и обещал Уралу. Но мрачные думы не оставляли его ни на минуту. Думал он о том, что нет теперь на земле бессмертия и значит можно победить род людской, заставить его склонить голову перед ним, Шульгеном, повелителем подземного мира.

— Отныне моя помощница и заступница на земле — Смерть, — думал Шульген. — Она поможет мне сживать со свету людей. Нет, не поедет он к отцу и матери, есть у него дела, которые прославят его, да так, что всему миру будет тошно!

Решил так Шульген и сгинул с лица земли, отправился он в мрачные глубины подземного мира собирать остатки дивов и змей под свое начало.

А люди стали понемногу привыкать к мирной жизни, забывая о мрачных временах войны. Там и сям застучали топоры, завизжали пилы, там и сям стали возникать аулы. Построив дома, стали люди ходить друг к другу в гости, устраивать веселые игрища. Стали знакомиться юноши и девушки, стали влюбляться, стали люди родниться друг с другом. И зашумели, заиграли по всей земле свадьбы, повсюду стали слышны свадебные песни. Наконец-то люди вздохнули свободно.

И тут неожиданно стали приходить известия, одно страшнее другого.

Пошла, говорят, девушка за водой и не вернулась. Только нашли у воды кувшин разбитый. Отправился, говорят, юноша в лес и пропал — ни весточки, ни следа.

Копились эти известия, и вот всем стало ясно — это дивы и змеи начали новую войну против людей. А во главе их снова стоял Шульген.

В страхе пришли люди к Урал-батыру, молили они одолеть эту напасть.

Тогда Урал-батыр собрал всех людей, что жили на земле, и взял их под свою защиту. Дивы, узнав о том, перестали появляться на земле, хоронились они в подземных пустотах и пещерах, куда людям вход был запрещен. Стали они копить силы, чтобы снова напасть на людей.

Но Урал-батыр не стал дожидаться, когда дивов станет так много, что они не побоятся выйти на поверхность земли, покинув свои тесные убежища. Он собрал своих батыров, поставив во главе войск Иделя, Яика, Нугуша и Хакмара, сына Шульгена.

Горько было у него на душе, хотел он отомстить Шульгену, уничтожить его вместе со всеми дивами-приспешниками.

Отправился Урал-батыр к озеру, что осталось от волшебного моря дивов. В нем и затаился Шульген с своим войском.

— Выпью это озеро до дна, освобожу род людской от нечисти! — решил Урал-батыр. Стал он пить воду озерную — закипела вода, забурлила. В страхе завизжали, заголосили дивы. Пьет Урал-батыр воду, и дивы вместе с той водой попадают в его нутро, грызут печень и сердце. Почувствовал Урал-батыр, что плохо ему стало, выплюнул то озеро, а сам, не устояв на ногах, повалился навзничь.

Выскочивших дивов тут же прикончили сыновья, но своему отцу они уже ничем не могли помочь — ослабел Урал-батыр, сила ушла из его тела.

Собрался народ возле смертного ложа батыра, ждали люди, что скажет им напоследок их батыр, каким будет его последнее слово.

Собрал последние силы батыр, приполднялся на смертном ложе и люди услышали его завет:

— Вода, что таится в озерах и впадинах разных, всегда будет приносить вам беду. Там всегда будут таиться дивы и всякая нечисть. Воду ту не пейте, инчае дивы проникнут к вам в нутро и уничтожат вас. А я, гордый своим богатырством, не ценил своих помощников, хотел сам освободить вас от дивов, и вот теперь я умираю.

Народ мой, хочу сказать тебе такие слова — не бери себе в попутчики зло, пусть сердце у тебя батыра и рука батыра. Но пока не пространствуешь, не повидаешь мир. Пока не станет сердце твое отважным — не делай ничего, не посоветовавшись с мудрыми людьми.

И вам, сыновья мои, мое слово. На этих землях, что я освободил от дивоов, устройте счастье людей. Чтите старшего по годам, не пренебрегайте его советами. Чтите молодого за молодость его, ни лишайте его своего совета и участия.

Оставляю вам своего коня и свой меч — только отважному покорятся они, только в руках батыра страны будут они блистать, как молния.

Матерям вашим передайте, пусть не держат на меня зла, расстанутся со мной миром.

А всем вам скажу так — пусть добро будет вашей опорой, вашим спутником в пути. Не сторонитесь добра, не уступайте дорогу злу!

Сказал так Урал-батыр и умер. В скорби весь народ низко-низко склонил свои головы.

В тот же миг в небе упала звезда, и Хумай узнала, что мужа ее нет более в живых. Вновь надела она свой птичий наряд. Прилетела из-за гор, из-за лесов, из птичьей своей страны.

Прощание вышло грустным. Поцеловала она мертвого Урал-батыра в губы и так сказала:

— Ах, Урал, мой Урал, не застала я тебя в живых, не услышала я последних твоих слов, чтобы облегчить твою печаль. В юности встретила я тебя, сбросила я тогда свой птичий наряд. Когда пошел ты на войну против злодеев-дивов, оседлав Акбузата, в руках держа булатный меч, я провожала тебя в бой, была я тогда самой счастливой на свете.

А теперь что же делать мне?

Пусть люди зовут меня Хумай, но своего наряда птичьего я уже не сброшу. Не стану вновь красавицей тешить мужской взор. Нигде и никогда не найду я такого, как ты, матерью батыру не стану. Буду я птицей вовеки. Снесу яйцо, будет то дитя птицей белой, как твои чистые помыслы, мой Урал.

Похоронила Хумай Урал-батыра на высокой гряде. Ту могилу вода не зальет, огонь не сожжет. На высокой горе та могила, что поднял Урал-батыр из моря. Улетела прочь Хумай, скрылась из глаз. А та гора стала именоваться по имени батыра — Урал-гора. А вскоре и всю страну стали называть его именем — Урал.

Как появились на Урале лебеди

Много-много лет спустя на могилу Урала спустилась с небес диковиная птица. То была Хумай.

Соскучилась она по своему богатырю, вот и прилетела на легких крыльях. Не одна прилетела, вместе с ней целый выводок белых птиц — лебедей. Люди, зная, что это дети Хумай, не трогали лебедей, не охотились на них.

А Хумай, видя это, осталась жить на Урале, тяжко было ей в своей птичьей стране. А за ней ее лебедями прилетели на Урал и другие птицы и звери.

С тех пор Урал стал славен зверьем и птицами. Прослышал о том и бык Катила, что давно скитался по земле в поисках спокойного убежища со своим стадом, вожаком которого он был. Привел он своих собратьев на отроги Уральских гор, покорился человеку.

И Акбузат пришел на Урал, привел за собой табуны лошадей. Приручили их люди. Сделались лошади с тех пор верными спутниками людей.

Каждый месяц, каждый день полнился Урал все новыми и новыми животгыми. В память о том люди разделили время на месяцы и года, и назвали их именами животных и птиц в том порядке, в каком пришли они на Урал — благодатную страну.

Однажды люди увидели сияние, исходившее из могилы Урала. Оказалось, что это светится прах Урал-батыра. Собрались тогда люди на той горе, каждый взял себе на память горстку его праха. А со временем на том месте образовалось, говорят, золото.

Как на Урале появились реки

И стало на Урале людей, зверей и птиц видимо-невидимо. Все хотят пить, а на всех родников не хватает. Не пить же из озер, все хорошо помнили наказ Урал-батыра о дивах, что живут в водоемах.

Тогда решили люди обратиться к предводителям своим — Иделю, Яику, Нугушу и Хакмару.

— Что делать нам? — спросили они батыров. Задумались батыры, обещали ответить, как только смогут.

Задумался тогда и Идель, долго думал он, дни и ночи и вскоре собрал он народ и сказал им так:

— Покуда в воде, которую мы пьем, не исчезнет зло, никто не сможет жить спокойно. Надо разбить наконец войска Шульгена, только тогда будем жить в мире и спокойствии. Только тогда будет воды вдосталь для всех людей.

Поддержали его громкими криками, всем казалось, что победа близка, вот-вот, и победят Шульгена.

Когда собралось войско и Идель уже хотел отправляться в поход, с высокого неба соскользнула к нему птица. То была Хумай. Подлетела она к сыну и сказала ему такие слова:

— Когда-то никто не мог себе даже представить, что появится на свет батыр, который дивов победит, из их тел сложит горы, осушит море, свою страну создаст. Но пришел твой отец, и все увидели, что такое бывает.

Разве не говорил он тебе — не пейте воду из озер, тобы не убить себя? Даже если ты победишь Шульгена, разве вода из его озера станет для людей материнским молоком? Нет, не утолит та вода жажды людской. Потому ищи, сын мой, другие пути, достойные батыра.

Стыдно стало Иделю, не стал он вести войско на Шульгена, не стал идти легким путем. Распустил людей, а сам отправился на высокую гору думать, размышлять.

— Достоин ли сын Урал-батыра сам называться батыром, если народ его страдает? В руках отца булатный меч крошил дивов, сможет ли он сослужить верную службу его сыну? — так думал Идель.

И вот ударил он мечом по горе, и раскололась та гора на две полвины, и из недр ее появился на свет серебристый родник. Зажурчал, заструился тот родник, запел свою веселую песню, как соловей на воле. Добежал ручей до горы Ямантау, что образовалась из тела Азраки. Преградила ручью путь та гора. Шел следом за ручьем Идель, поднял свой меч, ударил. Раскроил он гору надвое, открыл путь роднику.

Гора, которую он разрубил, из которой потек родник, стала называться горой Иремель. Ущелье, которое образовалсь от того, что Идель рассек гору мечом, стало называться Кыркты. А вода, что добыл Идель, стала рекой, которую и поныне зовут люди Идель.

Исстрадавшиеся от жажды люди подошли испить воды из той реки, все хвалили батыра, который добыл для них воду.

В благоденствии жил народ в долинах Идель-реки, год от года умножался род, и в стране стало много людей.

Скоро стали тесны просторные долины Идели. Тогда собрались Яик, Нугуш и Хакмар и по примеру своего брата отправились искать новые реки. Один за другим звенели их мечи, и вот увидели свет три новых реки, полные живительной влаги.

Собрали батыры народ, и поселились люди в долинах четырех реках. Имена батыров стали названиями четырех рек, и остались их имена в поколениях незабываемы.